

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2022. № 8(164)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2022
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кукулина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovskiy V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China).

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporozhan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

8 ХЛУТКОВ А. Д.

Образование для государственной службы: традиционные подходы и новые вызовы

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

15 ВУЛЬФОВИЧ Р. М., ЕФРЕМОВА М. С.

Современное состояние «зеленых» партий:
Россия, Европа, мир

28 АГАРКОВ К. Ю.

Применение социальных сетей в принятии проектных решений:
гендерное восприятие информации и не прямое воздействие
в ходе избирательной кампании

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

36 БОЙКО И. В., ГЕТМАН А. Г.

Современные вызовы для международных морских грузоперевозок

46 БУШЕНЕВА Ю. И.

Компонентно-элементный состав методологии прогнозирования
и планирования национальной экономики

56 САНТЬЯГО КАЭТАНО

Глобальная устойчивость и структурная власть: место биоэкономики
в переходном мире

67 ГАВРИЛИНА Д. Н.

Стратегический анализ международного опыта финансирования малых
инновационных предприятий

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

82 КОЛЕСНИК Е. А.

Ценность труда в условиях цифровой трансформации занятости и рынка
труда: межпоколенческий разрез

94 МАЛИК Е. Н.

Формирование социально-политического потенциала молодежи
в условиях интернет-социализации

108 СОСНОВСКАЯ А. М.

Дискурс всемирного культурного наследия

124 ШЭНЬ ЛИНЬ, СЮЙ ХУЭЙ

Исследование эффективности материально-технического обеспечения в высших учебных заведениях Китая

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**137 ЗАХАРОВА Н. В., ЛАБУДИН А. В.**

Формирование в Ленинграде системы комплексного непрерывного поточного управления жилищно-гражданским строительством: опыт 70–80-х годов XX века

A LINEA**149 ШЕВЧЕНКО К. В.**

Согласованность стратегических интересов в развитии занятости населения Амурской области

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**161 КИРИЛЕНКО В. П., МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В., ДОВБУШ Т. Н.**

Рецензия на монографию «Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского)»

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

8   ANDREY D. KHLUTKOV

Education for Public Service: Traditional Approaches
and New Challenges

POLICY AND LAWFUL STATE

15   REVEKKA M. VULFOVICH, MARIA S. EFREMOVA

The Current State of the “Green” Parties: Russia, Europe, the World

28   KONSTANTIN YU. AGARKOV

The Use of Social Networks in Project Decision-Making: Gender Perception
of Information and Indirect Impact during the Election Campaign

POWER AND ECONOMY

36   IRINA V. BOIKO, ANASTASIA G. GETMAN

Modern Challenges for International Sea Freight

46   YULIA I. BUSHENEVA

Component-Element Composition of National Economy Forecasting and
Planning Methodology

56   SANTIAGO CAETANO

Global Sustainability and Structural Power: The Case of Bioeconomy
in a Transitional World

67   DARIA N. GAVRILINA

International Experience Strategic Analysis of Financing Small Innovative
Enterprises

SOCIETY AND REFORMS

82   ELENA A. KOLESNIK

The Value of Labor in the Context of Digital Transformation of Employment
and the Labor Market: An Intergenerational Cross-Section

94   ELENA N. MALIK

Formation of Social and Political Potential of Young People in Conditions
of Internet Socialization

108   ANNA M. SOSNOVSKAYA

World Cultural Heritage Discourse

124   SHEN LIN, XU HUI

The Exploration of Performance Evaluation on School Rear-service in China

HISTORY AND CULTURE**137 NATALYA V. ZAKHAROVA, ALEXANDER V. LABUDIN**

Formation in Leningrad of a System of Integrated Continuous Flow Management of Housing and Civil Construction: The Experience of the 70–80s of the Twentieth Century

A LINEA**149 KRISTINA V. SHEVCHENKO**

Alignment of Strategic Interests in the Development of Employment in the Amur Region

SCIENTIFIC LIFE**161 VICTOR P. KIRILENKO, YURI V. MISHALCHENKO, TIMOFEY N. DOVBUSH**

Review of the monograph “The Idea of Good in F. M. Dostoevsky’s Work and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (To the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky)”

Образование для государственной службы: традиционные подходы и новые вызовы

Хлутков А. Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; khlutkov-ad@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Внешнеполитические и внутривнутриполитические вызовы, стоящие перед Россией, актуализируют вопросы совершенствования системы образования. Государственное и муниципальное управление может быть эффективным только в том случае, если оно опирается на реальные потребности общества, которые все время эволюционируют. В свою очередь образование есть универсальный способ обеспечить соответствие общественного запроса и государственной необходимости. Образование для государственной службы — особая часть системы профессиональной подготовки молодежи. В этом случае задачи собственно профессиональной подготовки сочетаются с приоритетом воспитательных целей.

Ключевые слова: образование, государственное и муниципальное управление, воспитание, образовательная система, Болонский процесс

Для цитирования: Хлутков А. Д. Образование для государственной службы: традиционные подходы и новые вызовы // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 8–14.

Education for Public Service: Traditional Approaches and New Challenges

Andrey D. Khlutkov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; khlutkov-ad@ranepa.ru

ABSTRACT

Foreign and domestic political challenges facing Russia actualize issues of improving the education system. Public and municipal administration can only be effective if it relies on the real needs of society, which evolve all the time. In turn, education is a universal way to ensure compliance with public demand and public necessity. Education for public service is a special part of the youth vocational training system. In this case, the tasks of professional training themselves are combined with the priority of educational goals.

Keywords: education, state and municipal administration, education, educational system, Bologna process

For citing: Khlutkov A. D. Education for Public Service: Traditional Approaches and New Challenges // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 8–14.

Вопросы образования и профессиональной подготовки актуальны всегда. Д. И. Менделеев отмечал, что «главную цель образования должно видеть в высшем образовании, и все лица, прошедшие среднее образование, должны удовлетворять норме подготовки, которая принимается во внимание при составлении программ высших учебных заведений» [3, с. 250].

Уход от Средневековья и начало Нового времени сделали образование системой. XX век сделал образование массовым, многоуровневым. Прошедший век убедительно доказал, что образование актуально и в мирное, и в военное время. В этом контексте можно отметить то, что в периоды кризиса, тектонических геополитиче-

ских изменений в мире ситуация с образованием является маркером качества общества и государства.

Россия не была инициатором санкционных режимов, распространенных в том числе на гуманитарную сферу. В условиях масштабных экономических санкций в отношении нашей страны со стороны недружественных зарубежных государств следует заново рассмотреть все ключевые характеристики экономической и политической модели. Разумеется, это относится и к образованию.

Фактически Западом против России ведется не только полномасштабная экономическая и информационная война, но и борьба с нашими ценностями и устоями. И связано это не столько с проводимой на Украине специальной военной операцией — это всего лишь повод, — сколько с устойчивыми намерениями в целом по сдерживанию развития Российской Федерации как крупнейшего центра стабильности в многополярном мире. Разумеется, удар был нанесен и по образованию. Поэтому весь комплекс проблем еще долго будет находиться в центре общественного внимания [2].

Общественная дискуссия по вопросам совершенствования образования заставляет нас вспомнить формулировку одного известного генерала, который, комментируя вопрос о преимуществах тех или иных образцов бронетехники, подчеркнул, что «Лучший танк на поле боя — это танк с наилучшим экипажем». Из этого следует то, что образование и профессиональная подготовка (характеристики взаимосвязанные, но не тождественные) крайне важны в текущих условиях. Поэтому задача подготовки «кадровых экипажей» для народного хозяйства и органов власти в современных условиях выходит на передний план. Именно новые управленческие кадры должны обеспечить наше уверенное движение по выбранной траектории развития.

Объективно понимание этого обстоятельства пришло почти сразу после разрушения советской системы [1]. Разумеется, пришлось начинать практически «с нуля». Система подготовки кадров для государственной службы постоянно совершенствовалась, но одновременно изменялись как внешние, так и внутренние условия. Именно поэтому Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» постоянно совершенствуется и на сегодняшний день существует в редакции от 27.08.2022 г.¹

Социально-экономические и политические вызовы, стоящие перед Российской Федерацией, ставят все новые и новые требования к качеству образования. Несложно заметить то, что последние десятилетия проходят в условиях сочетания кадрового голода и постоянных разговоров о неэффективности кадровых лифтов. Этот вопрос в целом носит фундаментальный масштабный характер и относится ко всем социальным и демографическим группам. Тем не менее вопросы образования и воспитания особенно актуальны применительно к молодежи.

Работа с молодежью — стратегическая цель общественного развития, и в СССР это хорошо понимали. Советская система кадрового продвижения во многом была успешна за счет того, что качественно работала по вертикали от октябрятской звездочки до Председателя Совета министров. Практики 1920–1980-х гг., при всех нюансах, предполагали определенные правила в сфере образования и профессиональной подготовки. Университет марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Академия общественных наук при ЦК КПСС, система партийных и профсоюзных школ по-своему эффективно, применительно к советской системе, обеспечивали движение кадров.

Мы исходим из того, что в СССР было не только достаточно кадровых промахов, но и высокий процент кадровых попаданий. При этом система жестко ориентиро-

¹ Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция) с изм. и доп., вступ. в силу с 27.08.2022.

валась на преемственность поколений. К сожалению, сегодня эта система утрачена, восстановление ее в прежнем виде невозможно, да, наверное, и нецелесообразно.

Через тридцать лет после 1991 г. ситуация собственно в образовании выглядит достаточно стабильно, несмотря на внешние угрозы. Аппарат государственной власти приобрел стабильное состояние, в чем-то напоминая западную систему, а где-то советскую или даже имперскую практику с «табелью о рангах». Приняты законы о государственной и муниципальной службе. Иными словами, не следует считать, что система не реагирует на внешние и внутренние вызовы. Политические элиты формируются и эволюционируют, что определяет качество общественного развития [4].

Вопрос функционирования элит в контексте образования для Запада не нов. «Системы образования Великобритании и Франции выступают механизмом рекрутирования политической элиты в сегменте высших должностных лиц исполнительной власти. В обеих странах на временном отрезке с 1945 г. два ключевых вуза окончили более половины министров: в Великобритании 56,9% министров окончили Оксфорд и Кембридж (34,8% и 22,1% соответственно). Во Франции дипломы Института политических исследований и Университета Парижа имеют 59,4% министров (30,3% и 29,1% соответственно)» [6, с. 28]. Г. Уильямс и О. Филипаку отмечают, что с 1995 по 2008 г. 20% совокупной элиты (на основе исследования «Who's Who») имели дипломы частных школ и Оксбриджа (Оксфорд и Кембридж) [7]. «Кембриджская пятерка» советских разведчиков названа так в связи с тем, что ее участники — выпускники Кембриджа, кузницы государственных служащих Соединенного Королевства. Долгие годы в центре общественной дискуссии находился не вопрос о том, что стало известно Москве, а именно тот факт, что альтернативный выбор сделали те, кто заведомо обязан был поддерживать «старую добрую Англию» и разделить ее победы и поражения. Измена в Кембридже обсуждалась не меньше, чем измена собственно в разведке.

***

В кругу задач общественного развития в целом образование является очевидным приоритетом. К данной проблеме можно подходить сугубо с экономических позиций, и в этом случае образование можно рассматривать как услугу. Все признаки услуги имеются, причем как услугу можно рассматривать и «бесплатное образование», и платную форму обучения.

Экономический аспект проблемы весьма важен. В рамках Российской империи и при Советской власти существовали формы обязательного распределения или отработки, т.е. фактически компенсации затрат на высшее образование. Характерно то, что это распространялось и на гражданские, и на военные учебные заведения. Речь не идет о возврате к этой практике, но сам факт ее существования подчеркивал то, что образование — это услуга, а бесплатное с точки зрения получателя образование на самом деле является, разумеется, платным с позиции государства.

Следует отметить, что вопрос о качестве и задачах образования до 2021 г. постоянно обсуждался. При этом существенно меньше внимания уделялось воспитанию, т.е. функции, с которой современное образование заведомо не справляется. Речь идет о воспитании людей, их мировоззренческой подготовке в процессе образования. Специалист, работающий на государственной службе и не являющийся патриотом своего государства, — ситуация, которая не должна быть возможной, а в уникальных случаях заслуживает детального изучения и соответствующих выводов.

Итак, образование — это не только услуга, но и сложный воспитательный процесс. Обучение в высшем учебном заведении — это ключевой этап социализации человека. Речь идет о формировании мировоззрения как ключевой части подготовки к профессиональной карьере. При всем нашем уважении к дополнительной профессиональной подготовке и самой концепции постоянного или пожизненного образования, укажем на то, что только на студенческой скамье возможность системного освоения знаний сочетается с формированием как научного, так и общественного мировоззрения. На последующих этапах есть возможность существенного углубления тех знаний, которые получены в высшем учебном заведении, но воспитание, увы, маловероятно.

На современном этапе должна быть создана иная модель образования, критерием качества которой является эффективная кадровая политика, отвечающая тем принципам общественной организации, которые доминируют сегодня. Но, что самое главное, в реализации данной политики обязательно должен быть сохранен тот самый проверенный принцип преемственности.

Наибольшей проблемой является «стык» молодежной и образовательной политики. Пока же в сфере молодежной политики доминирует «очаговая» активность. Возьмем, к примеру, проекты Молодежных парламентов. Нет никаких сомнений в том, что эта идея абсолютно здравая, но она, как свободная вершина, живет сама по себе, не опираясь на предшествующие этапы кадровой биографии молодых людей и, в общем-то, не очень предполагая какие-либо последующие этапы. Подобных примеров можно привести достаточно много, но логично возникает вопрос о переходе от отдельных правильных мер к выстраиванию в России новой целостной системы молодежной кадровой политики.

Особое место в ее реализации принадлежит организации взаимодействия кадровых служб государственных органов с высшими учебными заведениями. Очевидно то, что подбор кандидатов на работу в органы государственной власти, в молодежный кадровый резерв должен начинаться кадровыми аппаратами в диалоге с администрациями вузов и профессорско-преподавательским составом еще на этапе обучения студентов.

Сегодня, как и прежде, вузы остаются той площадкой, где в течение 4–6 лет молодые люди получают не только профессиональные знания, но и формируют и оттачивают свою гражданскую позицию, имеют многочисленные возможности раскрыть личные таланты. Именно здесь закладывается потенциал личности, связанный не только с собственно образованием, но и с воспитанием.

В период реализации образовательных программ осуществляется оценка и развитие таких важных компетенций и навыков будущих госслужащих, как способность к:

- анализу информации и выработке самостоятельных решений,
- планированию и управлению изменениями,
- ориентированности на конкретный результат.

Оцениваются их лидерские качества, нацеленность на дальнейшее саморазвитие и партнерство. Этот критерий всегда был в системе образования, Болонская система не исключение.

Рассмотрим некоторые вопросы, связанные с Болонской системой, ее эффективностью и основными параметрами применительно к подготовке кадров для государственной и муниципальной службы.

С нашей точки зрения, разделение на бакалавриат и магистратуру является важным достоинством Болонской системы. В контексте государственной службы магистратура необходима как часть дополняющей специализации. Иными словами, базовая подготовка для всех специальностей государственной и муниципальной службы — бакалавриат. Дополняющая специализация, к примеру, социальная ра-

бота, — это последующие два года магистратуры. Если же говорить об обучении ради саморазвития, то для подготовки по специальности «Государственное и муниципальное управление» (ГМУ) это скорее исключение, большой статистической роли применительно к данной специализации не играет.

Приведем пример: общая подготовка по специальности ГМУ является базисом, а вот дальнейшая специализация выпускника, предположим, по направлению «Муниципальное планирование», вполне может быть предметом дополнительных образовательных программ. Однако построение этих дополнительных программ предполагает, что элементарным и даже некоторым комплексным составляющим этой работы, связанной со спецификой государственного и муниципального управления, обучать уже не требуется. Иными словами, после базового образования целесообразно ввести этап практической работы.

Не обсуждая сейчас качество Болонской системы, укажем на то, что к 2022 г. Россия в целом оказалась к ней адаптированной. Соответственно, и выход из нее в любом случае станет определенным вызовом для России. Кроме того, Болонская система подразумевала введение зачетных единиц результатов обучения, новую систему оценки качества программ и образовательного процесса в вузах, а также нормативно-подушевой принцип финансирования. Эти подходы, вероятно, нуждаются в совершенствовании, но их радикальная отмена способна дезорганизовать всю систему образования.

***

С целью развития у студентов вышеуказанных практических навыков и компетенций, наряду с овладением в процессе учебы теоретическими знаниями, в Северо-Западном институте управления РАНХиГС реализуется целый набор практик и стажировок в более чем 350 партнерских организациях. Вся эта работа осуществляется на основе соответствующих договоров и соглашений. Успешное прохождение студентами таких практик зачастую становится реальной возможностью для их последующего трудоустройства после окончания вуза.

Отдельным направлением деятельности, хорошо представленным в РАНХиГС, является послевузовское сопровождение выпускников. С этой целью в Северо-Западном институте управления РАНХиГС была создана Ассоциация выпускников, которая активно занимается дополнительным развитием и совершенствованием их профессиональных навыков и на сегодняшний день объединяет значительное число наших выпускников.

Таким образом, Северо-Западный институт управления РАНХиГС может не просто выступать как образовательная организация, но и предоставлять услуги более широкого спектра: от подбора, оценки кандидатов на работу до развития навыков действующих госслужащих, а самое главное — активно учитывать задачи воспитательного характера (однако здесь пока больше вопросов, чем ответов).

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время в Институте действует 62 направления высшего образования, при этом представлено более 130 программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Ежегодно по этим программам проходит обучение более 5000 слушателей.

Важно то, что максимальный успех этой работы может быть достигнут в том случае, когда ею встречно занимаются и вуз, и организации и структуры, в которых трудятся наши выпускники.

Над обучением своих сотрудников работают не только органы региональной власти и местного самоуправления, но и представители федеральных органов, задействованных в управлении регионами. Конкретным примером является заинтересованность Петербургского УФАС в усовершенствовании компетенций своих

сотрудников, проведении тренингов по решению задач успешного командообразования, управленческих задач, умению эффективно проводить переговоры.

Необходимо обратить внимание, что эти образовательные программы реализуется Институтом не на основе абстрактных научно-теоретических конструкций, а путем разбора реальных кейсов крупнейших отечественных корпораций, таких как Газпром, Роскосмос, Сбер, Аэрофлот и других.

В настоящее время Институтом разработана программа для специалистов, выезжающих для работы в составе военно-гражданских администраций на территорию ЛНР и ДНР. Сегодня совместно с Институтом проблем региональной экономики РАН нами также ведется работа над программой дополнительного профессионального образования «Управление регионом», реализация которой направлена на совершенствование взаимодействия органов местной, региональной и федеральной властей, задействованных в управлении субъектом Российской Федерации.

В этой связи важным моментом является дальнейшее совершенствование института наставничества и обеспечение предметного участия в этой работе представителей вузов. Существенное значение здесь, на наш взгляд, отводится базовым кафедрам, сформированным в ряде органов государственной власти. Например, такая кафедра уже работает на базе Правительства Санкт-Петербурга, сейчас прорабатывается вопрос о создании аналогичной кафедры в Законодательном собрании города. Все это, конечно, направлено в первую очередь на активизацию и систематизацию участия практических работников органов госвласти в передаче опыта молодому поколению, что сделает эту работу более системной и результативной.

Следует также отметить, что в целях развития кадрового потенциала и компетенций будущих государственных и муниципальных служащих важным инструментом является целевое обучение специалистов.

В соответствии со статьей 56 Федерального закона «Об образовании в РФ» гражданин, поступающий на обучение, либо уже обучающийся по образовательной программе высшего образования, вправе заключить договор о целевом обучении. Заказчиками целевого обучения, на наш взгляд, в первую очередь должны быть органы государственной власти и местного самоуправления.

Подведем некоторые итоги.

Советское поколение государственных служащих представляло пусть меняющуюся, но традицию. Устойчивость традиции (конечно, не британская), безусловно, присутствовала. Постсоветское поколение руководителей в значительной степени было дезориентировано. Советская школа управления оказалась разрушена, развитие новой было сопряжено с серьезными трудностями. Сейчас средний возраст руководителя в России приближается к 60 годам. Разрыв поколений становится явным во всех сферах жизни общества, включая управление. В течение ближайших 10–15 лет Россия, к сожалению, останется без кадрового наследия Советского Союза. Это обстоятельство актуализирует вопросы образования для государственной службы.

Необходимо и дальше усиливать уровень взаимодействия с кадровыми аппаратами региональных и федеральных органов власти. В этом смысле Северо-Западный институт управления Президентской Академии будет работать над закреплением за собой статуса Регионального центра формирования компетенций в области подготовки управленческих кадров для органов власти и местного самоуправления.

Характеризуя суть работы с кадровым потенциалом, директор Института экспериментальной медицины Монреальского университета профессор Ганс Селье еще в 50-х гг. прошлого века сформулировал основной принцип успешной кадровой работы. Он утверждал, что секрет удачного выбора сотрудников прост — надо находить людей, которые сами хотят делать то, что бы вам хотелось от них [5].

К сожалению, нет ответа на вопрос, где брать таких специалистов? Вероятно, «взять» их в принципе невозможно, компетентных сотрудников для государственной службы необходимо готовить в стенах российских вузов, особенно профильных, таких как РАНХиГС.

Наше взаимодействие с представителями органов государственной власти и муниципального управления сделает эту работу еще более адресной и эффективной.

Литература

1. Бахрах Д. Н. Государственная служба: основные понятия, ее составляющие, содержание, принципы // Государство и право. 1996. № 12. С. 10–19.
2. Виньо А., Байков А. А., Калюжнова Е. Российское высшее образование в условиях санкций: конструктивистский взгляд // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 47–62. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.05>
3. Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995.
4. Палитай И. С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.) // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 148–160. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.12>
5. Селье Г. От мечты к открытию. М. : Прогресс, 1987.
6. Соловьева Д. Д. Система образования как канал рекрутирования политической элиты в Великобритании и Франции : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М. : МГИМО МИД РФ, 2021.
7. Williams G., Filippakou O. Higher education and UK elite formation in the twentieth century // Higher Education. 2010. Vol. 59. N 1. P. 1–20.

Об авторе:

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; khlutkov-ad@ranepa.ru

References

1. Bahrakh D. N. Public service: basic concepts, its components, content, principles // State and Law [Gosudarstvo i pravo]. 1996. N 12. P. 10–19 (in Rus).
2. Vigneau A., Baykov A. A., Kalyuzhnova Y. Russian higher education under sanctions: a constructivist perspective // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2022. N 4. P. 47–62. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.05> (in Rus).
3. Mendeleev D. I. Cherished thoughts. Moscow, 1995 (in Rus).
4. Palitay I. S. The Russian political elite: characteristics and dynamics (based on research materials dating from 2011 to 2021) // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2022. N 4. P. 148–160. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.12> (in Rus).
5. Selye H. From dream to discovery. Moscow: Progress, 1987 (in Rus).
6. Solovyova D. D. The education system as a channel for recruiting the political elite in Great Britain and France : dissertation. Moscow: MGIMO University, 2021 (in Rus).
7. Williams G., Filippakou O. Higher education and UK elite formation in the twentieth century // Higher Education. 2010. Vol. 59. N 1. P. 1–20.

About the author:

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management — branch of the RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Современное состояние «зеленых» партий: Россия, Европа, мир

Вульфович Р. М. *, Ефремова М. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vulfovich-rm@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изучению современного состояния «зеленых» партий в мире в целом, а также конкретно в Европе и Российской Федерации. В ней раскрывается история становления «зеленых» партий, анализируются объединяющие их черты. Также рассматриваются отличия европейских «зеленых» партий от российских. Частью исследования выступает анализ процентного соотношения представителей «зеленых» партий в законодательных органах власти от общего количества членов в разных странах.

Основной исследовательский вопрос данной статьи может быть сформулирован следующим образом: какое место «зеленые партии» занимают в настоящее время в политической системе различных государств и каковы перспективы их развития в будущем. В результате исследования автор приходит к нескольким выводам: в настоящее время «зеленые» партии существуют почти в половине государств, где существование партий возможно, как таковое. В четверти этих государств представители данных партий входят в правительство, а в правящие коалиции входят около 44% из них. Тем не менее, за полвека это достаточно большое достижение для партий, которые длительное время находились в оппозиции. Наиболее ярко они представляют свою позицию в парламентах европейских стран. В статье показаны отличия «зеленых» партий Европы от партий аналогичной направленности в Российской Федерации.

Ключевые слова: экология, политика, партия зеленых, экологические политические партии, парламент, политическая система

Для цитирования: Вульфович Р. М., Ефремова М. С. Современное состояние «зеленых» партий: Россия, Европа, мир // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 15–27.

The Current State of the “Green” Parties: Russia, Europe, the World

Revekka M. Vulfovich*, Maria S. Efremova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *vulfovich-rm@ranepa.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the current state of the «green» parties in the world as a whole, as well as in Europe and the Russian Federation in particular. The history of the formation of the «green» parties is also revealed and their common features are analyzed. In addition, the difference between the European «green» parties and the Russian ones is considered there. An important part of the study is the analysis of the percentage of representatives of «green» parties in the legislative authorities in the countries. As a result of the research, the author comes to several conclusions: currently, «green» parties exist in almost half of the countries where the existence of parties is possible as such. In a quarter of these countries, representatives of these parties are in the government, and about 4% of them are in the ruling coalitions. Nevertheless, for half a century, this is quite a great achievement for parties that were once considered oppositional. Most of these parties are represented in the European parliaments, but they have a number of differences from the «green» parties of the Russian Federation, which is also noted in this article.

Keywords: ecology, politics, green party, environmental political parties, parliament, the parliament, the political system

Введение

Партии зеленых, которые когда-то считались «маргинальными», все чаще претендуют на значимое место в политике. Особенно ярко данная тенденция стала проявляться в последнее время. Одним из основных трендов последних десятилетий в демократических странах стало появление новых политических игроков, артикулирующих меняющиеся запросы общества (популисты, националисты, евроскептики, феминистки, зеленые). Оформляясь в партии, эти игроки бросают вызов существующей партийной системе, что делает ее более волатильной [16]. В настоящее время организации защитников окружающей среды превратились в масштабные партии, которые способны побеждать на выборах и представлять население в высших органах государственной власти и даже входить в правящие коалиции, т. е. определять государственную политику по всем основным направлениям [10].

Все «зеленые» партии имеют ряд общих черт [11].

1. Общность причин возникновения: насущные вопросы экологической политики недостаточно прорабатывались существующими политическими партиями, что вызвало необходимость появления новых политических акторов, способных решать эти проблемы и сосредоточить внимание государственных органов на вопросах защиты окружающей среды.
2. Общность электората: молодой, нерелигиозный, образованный городской житель, чаще женского пола, как правило, общественный активист, готовый включиться в новые формы политического участия.
3. Общность принципов: приоритет вопросов охраны окружающей среды, экологической политики и устойчивого развития, а также вопросов пацифизма, толерантности и социального равенства.

Все эти характеристики позволяют отнести данные партии к левому политическому спектру [25].

Методологический подход и используемые материалы

Анализ актуального состояния экологоориентированных партий в мире в настоящий момент и перспектив их дальнейшего развития в условиях кризисного состояния окружающей среды и необходимости защиты климата проводится на основе сравнительного политологического подхода с использованием элементов исторического институционализма [19]. В рамках статьи рассматриваются статистические материалы, позволяющие оценить место и роль «зеленых» партий в рамках различных форм правления и политических режимов. Исследуются также причины возникновения «зеленых» партий и траектория их развития, начиная с 1968 г. На основе анализа коалиционного соглашения, заключенного партиями ФРГ, выигравшими выборы в Бундестаг в 2021 г. и вошедшими в правящую коалицию, рассматривается возможность определения политики крупнейшего европейского государства (за исключением России) с опорой, прежде всего, на «зеленую» политическую повестку.

История появления «зеленых» партий

Историю развития «зеленых» партий следует рассматривать в определенных хронологических рамках начиная с 1968 г. Именно тогда в разных странах мира прошли студенческие протесты против существующей капиталистической системы, ко-

торые в дальнейшем стали, в том числе, началом политической карьеры для многих лидеров и будущих основателей «зеленых» партий [14].

Важным толчком для появления экологических партий также послужили события, произошедшие в 70-е годы XX в., когда начались протесты против ядерной энергетики и ядерного оружия, которые были в тот момент центральной экологической проблемой [15].

Достаточно важным событием в истории появления «зеленых» партий является основание первой экологической политической партии в 1972 г. в Австрии — Объединенной тасманской группы. И хотя партия вскоре распалась, ее политическая программа стала источником вдохновения для многих защитников окружающей среды. Среди других экологоориентированных партий того времени можно назвать Партию ценностей Новой Зеландии и Народную партию Великобритании [9].

Германия является страной, где «зеленая» партия впервые заняла достойное место в политике. Началось все в 1980 г., когда зеленые (в настоящее время Союз 90/Зеленые) Западной Германии впервые приняли участие в общенациональных выборах, хотя тогда они и не получили ни одного места в парламенте. Однако уже в 1983 г. они входят в Бундестаг, получив 27 из 520 мест [6].

К 1990-м годам «зеленые» стали не только чаще принимать участие в выборах на местном, региональном и государственном уровне по всей Европе, но и выигрывать их [17].

За пределами Европы «зеленая» политика также приобрела популярность, но столкнулась с совсем другими избирательными условиями. В США, например, президентская форма правления не позволяет небольшим партиям играть существенную роль в государственном управлении. Даже то, что «зеленые» выиграли за последние годы сотни выборов в местные органы власти и легислатуры штатов, им трудно добиться успеха на национальной арене, где доминируют две основные партии [18].

Еще одним важным событием стало вхождение Финляндской партии «Зеленый союз» в 1995 г. в состав правительства, и назначение ее лидера Пекка Хаависто министром окружающей среды [20].

В 1996 г. «зеленые» США решили впервые выдвинуть своего представителя Ральфа Нейдера на пост президента США. Поворотным стал 2000 г., когда во время очередных президентских выборов на данный пост баллотировались представители «зеленых» Нейдер и Ла Дьюк, получив 2,883 млн голосов (около 3%) по всей стране [4]. Важен сам факт, что партия «зеленых» выдвигает своего кандидата на данный пост на каждых выборах Президента США.

Еще одно важное событие происходит в 2004 г., когда Индулис Эмсис стал премьер-министром Латвии, что сделало его первым членом партии «зеленых», возглавившим правительство за всю мировую историю [24]. Более того, в 2015 г. Раймонд Вейонис был избран президентом Латвии, тем самым став первым главой государства в мире, принадлежащим к партии «зеленых» [23]. В 2016 г. Президентом Австрии также стал представитель партии «зеленых» Александр ван дер Беллен. Это свидетельствует о поддержке политической линии на устойчивое развитие во многих странах. Однако нельзя не указать на то, что в государствах с парламентской формой правления роль главы государства не является решающей [21].

Говоря про Россию, стоит отметить, что история зарождения «зеленых» партий началась 24 и 25 марта 1990 г., когда в Москве заседал учредительный съезд Партии «зеленых». На нем было официально провозглашено создание новой «экологической, базисно-демократической, социальной» политической организации [2].

Всего за несколько десятилетий «зеленые» партии, таким образом, превратились из маргинальных и чисто оппозиционных во влиятельных участников политических процессов и входят в состав правительства во многих странах [22].

Современное состояние

В настоящее время в мире существует 193 официально признанных ООН государства. В табл. 1 представлено их распределение по формам правления¹.

В анализе деятельности «зеленых» партий соответственно не будут учитываться государства, в которых априори таких партий быть не может:

- абсолютные монархии (Бруней, где Законодательный совет назначается султаном, и Катар, где Консультативное собрание назначается эмиром);
- абсолютные теократические монархии: Ватикан, где Папская комиссия назначается папой римским, и Саудовская Аравия, где Меджлис аш-Шура назначается королем;
- федеративное государство ОАЭ, состоящее из абсолютных монархий (эмиратов) так как в Федеральный национальный совет входят представители эмиратов, в каждом из которых могут устанавливаться собственные правила их избрания;
- монархия Оман, в которой запрещены любые политические партии;
- республики: Палау, где на данный момент не существует политических партий, и Федеративные штаты Микронезии, где Конгресс состоит из беспартийных членов;
- конституционные монархии: Кувейт и Эсватини, где политические партии не разрешены, и Тувалу, где их фактически просто нет; Маршалловы острова, где выборы официально являются беспартийными.

Кроме того, стоит исключить следующие государства: КНДР (безальтернативные выборы), Куба (единственная легальная партия «Коммунистическая партия Кубы»), Эритрея (единственная легальная партия «Народный фронт за демократию и справедливость»), Лаос (однопартийная система с единственной действующей партией — Народно-революционной партией Лаоса), Вьетнам (правящая и единственная легальная партия Коммунистическая партия Вьетнама).

Таким образом, из 193 государств «зеленые» партии теоретически могут существовать в 176. Однако на деле картина следующая: «зеленые» партии в настоящий момент существуют в 95 государствах, то есть примерно в 54% государств с многопартийной системой.

При этом в 42 странах партии «зеленых» представлены в парламенте, что составляет 44% от общего количества стран, где «зеленые» партии существуют (табл. 2). Данная статистика является в целом положительной с учетом того, что «зеленые» партии впервые появились менее полувека назад.

Представленные государства можно разделить на пять групп по представительству «зеленых» партий в парламенте (табл. 3). Отметим, что если в государстве двухпалатный парламент, то рассматривается среднее соотношение представителей в палатах.

Таблица 1

Государства по формам правления

Table 1. States by forms of government

Форма правления	Количество стран
Республика	148
Конституционная (парламентская) монархия	38
Абсолютная монархия	5

¹ Географический справочник «О странах» [Электронный ресурс]. URL: http://ostranah.ru/_lists/forms_of_government.php (дата обращения: 23.09.2021).

Таблица 2

Партии «зеленых» в парламенте
Table 2. Green Parties in Parliament

Страна	Места в парламенте	В процентном соотношении
Австралия	1/150 в нижней палате, 9/76 в верхней палате	0,67 и 11,84
Австрия	26/183 в нижней палате	14,21
Бельгия	21/150 в нижней палате, 9/60 в верхней палате	14,0 и 15,0
Болгария	4/240 (одна палата)	1,67
Бразилия	8/513 в нижней палате, 3/81 в верхней палате	1,56 и 3,7
Вануату	1/52 (одна палата)	1,92
Великобритания	1/573 в нижней палате, 2/788 в верхней палате	0,17 и 0,25
Венгрия	10/199 (одна палата)	5,03
Германия	118 / 735 (одна палата)	16,05
Дания	32/179 (одна палата)	17,88
Израиль	6/120 (одна палата)	5,0
Ирландия	12/160 в нижней палате, 4/60 в верхней палате	7,50 и 6,67
Исландия	9/63 (одна палата)	14,29
Испания	1/350 в нижней палате	0,29
Италия	6/630 в нижней палате, 5/315 в верхней палате	0,95 и 1,59
Канада	2/338 в нижней палате	0,59
Кипр	3/56 (одна палата)	5,36
Колумбия	9/172 в нижней палате, 9/108 в верхней палате	5,23 и 8,33
Латвия	2/100 (одна палата)	2,0
Литва	32/141 (одна палата)	22,7
Лихтенштейн	3/25 (одна палата)	12,0
Люксембург	9/60 (одна палата)	15,0
Мексика	47/500 в нижней палате, 9/128 в верхней палате	9,4 и 7,03
Нидерланды	8/150 в нижней палате, 8/75 в верхней палате	5,33 и 10,67
Новая Зеландия	10/120 (одна палата)	8,33
Норвегия	16/169 (одна палата)	6,51
Польша	3/460 в верхней палате	0,65
Португалия	2/230 (одна палата)	0,87
Руанда	2/80 в верхней палате	2,5
Северная Македония	2/123 (одна палата)	1,63
Сербия	1/250 (одна палата)	0,40

Страна	Места в парламенте	В процентном соотношении
Узбекистан	15/150 в верхней палате	10,0
Уругвай	1/99 в верхней палате	1,01
Финляндия	20/200 (одна палата)	10,0
Франция	7/348 в верхней палате	2,01
Хорватия	4/151 (одна палата)	2,65
Черногория	3/81 (одна палата)	3,7
Чехия	1/81 в верхней палате	1,23
Чили	1/155 в нижней палате	0,65
Швейцария	44/200 в нижней палате 5/46, в верхней палате	22,0 и 10,87
Швеция	16/349 (одна палата)	4,58

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Классификация стран по представительству «зеленых» партий в парламенте

Table 3. Classification of countries by the representation of "green" parties in Parliament

Группа	Характеристика	Страны
Особо высокое представительство партии «зеленых» в парламенте	От 15% и выше представителей в парламент	(5) Дания, Германия, Литва, Люксембург, Швейцария
Высокое представительство партии «зеленых» в парламенте	От 10% до 14,99% представителей в парламент	(6) Австрия, Бельгия, Исландия, Лихтенштейн, Узбекистан, Финляндия
Среднее представительство партии «зеленых» в парламенте	От 5% до 9,99% представителей в парламент	(10) Австралия, Венгрия, Израиль, Ирландия, Кипр, Колумбия, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия
Низкое представительство партии «зеленых» в парламенте	От 1% до 4,99% представителей в парламент	(13) Болгария, Бразилия, Вануату, Италия, Латвия, Руанда, Северная Македония, Уругвай, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швеция
Особо низкое представительство партии «зеленых» в парламенте	Менее 0,99% представителей в парламент	(7) Великобритания, Испания, Канада, Польша, Португалия, Сербия, Чили

Источник: составлено авторами.

В правящую коалицию партии «зеленых» входят в следующих странах: Австрия, Бельгия, Финляндия, Ирландия, Люксембург, Новая Зеландия, Швеция, с 2021 г. в Германии. Причиной этого стала потеря авторитета и популярности традиционных партий среди избирателей и нарастающие экологические проблемы, в том числе изменение климата. Отметим, что наибольшим влиянием «зеленые» партии по-прежнему пользуются в европейских странах.

Роль «зеленых» партий в преодолении кризисов (на примере Федеративной Республики Германии)

2021 г. стал в Германии переломным моментом: закончилась эра канцлера Меркель, которая находилась на этом посту в течение 16 лет. Выборы в Бундестаг прошли в условиях пандемии коронавирусной инфекции, жесткой критики правительства за его недостаточно активные и последовательные действия. Правительство критиковали также за проведение неэффективной политики в рамках реализации повестки дня «устойчивого развития», отставание в процессе дигитализации от других европейских стран, в работе с мигрантами и многое другое.

Корпус избирателей разделился: 25,7% получила Социал-демократическая партия Германии (SPD), 24,1% партии Христианско-демократический и Христианско-социальный союз (CDU/CSU), 14,8% партия Союз 90 / Зеленые (Bündnis 90 / die Grünen), 11,5% Свободная демократическая партия (FDP) и 10,3% Альтернатива для Германии (AfD)¹. Как можно видеть по результатам выборов, избиратель по-прежнему отдает свои голоса, прежде всего давно существующим партиям левой (социал-демократы) и правой (христианские демократы и свободные демократы) партиям. Кроме того, на политической арене достаточно заметное место заняла радикально настроенная правонационалистическая партия «Альтернатива для Германии», имеющая также свою экологическую повестку, отличающуюся от направления «зеленых». Сами «зеленые» образуют политическое объединение с Союзом 90, который возник в процессе объединения Германии. В его программе гораздо более широкий спектр целей демократизации и либерализации общества, чем у «зеленых». Во всей этой политической «мозаике» победившим партиям, вошедшим в правящую коалицию (ХДС осталась в оппозиции), крайне сложно было составить необходимую программу и включить ее в Коалиционное соглашение², на основе которого будет действовать новое Федеральное правительство ФРГ, впервые в новейшей истории Германии сформированное тремя партиями разной политической направленности. Главной проблемой социал-демократов при формировании коалиции стало то, что они не могли сформировать новое правительство ни с одной из партий, так как в сумме количество голосов было бы недостаточным (менее 50%) даже в случае создания так называемой «большой коалиции» (СДПГ, ХДС и ХСС), как это было в предыдущий период. В целом данную ситуацию можно охарактеризовать как политический кризис, требующий согласования позиций сразу трех активных политических акторов. В данном контексте «зеленые» являются вторым по количеству полученных голосов участником коалиции, что усиливает их влияние, кроме того, преодоление экологического кризиса, борьба с изменениями климата за устойчивое развитие является основой идеологии данной партии [4].

Как сказал новый канцлер Германии Олаф Шольц (представитель СДПГ), «для нас речь не идет о проведении политики на основе некоего общего знаменателя, мы намерены проводить политику, дающую значимые результаты. Мы хотим решиться на более стремительный прогресс»³. Главным политическим вопросом при этом становится вопрос о том, в каком направлении будет осуществляться это прогрессивное движение.

Текст Коалиционного соглашения дает однозначный ответ на этот вопрос: главный вектор связан с «устойчивым развитием» и «экологической повесткой дня»,

¹ Факты о Германии. Новое Федеральное правительство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/politika-germaniya/vybory-v-bundestag-2021-itogi> (дата обращения: 08.12.2021).

² Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021-2025 zwischen der SPD, Bündnis 90 / die Grünen und FDP [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spd.de/koalitionsvertrag2021/> (дата обращения: 08.12.2021).

³ Там же.

которые должны вести также к справедливому распределению общественного продукта, созданию равноправного общества с равными шансами для всех граждан и сохранением ресурсов в интересах будущих поколений. Для подтверждения этих ценностных ориентаций проанализируем структуру и основное содержание Коалиционного соглашения.

Уже в Преамбуле¹ отмечается, что «климатический кризис подвергает опасности жизненные основы общества и угрожает свободе, благосостоянию и безопасности». В качестве основного средства противодействия этим рискам авторы соглашения выделяют «достижение целей в сфере защиты климата, сформулированных в Парижских соглашениях и превращение германской экономики в социально и экологически ориентированную».

Значительное место экологическая повестка занимает во второй части документа, посвященной современному государству, цифровому прорыву и внедрению инноваций, многие из которых носят ярко выраженный «зеленый» характер: создание специального открытого цифрового портала данных об окружающей среде, включение общественных объединений в сфере охраны окружающей среды в процесс принятия значимых политических решений, в том числе, планирование крупных инфраструктурных проектов и т. п. Отдельным пунктом подчеркивается значение дигитализации для повышения устойчивости развития и расширения включенности населения в политический процесс, укрепление демократии.

Третий раздел включает большое количество положений, связанных с защитой климата в социально и экологически ориентированной экономике. Они отражают новые подходы в развитии промышленности, в частности автомобилестроения (электротранспорт), необходимость радикальных изменений в энергетике (доминирование возобновляемых видов энергии), развитие всех видов мобильности без нанесения ущерба окружающей среде. В отдельных пунктах подчеркивается необходимость активной защиты окружающей среды и природы включая сохранение видового разнообразия, создания природоохранных зон, применение норм европейского экологического права в полном объеме, а также расширение масштаба экологических гарантий за пределы нормативных требований с привлечением всех групп интересов в обществе, включая бизнес-структуры. В качестве основ такой траектории развития рассматриваются честная конкуренция, деbüroкратизация, повышение квалификации персонала всех категорий, широкое применение передачи функций административных органов для исполнения различным организациям. Особое внимание уделяется также внешнеполитической деятельности и международному сотрудничеству в сфере устойчивого развития.

Всего Коалиционное соглашение включает 10 разделов, подробно характеризующих планируемую правительством деятельность. Каждый из них в разной степени, но обязательно коррелирует с устойчивым развитием. Речь идет о жилищном строительстве, органически включаемом в природные ландшафты, улучшении экологической обстановки в городах и сельских населенных пунктах, «зеленой культуре», широко освещающей экологические проблемы, а также обо всех процессах, связанных с обращением с отходами на основе экологически нейтральных технологий.

В целом можно констатировать, что в основе «антикризисной» программы нового правительства ФРГ во главе с Олафом Шольцем лежат идеологические установки и политическая программа «Зеленых» в органической связи со стремлением к социальной справедливости и равенству, типичным для социал-демократов на всех этапах их долгой истории. Что касается Свободной демократической партии, то ее ориентация на самостоятельность человека, свободу принятия решений для

¹ Там же, с. 4–7.

каждого, а также на интенсивное экономическое развитие должны сбалансировать этот основной вектор и создать финансово-экономические основания для реализации поставленных целей.

Отличие политической программы европейских «зеленых» от российских

Среди многочисленных европейских партий «зеленые» выделяются своей политической ориентацией на долгосрочное развитие. В политических дискуссиях они опираются на такое понятие, как «долгосрочное планирование» применительно к защите окружающей среды. Другими словами, «зеленые» выступают за экономное использование природных ресурсов. Отсюда вытекает, например, пристрастие «зеленых» к возобновляемым источникам энергии. В последнее время «зеленые» все большее внимание уделяют проблеме глобального изменения климата, в том числе и в социальном контексте [3].

«Зеленые» борются за экономику нового типа, выступают за отказ от финансирования невозобновляемых источников энергии, переход на полностью «чистую» энергетику к 2030 г., приоритетное развитие общественного транспорта на «чистом» сырье. С точки зрения «еврозеленых», устойчивая экономика и налоговая справедливость должны привести к построению «социальной Европы», в которой каждый гражданин будет иметь устойчивый доход и право пользоваться качественными общественными услугами [1].

Среди прочих рассматриваемых «зелеными» тем можно выделить две.

1. Технологии, глобализации и экономический рост. Партии призывают к «замедлению роста», то есть сокращению производства и потребления до устойчивого уровня. А также к переходу к «зеленому росту», то есть выработке и применению технологических решений на благо окружающей среды, таких как геоинженерия.

2. Приверженность ненасилию. Партии «зеленых» делают упор на разоружение и ненасильственное разрешение конфликтов, по сути, на тотальный пацифизм [13].

«Зеленые» партии представлены и в российском политическом спектре. В выборах в Государственную Думу 2021 г. баллотировались две партии «зеленых»: новая «Зеленая альтернатива» (получили 0,64% голосов по итогам выборов) и существующая с 1993 г. Российская экологическая партия «Зеленые» (получили 0,91% голосов по итогам выборов)¹.

В программе Российской партии «Зеленые» можно найти достаточно много положений, отличных от концепции европейских «зеленых» партий. Например, в противовес европейским ценностям о ненасилии и разоружении, в программу партии включены тезисы об «укреплении Вооруженных Сил России, прежде всего за счет высокотехнологичного вооружения»².

В то же время достаточно немногочисленная программа партии «Зеленая альтернатива» раскрывает положения, более схожие с программами европейских партий: природоохрана, защита прав всех живых существ, экопросвещение, эколого-ориентированная экономика, здравоохранение, однако она менее ориентирована на решение реальных существующих проблем и конкретных задач³.

¹ ЦИК огласил окончательные итоги выборов в Госдуму [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/24/itogi/> (дата обращения: 24.09.2021).

² Программа Российской экологической партии «Зеленые» [Электронный ресурс]. URL: <https://partygreen.ru/documents/program/> (дата обращения: 24.09.2021).

³ Программа партии «Зеленая альтернатива» [Электронный ресурс]. URL: <https://zaecology.ru/programma-partii/> (дата обращения: 24.09.2021).

И хотя общее число голосов за партии «зеленых» по сравнению с предыдущими выборами в целом повысилось, они все еще остаются недостаточно популярными [7]. Можно выделить две основные причины данного явления:

- недостаточное осмысление россиянами проблем окружающей среды;
- низкий интерес к «нишевым» партиям среди россиян [8].

Заключение

На основе проведенного в статье анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) «зеленые» партии появились чуть менее полувека назад в Австрии и в настоящий момент распространились почти в половине стран мира, обладая серьезным политическим влиянием, как на общегосударственном уровне, так и в отдельных регионах и муниципальных образованиях;
- 2) почти в четверти стран эти партии представлены в парламентах. Большая часть таких государств находится в Европе (30 стран), однако также можно отметить Австралию и Океанию (Австралия, Новая Зеландия, Вануату), Южную Америку (Чили, Колумбия, Бразилия, Уругвай), Азию (Израиль, Узбекистан), Африку (Руанда) и Северную Америку (Мексика и Канада);
- 3) в настоящий момент человечество переживает климатический кризис: экологические проблемы приобретают особую актуальность и требуют решения. Во многих государствах «зеленые» партии во многом определяют политику. В частности, новое правительство ФРГ включило в Коалиционное соглашение трех ведущих партий множество положений, ориентированных на формирование социально и экологически ориентированной экономики, являющейся одной из ведущих экономик мира и крупнейшей экономикой Европы;
- 4) в Российской Федерации также существуют «зеленые» партии, однако в настоящее время попасть в парламент у них практически нет шансов. Как считают многие аналитики, причиной этого является «недемократичность политической системы, которая препятствует их росту»¹.

Литература

1. Березина И. С., Гехт А. Б., Цверинаншвили И. А., Шутман Д. В. Прогнозы и перспективы развития партии «зеленых» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 5 (62). С. 1280–1289.
2. Дамье В. В. Недолгая история партии «зеленых» в Советском Союзе // Россия в мире: образы и грани взаимодействия. 2019. С. 596–622.
3. Костюк Р. В., Канинская Г. Н. Европейские «зеленые»: от выборов в Европарламент до испытания коронавирусом // Современная Европа. 2020. № 4. С. 123–132.
4. Краснецкова М. А., Пятунина А. А. Партия «зеленых» ФРГ и «зеленая политика»: политический курс, идеология партии, будущий прогноз // Профессионально-личностное развитие студента в иноязычной образовательной среде : Сб. статей по материалам студенческих научных семинаров. Сер. «Дни студенческой науки РГГУ — 2020». М., 2021. С. 172–180.
5. Матвеева Е. В. Институционализация экологических движений Европы: от появления общественных организаций до политических партий // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 129–137.
6. Клиновская А. А., Стрельцова В. В. Союз 90 / Зеленые: лингвистические средства конструирования имиджа партии в немецких СМИ // Германистика 2021: nove et nova : Материалы IV Международной научной конференции. М., 2021. С. 229–233.

¹ Позеленеет ли власть? Как в парламенты приходят партии с экологической повесткой и стоит ли этого ждать в России [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/ecology/47221077/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 24.09.2021).

7. Коптев-Дворников В. Е., Петров В. О., Стариков И. В. Актуальная «зеленая» повестка политических партий в преддверии выборов в 2021 в РФ // Интернаука. 2021. № 33 (209). С. 30–37.
8. Ляховенко О. И., Бакина М. А., Панченко Н. О. Экологическая повестка в программах политических партий на выборах в Государственную думу Российской Федерации в 2021 году // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 3 (52). С. 16–26.
9. Осколков П. В. Этнорегионалистские партии ЕС: феномен европейского свободного альянса // Современная Европа. 2021. № 1 (101). С. 141–150.
10. Посталовская О. А. Экополитический процесс: понятие, структура, стадии // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. 2021. С. 659–665.
11. Ровинская Т. Л. Зеленые в политическом ландшафте западной Европы (последние тенденции) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 40–48.
12. Ровинская Т. Л. История «зеленого движения» в США: опора на гражданское общество // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11. С. 43–56.
13. Туровский Р. Ф., Сухова М. С., Луизидис Е. М. Новые игроки в партийных системах старых демократий: есть ли угроза политической стабильности? // Полития. 2020. № 1 (96). С. 154–183.
14. Ульянов Д. В. «Зеленые» политические партии в странах Европейского союза: процессы трансформации // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 254–260.
15. Abou-Chadi T., Kayser M. A. It's not easy being green: Why voters punish parties for environmental policies during economic downturns // Electoral studies. 2017. N 45. P. 201–207.
16. Apostoae C. M. Relevant determinants of the political parties' environmental preference // Scientific Annals of Economics and Business. 2016. N 63 (SI). P. 51–69.
17. Grant Z. P., Tilley J. Fertile soil: explaining variation in the success of Green parties // West European politics. 2019. N 42 (3). P. 495–516.
18. Hughes C. It's not easy being green, white, red, and blue: constituency representations versus electoral competition in the Wisconsin green party // International journal of politics culture and society. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10767-020-09365-5> (дата обращения: 28.02.2022).
19. Neman M. Historical institutionalism and the European Union's post-Cold War Foreign Policy Development // Journal of International Analytics. 2021. N 12 (3). P. 72–84.
20. Reitz T., Jorke D. The reshaping of political representation in post-growth capitalism: A paradigmatic analysis of green and right-wing populist parties // Anthropological theory. 2021. N 21 (3). P. 287–314.
21. Roth L., Schwander H. Greens in government: the distributive policies of a culturally progressive force // West European politics. 2020. N 44 (3). P. 661–689.
22. Rudig W., Sajuria J. Green party members and grass-roots democracy: A comparative analysis // Party politics. 2020. N 26 (1). P. 21–31.
23. Thomas E., Daya-Winterbottom T., Swarbrick C. Green parties and environmental activism // Journal of human rights and the environment. 2020. N 11 (3). P. 181–188.
24. Vlasov N. The German «Greens»: a new «People's Party»? // Contemporary Europe. 2019. № 2. P. 118–128.
25. Wang C. C., Keith D. The greening of European radical left parties: red and green politics // Journal of contemporary European studies. 2020. Vol. 28 (4). P. 494–513.

Об авторах:

Вульфович Ревекка Михайловна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; vulfovich-rm@ranepa.ru

Ефремова Мария Сергеевна, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mefremova-14-01@edu.ranepa.ru

References

1. Berezina I. S., Gecht A. B., Tsverianashvili I. A., Shutman D. V. Forecasts and prospects for the development of the Green Party // Issues of national and federal relations [Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii]. 2020. Vol. 10. N 5 (62). P. 1280–1289 (in Rus).

2. Damyev V.V. The short history of the Green Party in the Soviet Union // *Russia in the world: images and facets of interaction*. 2019. P. 596–622 (in Rus).
3. Kostyuk R.V., Kaninskaya G.N. European “green”: from elections to the European Parliament to the coronavirus test // *Modern Europe [Sovremennaya Evropa]*. 2020. N 4. P. 123–132 (in Rus).
4. Krasnetskova M.A., Pyatunina A.A. Green Party of Germany and “Green Politics”: political course, ideology of the party, future forecast // *Professional and personal development of a student in a foreign-language educational environment: Collection of articles based on student scientific seminars. Ser. “Days of Student Science of the Russian State Humanitarian University — 2020”*. M., 2021. P. 172–180 (in Rus).
5. Matveeva E.V. Institutionalization of environmental movements in Europe: from the emergence of public organizations to political parties // *Bulletin of Tomsk State University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]*. 2016. N 413. P. 129–137 (in Rus).
6. Klinovskaya A.A., Streltsova V.V. Soyuz 90/Greens: linguistic means of constructing the image of a party in German media // *German Studies 2021: nove et nova: Materials of the IV International Scientific Conference*. M., 2021. P. 229–233 (in Rus).
7. Koptev-Dvornikov V.E., Petrov V.O., Starikov I.V. Actual “green” agenda of political parties on the eve of elections in 2021 in the Russian Federation // *Internauca*. 2021. N 33 (209). P. 30–37 (in Rus).
8. Lyakhovenko O.I., Bakina M.A., Panchenko N.O. Environmental agenda in the programs of political parties in the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2021 // *Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies) [Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii)]*. 2021. N 3 (52). P. 16–26 (in Rus).
9. Oskolkov P.V. Ethno-regionalist parties of the EU: the phenomenon of the European free alliance // *Modern Europe [Sovremennaya Evropa]*. 2021. N 1 (101). P. 141–150 (in Rus).
10. Postalovskaya O.A. Ecopolitican process: concept, structure, stages // *Scientific works of the Belarusian State University of Economics [Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]*. 2021. P. 659–665 (in Rus).
11. Rovinskaya T.L. Greens in the political landscape of Western Europe (recent trends) // *World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2019. Vol. 63. N 3. P. 40–48 (in Rus).
12. Rovinskaya T.L. History of the “green movement” in the United States: reliance on civil society // *World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2017. Vol. 61. N 11. P. 43–56 (in Rus).
13. Turovsky R.F., Sukhova M.S., Louisiana E.M. New players in the party systems of old democracies: is there a threat to political stability? // *Politiya*. 2020. N 1 (96). P. 154–183 (in Rus).
14. Ulyanov D.V. “Green” political parties in the countries of the European Union: transformation processes // *Power [Vlast']*. 2020. Vol. 28. N 5. P. 254–260 (in Rus).
15. Abou-Chadi T., Kayser M.A. It's not easy being green: Why voters punish parties for environmental policies during economic downturns // *Electoral studies*. 2017. N 45. P. 201–207.
16. Apostoae C.M. Relevant determinants of the political parties' environmental preference // *Scientific Annals of Economics and Business*. 2016. N 63 (SI). P. 51–69.
17. Grant Z.P., Tilley J. Fertile soil: explaining variation in the success of Green parties // *West European politics*. 2019. N 42 (3). P. 495–516.
18. Hughes C. It's not easy being green, white, red, and blue: constituency representations versus electoral competition in the Wisconsin green party // *International journal of politics culture and society*. 2020 [Electronic source]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10767-020-09365-5> (accessed: 28.02.2022).
19. Neman M. Historical institutionalism and the European Union's post-Cold War Foreign Policy Development // *Journal of International Analytics*. 2021. N 12 (3). P. 72–84.
20. Reitz T., Jorke D. The reshaping of political representation in post-growth capitalism: A paradigmatic analysis of green and right-wing populist parties // *Anthropological theory*. 2021. N 21 (3). P. 287–314.
21. Roth L., Schwander H. Greens in government: the distributive policies of a culturally progressive force // *West European politics*. 2020. N 44 (3). P. 661–689.
22. Rudig W., Sajuria J. Green party members and grass-roots democracy: A comparative analysis // *Party politics*. 2020. N 26 (1). P. 21–31.
23. Thomas E., Daya-Winterbottom T., Swarbrick C. Green parties and environmental activism // *Journal of human rights and the environment*. 2020. N 11 (3). P. 181–188.

24. Vlasov N. The German «Greens»: a new «People's Party»? // Contemporary Europe. 2019. N 2. P. 118–128.
25. Wang C C., Keith D. The greening of European radical left parties: red and green politics // Journal of contemporary European studies. 2020. Vol. 28 (4). P. 494–513.

About the authors:

Revekka M. Vulfovich, Professor of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; vulfovich-rm@ranepa.ru

Maria S. Efremova, Postgraduate Student of the North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation); mefremova-14-01@edu.ranepa.ru

Применение социальных сетей в принятии проектных решений: гендерное восприятие информации и не прямое воздействие в ходе избирательной кампании

Агарков К. Ю.

Муниципальный Совет Муниципального образования поселок Левашово, Санкт-Петербург, Российская Федерация; 289975@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрен один из методов воздействия на пользователей социальных сетей, ставящий задачу на побуждение к действию избирателя в пользу кандидата в депутаты на избирательном участке.

Проведя анализ и выбор объектов воздействия, были использованы методы непрямого воздействия, задачей которых являлось подведение объекта к нужному осознанному решению.

На основе проведенного исследования и выполненных мероприятий автор предлагает один из вариантов использования социальных сетей для работы с объектами в соответствии с возлагаемыми задачами для получения необходимого результата.

Ключевые слова: социальные сети, социальные группы, не прямое воздействие на личность, гендерные исследования, эмоции при восприятии информации, социально ориентированная информация, выборные технологии, избирательная кампания

Для цитирования: Агарков К. Ю. Применение социальных сетей в принятии проектных решений: гендерное восприятие информации и не прямое воздействие в ходе избирательной кампании // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 28–35.

The Use of Social Networks in Project Decision-Making: Gender Perception of Information and Indirect Impact during the Election Campaign

Konstantin Yu. Agarkov

Municipal Council of the Municipality of Levashovo, Saint Petersburg, Russian Federation; 289975@gmail.com

ABSTRACT

This article discusses one of the methods of influencing users of social networks.

Rationally setting the task of inciting the voter to act in favor of the candidate for deputy at the polling station.

After analyzing and selecting objects of influence, methods of indirect influence were used, the task of which was to bring the object to the desired conscious decision.

But on the basis of the research and activities carried out, the author proposes one of the options for using social networks to work with objects in accordance with the assigned tasks to obtain the desired result.

Keywords: social networks, social groups, indirect impact on a person, gender studies, emotions in the perception of information, socially oriented information, election technologies, election campaign

For citing: Agarkov K.Yu.. The Use of Social Networks in Project Decision-Making: Gender Perception of Information and Indirect Impact during the Election Campaign // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 28–35.

Сетевой подход к изучению информационного воздействия на человека был создан как концепция еще сорок лет назад [5; 7], а дальнейшее развитие информационного пространства позволяет более тщательно проводить анализ объектов для выработки воздействия на них. Само понятие «социальная сеть» было введено социологом Джеймсом Брансом в 1954 г. как система связей между людьми, рассматривающих себя как социально равных [4].

Здесь мы под социальной сетью понимаем интернет-сети, использующиеся для общения и создания социальных отношений между людьми в виртуальном пространстве.

Одним из свойств социальных сетей является информационное воздействие [1] на мнение пользователей.

Целью работы было изучение и применение на практике модели информационного влияния на пользователей социальных сетей для получения избирательных голосов в выборной кампании в пользу конкретного кандидата в депутаты.

Актуальность работы состоит в планировании и применении на практике методов непрямого воздействия на пользователей социальных сетей для принятия ими нужного действия.

С каждым годом спрос на социальные сети как источник информации становится все больше¹. Социальных сетей достаточно много, но мы рассмотрим сети, пользующиеся наибольшей популярностью в общем и социальные группы в этих сетях в частности [2].

Нашей задачей было получение максимального количества голосов избирателей на выборах 2021 г. в Санкт-Петербурге, на одном из округов в пользу одного из кандидатов в депутаты, не задействовав традиционные агитационные технологии с газетами, пикетами и наглядной рекламой с помощью печатной продукции.

При проектировании избирательной кампании и принятия решения на ее выполнение основной целью было не прямое воздействие на электорат. Способом достижения цели решено было подавать информацию в пользу кандидата в депутаты без прямой агитации, методом информационного управления.

Учитывалось, что администраторы крупных районных групп не будут размещать агитационные посты, чтобы не политизировать свои группы. Охват аудитории в таких группах позволял донести нужную информацию до широкого круга населения при ее публикации в целевых группах.

При планировании кампании было принято решение:

- 1) давать информацию о кандидате в депутаты на фоне традиционных общественных мероприятий, не ассоциирующихся с выборами;
- 2) поднимать проблемы избирательного округа через лидеров общественного мнения с упоминанием кандидата в депутаты;
- 3) создавать посты о резонансных событиях округа сторонними участниками групп с не прямой отсылкой к кандидату в депутаты;
- 4) в каждом сообщении подчеркивать, что заинтересованное лицо является местным жителем, знакомым с проблемами округа, давним участником общественной жизни района, и только в последнюю очередь — кандидатом в депутаты этого района;
- 5) кандидат рекламирует себя без призывов за него голосовать;
- 6) публикацию постов в районных группах размещать не чаще трех раз в неделю.

Таким образом предполагалось обойти негласные ограничения на публикацию в районных группах социальных сетей; вызвать доверие жителей в качестве обще-

¹ Сергеева Ю. Вся статистика интернета на 2021 год — цифры и тренды в мире и в России, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy> (дата обращения: 05.03.2022).

ственного деятеля; поднять рейтинг кандидата в ходе выборного процесса; подойти нестандартно к ведению избирательной кампании в социальных сетях.

Исходя из поставленных целей и принятых решений, были сформированы ресурсы кампании.

В социальных сетях находятся все возрастные категории с различными интересами и социальной активностью, необходимо было подобрать сегмент аудитории, на которую возможно воздействовать через социальные сети для их «правильного» выбора на избирательных участках.

Мы взяли статистику по Санкт-Петербургу и пришли к выводу¹, что в каждой возрастной категории на настоящий момент есть предпочтение своей социальной сети. Учитывая, что наш интерес был вызван выборными технологиями, мы из общего числа избирателей² за входные данные брали основной электорат, входящий на участки, и интерполировали на активность в социальных сетях.

По возрастным группам: 35–50 лет — 35% и 50+ — 65%.

Пол: мужчины — 30%, женщины — 70%.

Среднюю явку на выборы мы брали в размере 35% от численности избирателей³.

Из проведенного расчета мы видим, что женщины — более социально ответственные граждане, что было взято для дальнейшей работы.

Мониторинг социальных сетей⁴ показал, что основная электоральная группа находится в четырех социальных сетях:

- **Одноклассники:** женщины 55+; средний интерес: информация полезная для дома и дачи;
- **ВКонтакте:** 30–45 лет, как женщины, так и мужчины; средний интерес: городские новости, городские исторические сюжеты и мероприятия.
- **Фейсбук** (признана экстремистской организацией с 21 марта 2022 г.)⁵: 35–55 лет, мужчины и женщины примерно поровну. В основном средний класс⁶; средний интерес: новости, профессиональные группы;
- **Инстаграм** (признана экстремистской организацией с 21 марта 2022 г.)⁷: женщины⁸ 25–45 лет⁹; средний интерес: развлечения, популярные личности. Эти данные подтверждают и другие исследования¹⁰.

¹ Для анализа были взяты статистические данные из групп (от 10 000 чел.) в социальных сетях ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук, Инстаграм, Мой мир в Санкт-Петербурге.

² 386 8841 человек на 01.07.2021 по данным ЦИК РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/01072021.php> (дата обращения: 04.05.2022).

³ Сводная таблица результатов выборов в ЗАКС Санкт-Петербурга в 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.st-petersburg.vybory.izbirkom.ru/region/region/st-petersburg?action=show&root=1&tvd=2782000678450&vrn=2782000678445&region=78&global=&sub_region=78&prver=0&pronetvd=0&vibid=2782000678450&type=379 (дата обращения: 04.04.2022).

⁴ По нашему запросу администраторы крупных (от 10 000 чел.) групп в ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук Санкт-Петербурга предоставили нам статистику на 01.07.2021 по активности в группах.

⁵ В настоящее время запрещен на территории России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/28/915588-meta-ekstremistskoi> (дата обращения: 10.04.2022).

⁶ Исследования проводились до принятия решения о запрете деятельности социальной сети.

⁷ В настоящее время запрещен на территории России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/28/915588-meta-ekstremistskoi> (дата обращения: 10.04.2022).

⁸ Исследования проводились до принятия решения о запрете деятельности социальной сети.

⁹ Данные ВЦИОМ от 26.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 04.04.2022).

¹⁰ Гаитбаева С. Соцсети в России в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://cpa-salon.ru/2020/08/31/auditoriya-shesti-krupnejshih-sotssetej-vrossii-v-2020-godu-izuchaem-insajty/> (дата обращения: 08.04.2022).

Исследования показали, что и здесь женщины наиболее активны. Мужское население к активности в социальных сетях имеет меньший интерес. И чем старше мужчины становятся, тем меньше интерес к социальным сетям, к выборам, кстати, тоже. Как правило, интересы мужчин и женщин лежат в разных сферах, часто в противоположных, и с возрастом эти сферы меняются.

Учитывая ограниченные ресурсы избирательной кампании по времени и средствам, основным электоральным полем были выбраны женщины [2].

В социальных сетях проходила работа по возрастным направлениям и интересам по трем ключевым направлениям: доверие, репутация и мнение [1]. То есть предлагаемая информация должна быть достоверной, интересной и значимой, чтобы она запоминалась. Учитывалось, что информация должна носить либо познавательный-развлекательный характер, либо негативный с указанием источника негатива.

Учитывали и неработающую возрастную группу, т. е. пенсионеров, распространяя информацию в районных новостных группах от имени кандидата в депутаты, не ангажируя его, о бесплатных экскурсиях по месту жительства избирателей (в данном случае это были Шуваловский парк и Суздальские озера). Таким образом кандидат получал виртуальную популярность в социальных сетях и живую популярность непосредственно на таких групповых экскурсиях. Необходимо отметить, что такие краеведческие экскурсии были традиционными и проводились не первый год. Традиционные агитационные мероприятия не проводились, чтобы не вызывать негатива, работа была только на узнаваемость фамилии. Людей привлекало слово «БЕСПЛАТНЫЕ» в сетях и новая развлекательно-краеведческая информация на самих экскурсиях. В сетях же фамилия кандидата звучала по нескольку раз, не раздражая призывами к выборам. 90% положительных откликов, комментариев и перепостов составляли женщины. Так называемые перепосты образуют своего рода сетевое распространение информации. Учитывая, что перепосты сообщений отправляют знакомым и друзьям, такие посты носят и достоверный характер, так как направляются от знакомого лица.

Практика показала¹, что на экскурсии в основном приходят именно женщины. Мужчин мало, но они тоже есть.

Рассматривая Теорию игр [3] и применяя ее к прогнозированию поведения участников социальных сетей, можно установить условные алгоритмы для получения желаемого результата.

Согласно исследованиям [1], для привлекательности информации в социальных сетях необходимо выполнить несколько условий:

- 1) получение информации;
- 2) верификация информации;
- 3) социальная выгода от информации;
- 4) рекреация (отдых, времяпровождение).

Таким образом, информация должна быть читаемой, достоверной, ей можно воспользоваться, и она должна быть легкой для восприятия. Упрощая вышеизложенное, можно отметить, что точками восприятия информации в социальной сети становятся алгоритмы: читаю, верю, согласен/не согласен. Или доверие, репутация, мнение.

Имея модель информационного влияния, можно ставить и решать задачу информационного управления [1].

Используя проведенный опыт, мы завоевали все три ключевые точки:

- 1) **ДОВЕРИЕ:** в социальных сетях предлагались бесплатные уже знакомые мероприятия, получившие ранее хорошие отзывы от участников;

¹ Из 12 проведенных краеведческих экскурсий численностью до 50 чел. посетителями были примерно 80% женщин и 20% мужчин.

- 2) РЕПУТАЦИЯ: мероприятия предлагались и устраивались так называемыми лидерами общественного мнения;
- 3) МНЕНИЕ: информация о кандидате в депутаты распространялась на фоне интересного для выделенного круга лиц мероприятия как неосновное событие.

Была достигнута цель: люди, приходя на мероприятие, запоминали фамилию, которая ассоциируется не с призывами и обещаниями, а с конкретными действиями, наложенными на положительные эмоции.

Каждый пользователь социальной сети обращал внимание на реакцию на посты о животных. Комментариев, положительных откликов и перепостов подавляющее большинство — от женщин. Здесь уже средний возраст от 30 до 45 лет¹. Достаточно сделать фотографию домашнего животного и оказать помощь в лечении, выложив автора поста, и начать дискуссию в комментариях, как внимание будет обеспечено, а если делать это систематично, то и узнаваемость фамилии тоже будет. Эта манипуляция часто применяется в социальных сетях для продвижения групп и действительно рассчитана на реакцию женщин как наиболее активного сегмента сетей [6].

Следующей моделью воздействия на электорат была так называемая «Марковская модель» [1]. Суть ее заключается в разном восприятии события индивидуумами, но с обменом мнения в сетях, приводящих к одному выводу. Мы взяли социальные проблемы его (индивидуума) дома, улицы, района. Проблемы выбирались как имеющие общественный резонанс для большинства жителей. К примеру, парковочные места для автомобилей — тема болезненная, но не направленная на людей, ходящих на выборы. А вот детская площадка во дворе или скамейка для пенсионеров имеет значимый резонанс для целевой аудитории. Информацию необходимо было довести в обвинительном ключе действующей власти. Обратим внимание как была разыграна проблема незаконных ларьков и вывоза бытовых отходов в городе: сначала был создан общегородской информационный резонанс, а потом тема раскладывалась на отдельные районы и улицы заинтересованными лицами. И опять основные участники в социальных сетях — женщины. А вот тема «лопаты Беглова»² уже привлекла довольно много активности и от мужчин. Здесь сказывалась проблема дворовых парковок, куда невозможно было из-за сугробов припарковать автомобиль, а еще сложнее выехать на нем. Автомобилисты у нас в основном мужчины.

Мы проводили эксперименты на постах в соцсетях в сообщениях, инициаторами которых являются мужчины³. Сообщения, являющиеся источником «ненужной информации», проще всего блокируются именно женскими комментариями. А когда на пост много негативных откликов, то и пост имеет обратное воздействие. Мужчинам тяжело оппонировать женщинам. А вот, наоборот, если пост женский, то никакое количество мужских комментариев не сможет поставить пост под сомнение. Эти примеры сильно усреднены и зависят от тематики групп в социальных сетях и контингента, который там находится. Но и в таком случае замок всегда открывается, если подобрать к нему нужный ключик.

И если принять во внимание зимние протестные события в Санкт-Петербурге, которые в социальных сетях еще активно не нагнетаются, то и здесь мы увидим

¹ Статистика предоставлена администраторами крупных (от 10 000 чел.) групп в ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук Санкт-Петербурга, предоставили нам статистику на 01.07.2021 по активности в группах.

² Фразу придумал и пустил в народ сам врио губернатора Александр Беглов. Устроил разнос подчиненным за плохую уборку снега, он пригрозил выдать главе каждого района по орудие труда с надписью «лопата Беглова», чтобы те помогли дворникам и спецтехнике.

³ Группа в социальной сети ВКонтакте. Июнь-июль 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/shuvalovo_ozerkі (дата обращения: 06.04.2022).

в числе активистов в основном женщин до 30 лет. Проверить это можно, посмотрев, кто выходит на протестные акции у Гостиного Двора¹, информация о которых распространяется через социальные сети, — в основном это девушки.

Исходя из задачи, существуют различные способы воздействия на аудиторию социальных сетей в общем и через них на объект в частности.

Нами в общем была взята «Каскадная модель влияния» [1], суть ее сводилась к созданию события, на которое реакция объекта заранее просчитана.

Следующим элементом в выборной кампании была подача кандидата как медийного лица в социальных сетях. Выборная кампания проходила на фоне трагически памятного для горожан события — «Дня начала блокады Ленинграда». Такое событие довольно хорошо освещалось городской администрацией на различных мероприятиях и в СМИ.

Предполагаемая аудитория оставалась та же.

Нами была отснята серия исторических роликов, посвященных жизни населения блокадного города в первый год блокады² глазами самих жителей, где рассказчиком был кандидат в депутаты. Интерес аудитории строился на любопытстве пользователя, эксклюзивности подачи материала и новизне. Ролики подавались три раза в неделю до начала дня голосования и своим эксклюзивным материалом вызвали сильный резонанс. Материал³ давался не связанный с выборами, но лицо в роликах, как и фамилия, стало узнаваемым. Комментарии под выложенными роликами показали эффективность материала, а его периодичность увеличила эффективность.

Материал был предложен двенадцати крупным⁴ районным группам, из которых девять был опубликован.

Выводы из проведенного исследования пользователей социальных сетей:

- 1) заходя в социальную сеть, субъект из-за воздействия на него информации, как правило, превращается в объект;
- 2) наиболее активными в социальных сетях являются женщины;
- 3) востребованность информации, потребляемой женщинами, вполне прогнозируема, как и реакция на нее;
- 4) женщины менее устойчивы к подаваемой информации, давая повод к различным манипуляциям. Известно, что женщины живут больше чувствами (любопытство, эмоции и т. п.) и семейными ценностями (дети, хозяйство и т. п.) [8];
- 5) женщины больше склонны к реакции. Здесь можно отметить, что социальные сети позволяют писать комментарии каждой личности. В толпе на улице или на работе, в коллективе не каждая женщина выразит свои эмоции [8].

В заключение отметим, что при определенном системном подходе к подаче информации в социальных сетях в целях воздействия (в данном случае — выборный процесс) на объект для выполнения нужных от него действий, необходим определенный набор информации, учитывающий пол, возраст, место жительства и интересы. В данной работе мы определили, что это женщины среднего и старшего возраста, проживающие в определенном районе и интересующиеся районом своего проживания. Для чего мы использовали развлекательно-познавательные и острые темы, интересные данной категории пользователей, вложив в них подсознательные действия на избирательном участке. Фамилия кандидата в депутаты ассоциировалась с человеком, интересующимся жизнью округа, вызывающим положительные эмоции,

¹ Данные взяты за январь-февраль 2022. Санкт-Петербург.

² Материал рассылался из группы ВКонтакте «Выборгская сторона» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/viborgska_storona (дата обращения: 29.04.2022).

³ Пример: социальная сеть ВКонтакте, группа «Выборгская сторона» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/viborgska_storona?w=wall-187323728_149 (дата обращения: 29.04.2022).

⁴ От 10 000 подписчиков в группе.

способным решить вопросы благоустройства. Важно еще раз отметить, что прямой агитации не проводилось. Задачей было не прямое воздействие на избирателя в день голосования.

В день выборов, придя на избирательные участки и знакомясь на избирательных стендах с кандидатами в депутаты (кандидатов было 12 человек), которых, как правило, избиратель видел в первый раз, и увидев знакомую фамилию и лицо кандидата, «работавшего» с ним в социальных сетях, объект делал свой однозначный выбор, за кого отдать свой голос, уходя от кандидатов, которые традиционно открыто призывали во время выборной кампании голосовать за них, обещая решения социальных проблем.

На принятие решения избирателя повлияло подсознательное недоверие к личностям, которых избиратель не знал до выборов, их агрессивная реклама с обычными предвыборными обещаниями. Выбор был сделан в пользу знакомого кандидата, ассоциировавшегося со «своим, местным жителем», знающего свой район и близкого к жителям.

Можно сделать выводы, что для получения нужных эмоций или фактических действий объекта существуют алгоритмы подачи и распространения информации, влияющие на человека. Для чего в работе была определена задача, методы ее выполнения, аудитория, на которую оказывалось воздействие и ее результаты.

Научной новизной в представленном исследовании является подход к выбору метода доведения информации («Агитация без агитации») о кандидате в депутаты до избирателя, без агитации и призывов отдать за него голос на избирательном участке. В ходе проведенной кампании избиратель постепенно знакомился с человеком, идущим в депутаты, как со своим соседом с активной жизненной позицией, что повышало привлекательность к личности и создавало контраст на фоне традиционно «кричащей» агитации конкурентов. Также была решена проблема подачи информации о кандидате в депутаты в крупных группах социальных сетей, администраторы которых не считали такую информацию предвыборной агитацией.

Литература

1. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: Моделирование информационного влияния, управление и противоборство. М. : ООО Издательская фирма «Физико-математическая литература», 2010.
2. Ефимов Е. Г. Социальные интернет-сети (методология и практика исследования) : монография. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2015.
3. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М. : Наука, 1970.
4. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. Vol. 7. N 1.
5. Castells M. The Informational City: Informational Technology, Economic Restructuring and the Urban Regional Process. Oxford; Cambridge, 1989.
6. Dunbar R. How many friends does one person need? : Dunbar's number and other evolutionary quirks. N.Y. : Harvard University Press, 2010.
7. Homans G. K. Social Behavior Its Elementary Forms. N.Y., 1961
8. Wasserman S., Faust K. Social Networks Analysis: Methods and Applications. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

Об авторе:

Агарков Константин Юрьевич, депутат МО Левашово (6-го созыва) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), экс-кандидат в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга 7-го созыва; 289975@gmail.com

References

1. Gubanov D. A., Novikov D. A., Chkhartishvili A. G. Social networks: Modeling of information influence, management and confrontation. M. : LLC Publishing company "Physical and Mathematical Literature", 2010 (in Rus).
2. Efimov E. G. Social Internet networks (methodology and practice of research): monograph. Volgograd : Volgograd Scientific Publishing House, 2015 (in Rus).
3. Neumann J. von, Morgenstern O. Game Theory and Economic Behavior. M. : Science, 1970 (in Rus).
4. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. Vol. 7. N 1.
5. Castells M. The Informational City: Informational Technology, Economic Restructuring and the Urban Regional Process. Oxford; Cambridge, 1989.
6. Dunbar R. How many friends does one person need? : Dunbar's number and other evolutionary quirks. N.Y. : Harvard University Press, 2010.
7. Homans G. K. Social Behavior Its Elementary Forms. N.Y., 1961
8. Wasserman S., Faust K. Social Networks Analysis: Methods and Applications. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

About the author:

Konstantin Yu. Agarkov, Deputy of Municipal Council of the Municipality of Levashovo (6th convocation), ex-candidate for the Legislative Assembly of St. Petersburg of the 7th convocation (Saint Petersburg, Russian Federation); 289975@gmail.com

Современные вызовы для международных морских грузоперевозок

Бойко И. В. *, Гетман А. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *boyko-iv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется состояние международных морских грузоперевозок под воздействием беспрецедентных глобальных вызовов, таких как системный кризис мировой экономики и торговли, изменение климата и последствия коронавирусной пандемии COVID-19. Несмотря на то что одновременное возникновение данных проблем сформировало абсолютно новую ситуацию в глобальной цепи поставок, авторы статьи обосновывают существование системных проблем задолго до современного масштабного кризиса. Относительно неожиданной проблемой для международных морских грузоперевозок стал глобальный контейнерный кризис, который привел к усложнению проблем с доставкой товаров по всему миру и ускорил инфляцию. Целью исследования является определение наиболее проблемных вопросов в развитии теории и практики современных международных грузоперевозок. На основании анализа наиболее передовых зарубежных исследований, экспертных оценок и новых методологических подходов авторы статьи обосновывают долговременность системных изменений в международной логистике и определяют некоторые новые контуры в будущей конфигурации международных цепей поставок. Выявлено, что значительное воздействие на международные грузоперевозки оказывает не только кризис мировой экономики, начавшийся в 2008 г., усиление торговых противоречий и в особенности торговая война между США и Китаем, углубляющийся экологический кризис, а также изменение климата, но и начавшееся разрушение глобальной цепи поставок, обострившееся в связи с глобальным кризисом в контейнерных грузоперевозках. Особенную озабоченность в международной управленческой практике вызвала значительная зависимость многих стран мира от поставок товаров, комплектующих, узлов и деталей из Китая, что оказало существенное негативное влияние на функционирование бизнеса и обеспечение их национальной экономической безопасности в целом. Результатом проведенного в статье анализа стал вывод о том, что система международных морских грузоперевозок переживает период глубокой трансформации, понимание направления которой имеет важное значение и для России, особенно для разработки стратегии развития национальной транспортной системы.

Ключевые слова: международные грузоперевозки, мировая торговля, международный контейнерный кризис, глобальная цепь поставок, международная доставка товаров, изменение климата, рост портовых затрат

Для цитирования: Бойко И. В., Гетман А. Г. Современные вызовы для международных морских грузоперевозок // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 36–45.

Modern Challenges for International Sea Freight

Irina V. Boiko*, Anastasia G. Getman

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; boyko-iv@ranepa.ru

ABSTRACT

The article highlights the new realities in the international freight transportation emerged under the simultaneous challenges, related to the global economic crisis, climate change and the COVID-19 pandemic consequences. The authors argue that the seaborne trade has been encountering a fundamental disorders a long before the contemporary global shocks emergence. Additionally the global container crisis, caused by the shortage of free containers and its growing costs has made the whole situation in the international freight transportation worse,

causing the delivery time extension and the growth of inflation. The article is aimed on the identification of the most challenging problems in theory and decision makings, encountering the international freight turnover. Analysing the breakthrough research, expertise and applying the new methodological findings the authors of the article argue the prospective transformation of the international logistics and proposing new framing features for the global supply chain configuration. The article states the most undermining processes for the international freight turnover such as the global economic crisis, from its beginning in 2008, the enforcement of the international trade contradictions, specifically US-China trade war, ecological degradation, climate change and the global supply chain disruption, enforced by the global container crisis. The unique role of China as the preconditioning chain in the global supply of the commodities, parts and assemblies was revealed as the most risky factor for the business and governments in all over the world. The article concludes that the global system of international seaborne freight transportation has been entering into the epoch of profound transformation. The forecasting about the main direction of that transformation could be meaningful for Russia and the elaboration of its national transportation strategy.

Keywords: International freight transportation, seaborne trade, international container crisis, global supply chain, international delivery, climate change, port expenditures

For citing: Boiko I.V., Getman A.G. Modern Challenges for International Sea Freight // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 36–45.

Введение

На протяжении второй половины XX и до начала XXI в. международные морские грузоперевозки демонстрировали стабильную повышательную динамику. Как утверждает в докладе ЮНКТАД, «в течение последних пятидесяти лет морские грузоперевозки развивались высокими темпами. Доля грузоперевозок, осуществляемых морским транспортом, в настоящее время составляет около 80–90% всей мировой торговли. Эта доля особенно высока для развивающихся стран...»¹.

Но в начале XXI в. в динамике международных морских грузоперевозок начались существенные изменения. Более того, современные экономические проблемы, обострившиеся в связи с последствиями пандемии COVID-19, привели к пониманию того, что мир вступил в эпоху глобальных изменений, в том числе в международных грузоперевозках. На эти процессы оказывают влияние не только фундаментальные факторы, но и разнообразные, во многом неожиданные и непредсказуемые, экономические, экологические, политические, эпидемиологические факторы, усиливающиеся в последние годы.

Методы

Как известно, одним из основных факторов, определяющих динамику морских грузоперевозок, является динамика роста мировой экономики и международной торговли. Эта зависимость со всей силой проявилась в период глобального экономического кризиса 2008 г. Исходя из данных, приведенных на рис. 1, становится очевидным тот факт, что динамика международных морских грузоперевозок высоко эластична от динамики роста мировой экономики: когда она снижается, то объемы международных морских грузоперевозок падают более высокими темпами.

В связи с данным фактом следует предположить, что современный кризис в глобальных морских грузоперевозках, который связывают с последствиями коронави

¹ 150 Years of Review of Maritime Transport, 1968-2018: Reflecting on the past, exploring the future [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/dtl2018d1_en.pdf / (дата обращения: 20.11.2021).

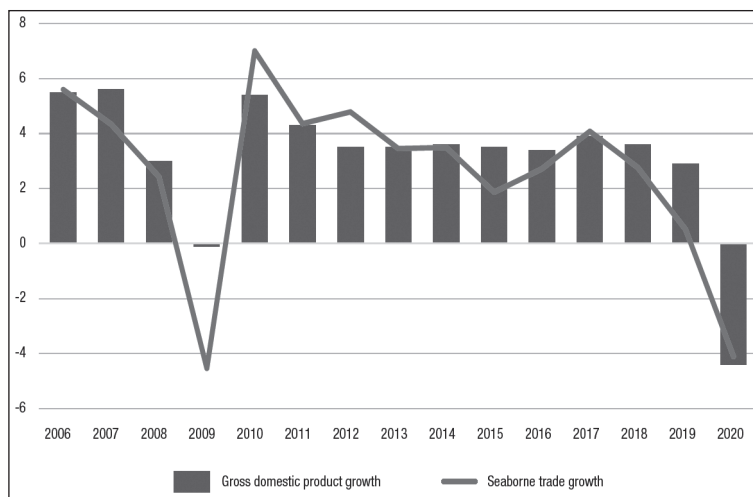

Рис. 1. Международные морские грузоперевозки и рост глобальной экономики, 2006–2020 гг.

Fig. 1. Development of international maritime trade and global output, 2006–2020

Источник: COVID-19 cuts global maritime trade, transforms industry. 12 November 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/news/covid-19-cuts-global-maritime-trade-transforms-industry> (дата обращения: 20.12.2021).

русской пандемии COVID-19, обусловлен, прежде всего, падением темпов роста мировой экономики, начиная с 2011 г. Так, если в 2019 г. темпы роста мирового ВВП составляли всего 3,2%, то в 2020 г. они упали до –3,5% (по версии МВФ) и около –4% (по версии ЮНКТАД), что сопровождалось существенным падением объемов международных морских грузоперевозок.

Другим фактором, оказывающим фундаментальное влияние на динамику международных грузоперевозок, является развитие международной товарной торговли. Согласно данным МВФ, международная торговля товарами в доковидный 2019 г. показала существенное падение, достигнув отрицательного показателя в 3% по сравнению с предыдущим годом¹. Такое значительное падение объемов материальных потоков, перемещаемых между странами, не могло не оказать негативного влияния на объемы международных морских грузоперевозок.

Поэтому становится вполне очевидным тот факт, что снижение темпов роста мировой экономики, оказывающее существенное влияние на темпы роста производства товаров и их экспорт, приводит к значительному падению объемов международных грузоперевозок в целом и морских международных грузоперевозок в частности. В этой связи зарубежные ученые полагают, что требуется новый подход при принятии инвестиционных решений и создание коалиций для хеджирования рисков, которые могут возникнуть в связи с возможными будущими катастрофическими событиями [1].

В доковидный период значительное разрушительное влияние на международные грузоперевозки также оказала начавшаяся между США и Китаем торговая война. На данные страны в 2019 г., предшествующем началу коронавирусной пандемии,

¹ [Электронный ресурс]. URL: Highlights of world trade in 2019. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts2020chapter02_e.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

приходилось около 21% мировой торговли товарами¹. Поскольку данные страны, как свидетельствует статистика, являются лидерами мировой экономики и международной торговли, конфликт между ними наносит значительный ущерб не только этим двум странам, но и мировой торговле в целом, что оказывает существенное негативное влияние и на международные морские грузоперевозки. Так, согласно мнению экспертов ЮНКТАД, «только за период с сентября 2018 г. по май-июнь 2019 г., когда произошло очередное повышение двусторонних таможенных тарифов в торговле между США и Китаем, международные морские грузоперевозки сократились на 2%»².

Существует еще один фактор, неоправданно недооцененный в конце XX — начале XXI в., но в настоящее время оказывающий все более значительное влияние на развитие мировой экономики, международной торговли и международные грузоперевозки. Этот фактор — ускоряющееся и принимающее планетарные масштабы изменение климата, а также меры, предпринимаемые международным сообществом по сдерживанию этого процесса. Так, по данным Европейской комиссии, морской транспорт ежегодно выбрасывает в атмосферу около 940 млн т углекислого газа³, а эксперты ООН утверждают, что «вклад морского транспорта в глобальные выбросы CO₂ в атмосферу составляет около 2,8%. В морских портах суда являются основным источником вредных выбросов в атмосферу, на них приходится около 70% их общего объема»⁴. А к 2050 г. выбросы парниковых газов в судовой отрасли, как ожидается, составят 10% мировых выбросов⁵. Согласно данным, представленным в табл. 1, кроме выбросов углекислого газа, существенный «вклад» судоходство также вносит в выбросы метана, оксида азота, оксида серы и других вредных веществ в атмосферу.

Таблица 1

Вклад морского судоходства в эмиссию вредных веществ, т
Table 1. Contribution of marine shipping to the emission of harmful substances

Эмиссия	CO ₂	CH ₄	N ₂ O	SO _x	NO _x	Выбросы твердых частиц
	949 т	288,28	42,64	10,24 млн т	19,00 млн т	1,40 млн т

Источник: Ms. Mariana Pereira, Mr. Uira Cavalcante Oliveira. Maritime Transport and the Climate Change.

¹ Рассчитано по: World Integrated Trade Solution <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/WLD/Year/LTST/TradeFlow/Export/Partner/by-country>; Highlights of world trade in 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts2020chapter02_e.pdf (дата обращения: 20.12.2021).

² [Электронный ресурс]. URL: UNCTAD analyses impact of US-China trade war on shipping By Varsha Saraogi 31 Oct 2019. URL: <https://www.ship-technology.com/news/unctad-analyses-impact-of-us-china-trade-war-on-shipping/> (дата обращения: 13.11.2021).

³ Reducing emissions from the shipping sector [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/transport-emissions/reducing-emissions-shipping-sector_en (дата обращения: 13.11.2021).

⁴ Ms. Mariana Pereira, Mr. Uira Cavalcante Oliveira. Maritime Transport and the Climate Change [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/nippon/unnnf_programme_home/alumni/2015_laca_presentations/10_PereiraOliveira.pdf. (дата обращения: 12.11.2021).

⁵ 5 adverse effects of climate change on maritime transport. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shippingandfreightresource.com/5-adverse-effects-of-climate-change-on-maritime-transport/>: ~:text=According%20to%20Transport%20and%20Environment,10%25%20of%20the%20world's%20emissions.&text=The%20shipping%20industry%20also%20contributes,the%20combustion%20of%20maritime%20fuel (дата обращения: 13.11.2021).

В рамках борьбы с изменением климата международное сообщество принимает различные решения, которые способны оказать негативное влияние на предпринимательскую деятельность, в том числе в морском судоходстве. Так, к примеру, реализация «Плана управления энергоэффективностью в судоходстве» (Ship Energy Efficiency Management Plan — SEEMP) потребует значительных расходов на технологическую модернизацию флота, займет продолжительное время и будет сопровождаться значительными коммерческими рисками. Уже сегодня реализация решений Европейской комиссии по переходу к «зеленой экономике» становится одной из причин энергетического кризиса, сопровождающегося ростом цен на топливо и его дефицитом, что не может не оказать стагнирующего влияния на развитие транспортной отрасли в целом и морского судоходства в частности.

Наряду с тем негативным эффектом, который оказывает эксплуатация морских судов на климат, существует и обратное влияние: изменение климата создает значительные риски для международных морских грузоперевозок. Зарубежные эксперты выделяют пять основных неблагоприятных воздействий изменения климата на морские грузоперевозки¹:

- необходимость часто изменять маршрут движения в связи с повышением уровня воды в Мировом океане и эрозией береговой линии;
- растущие риски нанесения ущерба портовой инфраструктуре, также связанные с повышением уровня воды в Мировом океане;
- снижение производительности труда и эффективности судоходства, поскольку требуются дополнительные затраты ресурсов и времени на восстановление поврежденной портовой инфраструктуры в результате изменения климата и повышения уровня воды в Мировом океане;
- дополнительные операционные затраты, которые связаны не только с восстановлением поврежденной портовой инфраструктуры, но и с дополнительными усилиями по обеспечению низкой температуры в рефрижераторах в условиях потепления климата, а также с удлинением сроков доставки товаров в связи с увеличением продолжительности неблагоприятных для судоходства климатических и погодных условий;
- сокращение спроса на услуги по перевозке товаров в связи с сокращением их производства, обусловленного ухудшением климатических условий (к примеру, падение объемов выращивания зерновых, соевых бобов, кукурузы и прочих сельскохозяйственных культур в некоторых американских штатах в связи с ростом продолжительности засушливых периодов).

Результаты

Таким образом, изменение климата также оказывает влияние на удорожание процессов транспортировки товаров и портового обслуживания грузов, приводит к сокращению производства и экспорта товаров, особенно сельскохозяйственных, что создает проблемы для развития международных морских грузоперевозок.

Но начало полномасштабного кризиса мировой транспортной системы связано с пандемией COVID-19 и ее последствиями. Этот кризис проявляется, во-первых, как разрушение глобальных цепей поставок (global supply chain disruption) и, во-вторых, как глобальный контейнерный кризис. Рассмотрим составляющие данного кризиса более подробно.

Существенные проблемы в функционировании глобальной цепи поставок, вызвавшие системные сбои в глобальных грузоперевозках, возникли к середине 2020 г., спустя несколько месяцев после начала пандемии COVID-19. Эксперты

¹ Ms. Mariana Pereira, Mr. Uira Cavalcante Oliveira. Maritime Transport and the Climate Change.

Federal Reserve Bank of Cleveland утверждают, что «по мере того, как вирус начал распространяться по всему миру и правительства различных стран ввели карантинные меры для населения, стало увеличиваться количество сообщений о разрыве цепей поставок. Уже к апрелю 2020 г. многие компании сообщили о закрытии своих заводов, что привело к сокращению предложения товаров по всему миру» [2]. Выявилась опасная зависимость производственного процесса от поставок комплектующих деталей, полуфабрикатов из Китая. И, если ранее данная система формирования цепей поставок создавала условия для снижения затрат при производстве готового продукта, то с началом пандемии стали очевидны значительные риски, которые такая система создала для производителей во многих странах мира, став одной из основных причин начавшегося кризиса в международных грузоперевозках.

Как отмечается в более ранней публикации авторов данной статьи [3, с. 43], «в последние десятилетия глобальная цепь поставок формировалась таким образом, что ее начальное звено было перемещено в Китай, откуда многие страны мира получали значительные объемы необходимых материалов и комплектующих изделий для сборки готовой продукции на своих территориях. Зарубежные специалисты также отмечают, что «в связи с распространением пандемии как глобальное производство, так и глобальная торговля существенно сократились. Это естественным образом произошло по причине закрытия значительных производственных мощностей в Китае, что вызвало цепную реакцию таких же закрытий в Европе и в Северной Америке, существенно понизивших свой спрос на китайские товары. Китайский локдаун привел к серьезным разрушительным последствиям для глобальной цепи поставок, продемонстрировав ключевую роль Китая в глобальном промышленном производстве» [4, с. 237].

Кризис, который первоначально охватил несколько стран и отдельные сектора экономики, за несколько месяцев распространился практически на все страны мира, вызвав значительные задержки в поставках товаров и повсеместный рост цен. Эксперты Moode's констатируют факт: «существенные проблемы возникли в каждом звене глобальной цепи поставок: в судоходстве, в портах, в автомобильных, железнодорожных и воздушных грузоперевозках, на распределительных складах. Это привело к задержкам в поставках, которые в некоторых случаях достигли исторических максимумов»¹.

Факт начала проблем в каждом звене глобальных цепей поставок подтверждает также и Holly Ellyatt, заявляя о том, что «контроль на границах, ограничения в мобильности, отсутствие глобального «вакцинного» разрешения на перемещение людей, сокращение спроса на товары и услуги в связи с вынужденным нахождением людей дома породили «идеальный шторм», который создает существенные проблемы для производства товаров, поскольку заказы не выполняются в срок, издержки на их производство и цены на конечную продукцию растут и это оказывает значительное негативное влияние на рост мировой экономики»².

Некоторые бизнес-эксперты приходят к выводу о том, что «во время пандемии COVID-19 стали очевидны сложности транспортировки товаров, поступающих из различных географических мест. Поэтому даже в тех случаях, когда компании принимают решение о поставках зарубежных товаров, они должны соблюдать баланс между собственным национальным производством и международными поставками.

¹ *Dilara Zengin and Bahattin Gonultas*. Supply chain chaos threatens global economic growth 19.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/supply-chain-chaos-threatens-global-economic-growth/2396441> (дата обращения: 10.11.2021).

² *Holly Ellyatt*. Supply chain chaos is already hitting global growth. And it's about to get worse. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnn.com/2021/10/18/supply-chain-chaos-is-hitting-global-growth-and-could-get-worse.html> (дата обращения: 10.11.2021).

Это необходимо для снижения риска в условиях глобальной нестабильности. Факт начала реальных процессов, связанных со снижением зависимости глобальных компаний от поставок товаров из географически удаленных мест, подтверждается результатами опроса руководителей 150 промышленных компаний, проведенного в США осенью 2020 г., «43% респондентов ответили, что уже прекратили использовать в своем производстве поставки из Китая или планируют сделать это в самое ближайшее время. Многие из опрошенных респондентов заявили, что рассматривают возможности расширения объемов поставок из территориально менее отдаленных стран и регионов как в самих США, так в Канаде и Мексике. 7% опрошенных подтвердили, что в условиях пандемии для их компаний наиболее значимым является стабильное функционирование цепей поставок, а не снижение затрат при поставках из страны с более низкими издержками производства, как это было ранее»¹.

Заключение

Как мы утверждали ранее, «разрушительные процессы, происходящие в глобальной цепи поставок, скорее всего приведут к глубоким и долговременным изменениям в международной логистике. Они будут характеризоваться сочетанием дальнейшей глобализации производства и сбыта продукции с повышением значимости локализации тех производств, которые имеют существенное значение для поддержания национальной экономической безопасности и устойчивого развития» [3]. Глобальные компании будут стремиться к определенной локализации бизнеса для снижения «транспортного плеча» в поставках и, тем самым, снижения рисков, угрожающих их стабильности.

Этот вывод подтверждают и зарубежные эксперты, «последствия пандемии COVID-19 окажут влияние на цепи поставок во всех странах мира. Растущий протекционизм и национализм, включая озабоченность промышленным суверенитетом, приведут к росту предпочтений региональных и национальных цепей поставок»². Вне всякого сомнения, данный новый тренд, формируемый в поставках промышленной продукции, окажет негативное влияние на развитие мировой торговли и, как следствие, на международные морские грузоперевозки.

Другой кризис, оказывающий негативное влияние на международные морские грузоперевозки, связан с существенными проблемами, возникшими в период пандемии COVID-19 на рынке контейнерных перевозок. Ведущие зарубежные эксперты называют этот кризис глобальным контейнерным кризисом (global container crisis). Индикатором кризиса стал стремительный рост цен на самый востребованный 40-футовый контейнер (рис. 2). Согласно данным, которые приводит The Economist, его, цена выросла с 2,5 тыс. долл. в 2019 г. до 20 тыс. долл. по направлению Китай — США к сентябрю 2021 г.³

Одной из основных причин стремительного роста цен на контейнеры стал их дефицит, причины которого мы не будем рассматривать в данной статье, а подчеркнем лишь то, что этот дефицит привел к значительным задержкам в поставках товаров. Как отмечается в докладе, опубликованном компанией DHL «Ocean Freight Market

¹ Ann Marie Uetz, James R. Kalyvas, Vanessa L. Miller Kathleen E. Wegrzyn. Global Supply Chain Disruption and Future Strategies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foley.com/en/insights/publications/2020/09/global-supply-chain-disruption-future-strategies> (дата обращения: 10.11.2021).

² Holly Ellyatt. Supply chain chaos is already hitting global growth. And it's about to get worse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2021/10/18/supply-chain-chaos-is-hitting-global-growth-and-could-get-worse.html> (дата обращения: 20.12.2021).

³ Container shipping rates between U. S. and China exceed \$20,000, hitting a record [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2021/08/05/china-us-container-shipping-rates-sail-past-20000-to-a-record.html> (дата обращения: 13.11.2021).

Update», «19 октября 2021 г. на входе в порты Лос-Анджелеса и Лонг Бич в ожидании разгрузки скопилось 100 контейнеровозов. Еще 40 контейнеровозов должны прибыть в ближайшее время. В портах уже нет свободного места, контейнеры скапливаются в доках, доставка сильно задерживается из-за нехватки железнодорожных вагонов, дефицита водителей большегрузных автомобилей. Администрация портов установила штрафы за задержку в портах: свыше 9 дней в случае перегруза на колесный транспорт и 3 дней в случае перегруза в железнодорожные вагоны»¹.

Вторичным эффектом, связанным с возникшим дефицитом контейнеров, стала конкуренция за свободный контейнер между перевозчиками и грузовладельцами, что в еще большей степени повлияло на рост цен на них. «В декабре 2020 г. спотовые ставки фрахта на направлении Азия — Северная Европа выросли на 264% по сравнению с годом ранее. На направлении Азия — западное побережье США рост составил 145%»².

В результате возникшего дефицита контейнеров и роста цен на них, а также упомянутой выше существенной задержки поставок произошел рост производственных издержек во многих странах мира, что в некоторых случаях привело даже к остановке производств, в тех случаях, когда поставка не была осуществлена в заявленное время. Многие эксперты подчеркивают возникновение цепной реакции: проблемы в международных морских грузоперевозках привели к снижению темпов роста экономики и мировой торговли. Именно морские грузоперевозки наибольшим образом влияют на развитие международных грузоперевозок. Как утверждают зарубежные ученые, «в общем, реконфигурация глобальной цепи поставок ассоциируется с улучшением в производительности труда и повышении эффективности производства» [6, с. 398].

Заслуживает внимание и необходимость развития интеллектуальных технологий, которые могут повысить транзитный потенциал [7, с. 8–9]. Таким образом, в меж-

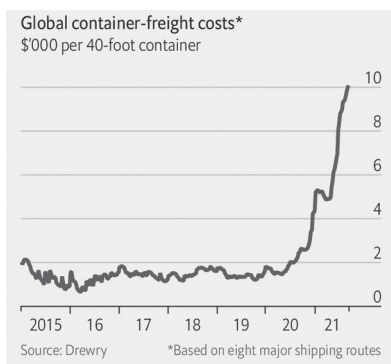

Рис. 2. Динамика роста цен на 40-футовый контейнер

Fig. 2. 40-foot container price growth dynamics

Источник: A perfect storm for container shipping [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/a-perfect-storm-for-container-shipping/21804500> (дата обращения: 20.12.2021).

¹ 14Ocean freight market update [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dhl.com/content/dam/dhl/global/dhl-global-forwarding/documents/pdf/glo-dgf-ocean-market-update.pdf>. (дата обращения: 13.11.2021).

² 15Weizhen Tan. An 'aggressive' fight over containers is causing shipping costs to rocket by 300% [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2021/01/22/shipping-container-shortage-is-causing-shipping-costs-to-rise.html> (дата обращения: 13.11.2021).

дународных грузоперевозках происходят уже не просто процессы оптимизации маршрутов или цепей поставок, но и переосмысление товарной и географической структуры международной торговли. В России такое переосмысление началось еще до пандемии, в связи с началом осуществления против нее санкционной политики, что отчасти позволило сгладить негативное влияние последствий коронавирусной пандемии. Согласно официальным данным Федеральной таможенной службы за 2021 г. наблюдается рост товарооборота, в том числе, со странами ЕС (табл. 2). Несмотря на это доля стран Европы в товарообороте с Россией и Евразийским союзом действительно снижается. Если ранее доля Евросоюза (с учетом Великобритании) составляла 50%, то сейчас это значение составляет менее 40%.

Таблица 2

Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран, млн долл.

Table 2. Foreign trade of the Russian Federation by main countries and groups of countries (\$ million)

Ре- гион	Январь — сентябрь 2020 г.			Январь — сентябрь 2021 г.			Темпы роста, %
	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт	
Весь мир	405 908,5	241 977,1	163 931,4	554 398,1	342 687,8	211 710,3	136,6↑
ЕС	138 446,6	83 309,0	55 137,6	197 389,0	128 522,5	68 866,5	142,6↑

Источник: Данные по таможенной статистике внешней торговли Российской Федерации в разрезах товаров, стран, временных периодов [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 20.12.2021).

Но одновременно происходит диверсификация международных грузопотоков с усилением роли восточных регионов страны. Перспективной площадкой международных морских грузоперевозок становится Дальний Восток [8]. Уже в настоящее время наблюдается рост импорта через территорию Дальнего Востока на 40% и рост транзита почти на 50%¹.

Международные морские грузоперевозки, обеспечивавшие глобальное перемещение товаров и ресурсов для их производства, под влиянием серьезных, долговременных и системных вызовов вступили в эпоху глубокой трансформации. Сопровождающие разрушение глобальной цепи поставок процессы, отражающиеся в увеличении сроков доставки грузов, в значительных сбоях в поставках товаров и росте затрат на транспортировку, прежде всего контейнеризированных грузов, будут оказывать влияние на глобальную экономику и мировую торговлю, что важно учитывать при определении внешнеторговой стратегии нашей страны и формировании стратегических планов по развитию национальной транспортной системы.

Литература

1. Бойко И. В., Гетман А. Г. Международные цепи поставок: новые тренды в условиях коронавирусной пандемии // Управленческое консультирование. 2020. № 11 (143). С. 42–48. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-42-48.
2. Малевич Ю. В. Развитие транспортной системы ЕАЭС: системный подход / Ю. В. Малевич, Е. М. Ксенофонтова, И. А. Пластуняк // Транспорт Российской Федерации. 2021. № 4 (95). С. 7–10.

¹ [Электронный ресурс]. <https://customs.gov.ru/press/federal/document/300688> (дата обращения: 13.11.2021).

3. *Самотуга В. Н.* Международные морские грузоперевозки по СМП в контексте обеспечения экономической безопасности России // Актуальные проблемы учета, анализа и аудита. 2021. № 10. С. 165–172. DOI: 10.52899/9785883036216_165.
4. *Chowdhury P., Paul S. K., Kaisar S., Moktadir M. A.* COVID-19 pandemic related supply chain studies: A systematic review // Transp Res E Logist Transp Rev. 2021. Vol. 148. DOI: 10.1016/j.tre.2021.102271.
5. *Cullinane K., Haralambides H.* Global trends in maritime and port economics: the COVID-19 pandemic and beyond // Marit Econ Logist. 2021. N 23. P. 369–380. DOI: 10.1057/s41278-021-00196-5.
6. *Dunn J.* COVID-19 and Supply Chains: A Year of Evolving Disruption // Cleveland Fed District Data Brief. 2021. 0226, Federal Reserve Bank of Cleveland. DOI: 10.26509/frbc-ddb-20210226
7. *Saeed N., Cullinane K., Gekara V. et al.* Reconfiguring maritime networks due to the Belt and Road Initiative: impact on bilateral trade flows // Marit Econ Logist. 2021. N 23. P. 381–400. DOI: 10.1057/s41278-021-00192-9.
8. *Wenjie Li, Ali Asadabadi, Elise Miller-Hooks.* Enhancing resilience through port coalitions in maritime freight networks // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2022. Vol. 157. P. 1–23. DOI: 10.1016/j.tre.2022.01.015.

Об авторах:

Бойко Ирина Викторовна, профессор кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; boyko-iv@ranepa.ru

Гетман Анастасия Геннадьевна, заведующий кафедрой таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; getman-ag@ranepa.ru

References

1. Boiko I.V., Getman A.G. Global Supply Chains: New Trends in the Context of the Coronavirus Pandemic // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 11. P. 42–48. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-42-48 (in Rus).
2. Malevich Iu.V., Ksenofontova E.M., Plastuniak I.A. Development of the EAEU Transport System: Systemic Approach // Transport of the Russian Federation [Transport Rossiiskoi Federatsii]. 2021. N 4. P. 7–10 (in Rus).
3. Samotuga V.N. International maritime shipping by SMP in the context of ensuring Russia's economic security // Current accounting, analysis and audit issues [Aktual'nye problemy ucheta, analiza i audita]. 2021. N 10. P. 165–172. DOI 10.52899/9785883036216_165 (in Rus).
4. Chowdhury P., Paul S. K., Kaisar S., Moktadir M. A. COVID-19 pandemic related supply chain studies: A systematic review // Transp Res E Logist Transp Rev. 2021. Vol. 148. DOI: 10.1016/j.tre.2021.102271.
5. Cullinane K., Haralambides H. Global trends in maritime and port economics: the COVID-19 pandemic and beyond // Marit Econ Logist. 2021. N 23. P. 369–380. DOI: 10.1057/s41278-021-00196-5.
6. Dunn J. COVID-19 and Supply Chains: A Year of Evolving Disruption // Cleveland Fed District Data Brief. 2021. 0226, Federal Reserve Bank of Cleveland. DOI: 10.26509/frbc-ddb-20210226
7. Saeed N., Cullinane K., Gekara V. et al. Reconfiguring maritime networks due to the Belt and Road Initiative: impact on bilateral trade flows // Marit Econ Logist. 2021. N 23. P. 381–400. DOI: 10.1057/s41278-021-00192-9.
8. Wenjie Li, Ali Asadabadi, Elise Miller-Hooks. Enhancing resilience through port coalitions in maritime freight networks // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2022. Vol. 157. P. 1–23. DOI: 10.1016/j.tre.2022.01.015.

About the authors:

Irina V. Boiko, Professor of the Chair of the Customs Administration of North-West Institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy); boyko-iv@ranepa.ru

Anastasia G. Getman, Head of the Chair of Customs Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; getman-ag@ranepa.ru

Компонентно-элементный состав методологии прогнозирования и планирования национальной экономики

Бушенева Ю. И.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; busheneva@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Методология и ее составляющие играют важнейшую роль в формировании необходимой основы для прогнозирования и планирования национальной экономики. В работе установлено, что в литературе не сложилось общепринятого понимания содержания методологии прогнозно-плановой работы, что приводит к неоднозначным трактовкам при выделении ее частей, затрудняя анализ практического применения. Целью исследования является определение комплекса ключевых компонентов и элементов методологии на основе понимания предвидения и конструирования будущего как творческо-преобразующей активности.

Новизна исследования заключается в создании декомпозиционной модели категории «методология прогнозирования и планирования национальной экономики». Полученные результаты исследования позволили выделить такие компоненты методологии, как основания, порядок, способы, результаты, мониторинг прогнозно-плановой работы; элементами выступили принципы, подходы, логика, действия, алгоритмы, типологии, методы, технологии, параметры, показатели, документы, системы документов, аудит и корректировка. Практическая значимость полученных результатов определяется возможностью их применения в практике государственного регулирования экономики, позволяя идентифицировать, оценивать и корректировать прогнозы и планы в период их разработки.

Перспективами исследования является изучение возможностей включения в состав методологии новых элементов, а также дополнения подходов и методов, позволяющих результативно осуществлять прогнозирование и планирование в постиндустриальной экономике.

Ключевые слова: методология, прогнозирование, планирование, компоненты, элементы, принципы, методы, подходы

Для цитирования: Бушенева Ю. И. Компонентно-элементный состав методологии прогнозирования и планирования национальной экономики // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 45–55.

Component-Element Composition of National Economy Forecasting and Planning Methodology

Yulia I. Busheneva

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation; busheneva@yandex.ru

ABSTRACT

The methodology and its components play a crucial role in forming the necessary basis for forecasting and planning the national economy. The work found that in the literature there is no generally accepted understanding of the content of the methodology of forecasting and planning work, which leads to ambiguous interpretations in the selection of its parts, complicating the analysis of practical application. The aim of the study is to determine the complex of key components and elements of the methodology based on the understanding of foresight and design of the future as creative and transformative activity and to test the element-by-element structure using the example of forecasting and planning in Russia.

The novelty of the research lies in the creation of a decomposition model of the category “methodology of forecasting and planning of the national economy”. The obtained results of the study made it possible to single out such components of the methodology as the foundations, order, methods, results, monitoring of forecast and planned work; the elements of the methodology were typologized principles, approaches, logic, actions, algorithms, typologies, methods, technologies, parameters, indicators, documents, document systems, audit and adjustment. The practical significance of the results obtained is determined by the possibility of their application in the practice of state regulation of the economy, allowing one to identify, evaluate and correct the implementation of the component-element composition of the methodology in modern practice of public administration.

The research prospects are to study the possibilities of including new elements in the methodology, as well as complementing approaches and methods that allow for effective forecasting and planning in the post-industrial economy.

Keywords: methodology, forecasting, planning, components, elements

For citing: Busheneva Yu. I. Component-Element Composition of National Economy Forecasting and Planning Methodology // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 46–55.

Введение

В самом широком смысле методология (от греч. μέθοδος — путь, способ исследования, обучения, изложения и λόγος — «слово», «мысль», «смысл», «понятие», «учение») — учение об организации деятельности [11, с. 76]. Методология прогнозно-плановой работы — это система упорядоченной, последовательной, непротиворечиво устроенной организации предвидения кратко-, средне- и долгосрочного образа будущего национальной экономики и конструирования перспективных действий в нем, функционирующая на основе применения методов экстраполяции, технико-экономического обоснования, моделирования и экспертизы и учение об этой системе [4, с. 141].

Обзор литературы

Анализ литературы продемонстрировал, что содержание категории «методология планирования и прогнозирования» производится авторами различным образом. Так, Н. А. Ковалевский сосредоточивает внимание на нахождении при помощи приемов определенного «оптимума». Автор отмечает, что благодаря методологии «мы ищем оптимальные пути и формы развертывания народного хозяйства методом встречных последовательных приближений» [7, с. 10]. Основываясь на данной идее, Н. А. Ковалевский детально рассматривает порядок и способы деятельности, но при этом упускает вопрос мониторинга результата, полученного при планировании.

В работе Г. В. Федотовой, наоборот, внимание концентрируется на институционализации обратных связей в процессе планирования, составлении и оценке индикаторов, то есть мониторинге итогов плановой работы [19, с. 4], тогда как вопросы последовательности составления самого прогноза или плана чаще всего остаются вне поля зрения ученого.

В. Н. Старинский исследует логику и способы прогнозно-плановой работы, затрагивает тему научных подходов, но их содержание не раскрывает, равно как и описание принципов осуществления прогнозно-плановой деятельности [17, с. 6]. В результате полноценно не затрагиваются вопросы характеристики «методологического компаса», философского основания на основании которого необходимо строить прогноз или план.

В то же время В. А. Базаров, наоборот, концентрирует свое внимание на вопросах формирования теоретических основ программно-целевого подхода к планированию, указывая, что план развития экономики должен строиться телеологически,

путем целевого построения «здорового и прочного развития» [1, с. 322]. При этом, по мнению исследователя, не стоит увлекаться цифровыми построениями. В результате В.А. Базаров формирует экономико-философскую основу для прогнозирования и планирования, но при этом в некотором смысле «обесценивает» результат такой работы — параметры и показатели.

Идеи программно-целевого подхода существенным образом были развиты и в работе Е.В. Рудневой, в которой уделялось значительное внимание оценке рациональности применяемых методов, анализу проблем, которые возникают в процессе неэффективного планирования [14, с. 7]. Проведенное автором исследование позволяет полноценно посмотреть на вопросы методологии планирования, но только в рамках одного подхода, тогда как иные подходы (например, балансовый), остаются вне авторского внимания.

В работе Т.Г. Рыжакиной приведен обобщающий перечень элементов методологии планирования, среди которых автор выделяет: методы, виды, принципы планирования, классификацию планов, систему показателей плана и мер, необходимых для его выполнения [15, с. 8]. Все элементы приведены совершенно корректно, но разрозненно, без определенной логики формирования компонентного состава методологии.

Материалы и методы

Приведенная дефиниция методологии указывает на сложный и многосоставный характер исследуемого понятия, расщепление которого на отдельные части возможно в рамках декомпозиционного подхода [2] к выявлению структурных частей категории, основанного на определении простейших частей (элементов) и их обобщенной совокупности (компонентов). В табл. 1 на основе определений различных авторов представлены мнения об элементном составе категории методологии экономического прогнозирования и планирования.

Таблица 1

Элементы методологии экономического прогнозирования и планирования

Table 1. Elements of the methodology of economic forecasting and planning

Элемент методологии	Авторы
Алгоритмы	В.Н. Старинский [17, с. 4]
Аудит	Г.В. Федотова [19, с. 7]
Виды прогнозов и планов	Т.Г. Рыжакина [15, с. 8]
Законы	А.В. Финогенов [20, с. 5]
Институты	С.Ю. Глазьев [5, с. 9]
Инструменты	С.Ю. Глазьев [5, с. 9]
Классификация	Т.Г. Рыжакина [15, с. 8]
Контроль	С.Ю. Глазьев [5, с. 9], Г.В. Федотова [19, с. 7]
Линии [плана]	В.А. Базаров [1, с. 314–317]
Логика	Е.В. Руднева [14, с. 7], В.Н. Старинский [17, с. 4], А.В. Финогенов [20, с. 5]
Методы	В.А. Базаров [1, с. 314–317], С.Ю. Глазьев [5, с. 9], Н.А. Ковалевский [7, с. 10], Н.Д. Кондратьев [8, с. 107], Е.В. Руднева [14, с. 7], В.Н. Старинский [17, с. 4], Т.Г. Рыжакина [15, с. 8], А.В. Финогенов [20, с. 5]

Элемент методологии	Авторы
Методики	В. Н. Старинский [17, с. 4], Э. К. Тхакушинов [18, с. 3]
Мероприятия для выполнения плана	Т. Г. Рыжакина [15, с. 8]
Механизмы	С. Ю. Глазьев [5, с. 9] О. М. Писарева [13, с. 440], М. А. Сафронов [16, с. 5]
Мониторинг	Г. В. Федотова [19, с. 7]
Нормы	В. Н. Старинский [17, с. 4]
Опыт прогнозирования и планирования	Н. А. Ковалевский [7, с. 8]
Ответственность	С. Ю. Глазьев [5, с. 9]
Оценка	Г. В. Федотова [19, с. 7]
Параметры	О. М. Писарева [13, с. 440]
Подходы	В. А. Базаров [1, с. 314–317], Н. А. Ковалевский [7, с. 8], М. А. Сафронов [16, с. 5], В. Н. Старинский [17, с. 4]
Показатели	Т. Г. Рыжакина [15, с. 8], Г. В. Федотова [19, с. 7]
Порядок действий	Н. Д. Кондратьев [8, с. 107], Н. А. Ковалевский [7, с. 8]
Правила	В. Н. Старинский [17, с. 4]
Принципы	В. Н. Старинский [17, с. 4], Т. Г. Рыжакина [15, с. 8], М. А. Сафронов [16, с. 5]
Приоритеты	С. Ю. Глазьев [5, с. 9]
Процесс действий	М. А. Сафронов [16, с. 5]
Процесс систематизации	Г. В. Федотова [19, с. 7]
Расчеты	Н. А. Ковалевский [7, с. 8], В. Н. Старинский [17, с. 4]
Система планов и прогнозов	С. Ю. Глазьев [5, с. 9]
Способы	В. Н. Старинский [17, с. 4]
Технологии	Е. В. Руднева [14, с. 7], В. Н. Старинский [17, с. 4], Э. К. Тхакушинов [18, с. 3]

Таким образом, по вопросам содержания методологии прогнозирования и планирования имеется достаточно обширная литература, но авторы рассматривают данную категорию чаще всего однобоко, с узких позиций и без системного представления о ее компонентно-элементном составе.

Результаты

В рамках настоящей статьи выделенные в табл. 1 элементы дают возможность сформировать целостное понимание методологии и произвести объединение ее элементов в более широкие группы. Определение компонентного состава методологии прогнозирования и планирования национальной экономики целесообразно провести следующим образом:

- основания для прогнозно-плановой работы (законы, нормы, подходы, правила, принципы, приоритеты, классификации);
- порядок действий прогнозно-плановой работы (алгоритмы, виды, линии [плана], логика, порядок действий, процесс действий);

- способы прогнозирования и планирования (инструменты, методики, методы, механизмы, расчеты, способы, технологии);
- результаты прогнозно-плановой работы (мероприятия для выполнения плана, опыт прогнозирования и планирования, параметры, показатели, процесс систематизации, система планов и прогнозов);
- мониторинг деятельности (аудит, институты, контроль, мониторинг, ответственность, оценка).

Приведенный перечень элементов и компонентов дает возможность сформировать обобщенное представление о компонентно-элементном составе исследуемой категории (рис. 1).

Основания для прогнозно-плановой работы представляют собой ключевые положения методологии, формирующие ее фундамент. Здесь ключевым элементом являются универсальные принципы осуществления прогнозно-плановой деятельности, которые можно поделить на две группы.

Принципы, характеризующие деятельность субъекта прогнозирования или планирования:

- 1) беспристрастность — отсутствие у составителя личной субъективной приверженности к одному из возможных вариантов будущего или к заинтересованной в результатах прогнозирования или планирования стороне;
- 2) итеративность — выполнение прогнозно-плановых работ с непрерывным анализом полученных результатов и корректировкой предыдущих этапов работы;
- 3) отчетность — документальное изложение положений плана или прогноза органам власти, организациям, обществу;
- 4) партисипативность — учет интересов различных сторон при прогнозировании и планировании;
- 5) перманентность — наличие прогнозов и планов на каждый временной промежуток функционирования экономики для обеспечения непрерывности хозяйственной деятельности;
- 6) рентабельность — полученный практический результат должен многократно превышать затраты на формирование прогноза или плана;

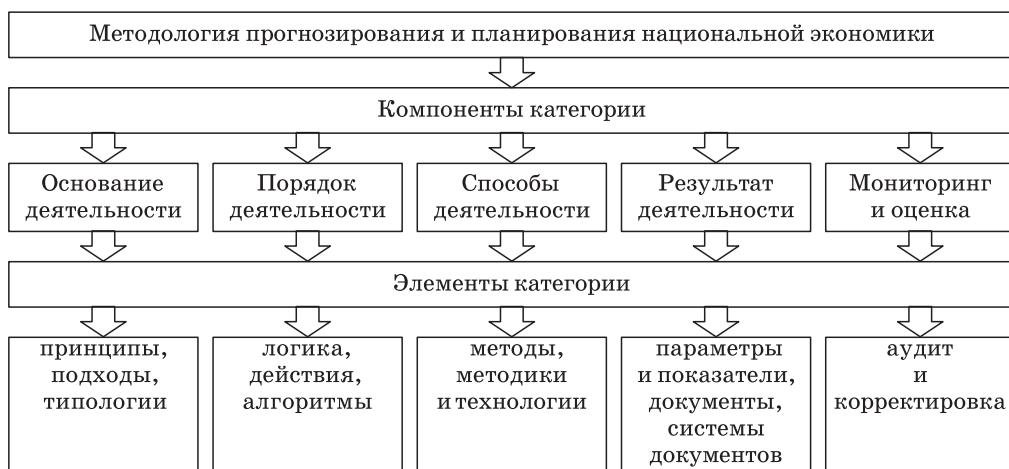

Рис. 1. Декомпозиционная модель методологии прогнозирования и планирования национальной экономики

Fig. 1. Decomposition model of the methodology of forecasting and planning of the national economy

7) прозрачность — открытость, прозрачность процесса создания плана или прогноза.

Принципы, формирующие содержание прогноза или плана:

- 1) вариативность — создание не менее двух возможных перспектив, вариантов развития будущего и действий в нем;
- 2) научность — опора на обобщенные теоретические и практические знания, значительное число экспертных мнений, расчетов, исследований при определении картины будущего и действий в нем;
- 3) обоснованность — подкрепление вероятностных предположений мнениями экспертов, расчетами, фактами, анализом ключевых трендов;
- 4) объективность — реалистичность планов или прогнозных предположений, основанная на анализе существующих или потенциальных тенденций;
- 5) оптимальность — формирование необходимого и достаточного количества прогнозов, планов, показателей и параметров;
- 6) отсутствие дублирования — положения плана или прогноза не должны повторять друг друга или положения иных планов или прогнозов;
- 7) практикоориентированность — нацеленность на решение прикладных задач в функционирующей экономической системе;
- 8) прочность — устойчивость прогнозных и плановых показателей во времени, без внесения уточнений, изменений, поправок;
- 9) системность — взаимосвязь и единство параметров плана или прогноза;
- 10) целенаправленность — достижение единой заранее определенной цели плановой или прогнозной работы.

Важнейшим основанием для осуществления прогнозно-плановой деятельности является **научный подход** к прогнозно-плановой работе, под которым понимается совокупность ограниченных взглядов, теорий, позиций, позволяющих составителю комплексно и упорядоченно подойти к составлению прогноза или плана, способствуя увязке целей развития национальной экономики с имеющимися или потенциальными ресурсами. В настоящее время в теории и практике прогнозирования и планирования выделяют три ключевые подхода:

- балансовый, основанный на увязывании потребностей страны в различных ресурсах с возможностями производства и источниками ресурсов;
- оптимизационный, представляющий технико-экономическое обоснование прогнозов, планов, программ с помощью оптимальных функций, норм и нормативов;
- программно-целевой, характеризуемый определением основных целей социально-экономического развития и формированием различных программ (проектов) для их достижения.

Сущностной характеристикой **балансового подхода** к прогнозированию и планированию является требование того, что количество производимых продуктов в многоотраслевой экономике должно соответствовать (в идеале быть равным) совокупной потребности в них. Желаемые цели развития национальной экономики увязываются с ресурсами при помощи количественного соотношения, состоящего из двух равных друг другу частей, формируя «портрет экономики» [16, с. 7]. Прикладное применение данного подхода реализуется через формирование линейных алгебраических уравнений (уравнения межотраслевого баланса (МОБ), что было сформулировано и обосновано В.В. Леонтьевым в модели «затраты-выпуск» [9], продолжено в исследованиях А.Н. Ефимова, Л.Я. Берри [10] и др. авторов.

Балансовый подход в XX в. получил распространение в макроэкономическом планировании в СССР, США, в настоящее время он в меньшей степени применяется в практике государственного регулирования экономики, но, тем не менее, вопросы применения МОБ находят свое проявление при формировании системы национальных счетов, деятельности международных ассоциаций (International Input-

Output Association), наднациональных образований (мировая база данных World Input-Output Database, инициированная к созданию Европейской комиссией), государственных статистических служб.

Оптимизационный подход предполагает выбор наилучших вариантов прогнозных показателей и плановых способов их достижения, задаваемых определенной системой норм и нормативов. Достижение экономических целей при данном подходе реализуется на основании оптимизации экономических решений при использовании ресурсов на основании заранее заданного критерия. Оптимизационный подход предполагает, что «в процессе планирования и функционирования народного хозяйства необходимо находить такие решения, которые в наибольшей (максимальной) степени отвечают сформулированной общей цели» [6, с. 46]. Как правило, нормы и нормативы при данном подходе задаются по параметрам максимизации целевой функции общественного благосостояния и минимизации срока достижения целей. Данный подход имел достаточно широкое распространение в советской экономике.

При **программно-целевом** подходе, более распространенном в условиях рыночной экономики, прогнозирование и планирование реализуется на основании определенных целевых установок, но в отличие от оптимизационного подхода, данные установки не требуют соответствия критерию оптимальности, а основываются на необходимости решения определенных социально-экономических проблем и приведению состояния экономики к некоему сбалансированному и устойчивому развитию. Достижение экономических целей при данном подходе реализуется при помощи программ, в рамках которых происходит увязывание имеющихся и потенциальных ресурсов и планируется их использование в соответствии с потребностями общества и экономической ситуацией.

Программно-целевой подход приобрел наибольшее распространение в современном государственном регулировании как в России, так и в зарубежных странах, поскольку именно он в условиях индикативного планирования в наибольшей степени способен удовлетворять потребность государственной власти в достижении целей долгосрочного характера и наличии возможностей адаптации прогнозно-плановых механизмов управления к быстро меняющейся ситуации.

Подходы к макроэкономическому прогнозированию и планированию формируют единый стержень для осуществления прогнозно-плановой работы, укрепление которого возможно на основании взаимоувязки разрозненных прогнозов и планов в единую типологическую систему. **Типология**, являясь результатом внесения порядка в прогнозно-плановую деятельность, позволяет сделать выводы об определении характеристик видов, являющихся ее элементами, и сузить границы составления прогноза или плана, выбрать необходимый тип для конкретных ситуаций.

Можно выделить типологию по сроку предполагаемой реализации (горизонту, периоду упреждения). Долгосрочные прогнозы и планы, разрабатываемые на срок более 6 лет, не претендуют на детальное определение будущего экономических показателей, нацелены на характеристику и определение траекторий развития национальной экономики, оценку значительно отсроченных по времени результатов принятых экономических решений. Среднесрочные прогнозы и планы, формируемые на период 3–5 лет, дают возможность уточнить параметры долгосрочного взгляда на будущее экономики. Принятие ключевых решений при реализации экономической политики дает возможность осуществить краткосрочные прогнозы и планы продолжительностью 1–3 года, а также текущие прогнозы и планы, разрабатываемые на квартал, месяц, неделю, день.

Планирование, при обособлении от прогнозирования, имеет свои специфические основания для типологии, обусловленные необходимостью перевода вероятных предположений в конкретные действия. В зависимости от характера целей, для

реализации которых формируется план, планирование делится на стратегическое (долгосрочное планирование, нацеленное на достижение качественно новых параметров экономического роста и развития) и тактическое (краткосрочное планирование без постановки качественно новых целей).

По степени обязательности исполнения планирование может быть поделено на директивное (административно-командное, централизованное) планирование, когда планы обязательны для исполнения всеми хозяйствующими субъектами), селективное — «избирательное и ограниченное по методам и сферам применения» [3, с. 32], предусматривающее обязательное выполнение планов в государственном секторе и рекомендательное в частном, и индикативное, имеющее рекомендательный характер для всех хозяйствующих субъектов.

Порядок действий прогнозно-плановой работы как элемент исследуемой методологии включает в себя определенную **логику** ее реализации. Под **логикой прогнозирования и планирования** понимается непротиворечивая последовательность, порядок этапов, включающих действия и набор инструкций, описывающих порядок действий (алгоритмы), по осуществлению прогнозирования и планирования. В самом обобщенном виде данная логика включает в себя следующие этапы последовательности: обоснование прогноза или плана, их разработка, реализация, мониторинг и корректировка.

В рамках компонента способы деятельности следует указать, что единого **метода** (прикладного приема, инструмента, способа, обеспечивающего многократное достижение необходимого результата при его повторении) при формировании прогнозов и планов выделить невозможно, так как не существует и единой **технологии** (алгоритмизированной для применения совокупности взаимосвязанных методов). Применение методов может быть различным в зависимости от степени экономического развития страны, наличия или отсутствия кризисных условий, поставленных задач. Так, экстраполяция определяет перенесение тенденций прошлого и настоящего на будущее объекта прогнозирования и планирования при наличии допущения того, что тенденции прошлого сохранятся в будущем, а объект исследования будет развиваться по плавной траектории, которую можно описать математическими символами. Техничко-экономическое обоснование обеспечивает разработку прогнозных или плановых показателей на основании норм, нормативов, технико-экономических расчетов. Результатом применения моделирования является создание упрощенной копии исследования объекта в будущем при помощи математических символов, алгоритмов и приемов (неравенств, уравнений, графиков и т.д.). Экспертиза опирается на неформализованный учет мнения как отдельных экспертов, так и их групп.

Основным **результатом** прогнозно-плановой деятельности является достижение такого состояния, когда вероятностные предположения прогнозов и плановые показатели находят свое реальное выражение в экономической практике (прогнозы сбываются, а планы реализуются). Методологически результаты прогнозно-плановой работы находят свое отражение в качественных (параметры) или количественных (показатели) характеристиках будущего.

Ключевыми показателями, представленными в значительном числе экономических прогнозов и планов, являются объем национального производства и темпы динамики его изменения, показатели отечественных и зарубежных инвестиций, государственных доходов и расходов, их соотношения, уровень занятости, безработицы, инфляции, доходы и сбережения населения, банковские показатели, показатели платежного баланса, государственного долга, рейтинговые показатели. Качественные параметры будущего экономического развития могут быть описаны в виде трендов, тенденций, возможностей, угроз, драйверов экономического развития.

Сформулированные прогнозно-плановые показатели нуждаются в регулярном **мониторинге** прогнозов и планов для определения их соответствия целям и теку-

щим условиям экономического развития. Целью мониторинга является оценка реального положения, формирование рекомендаций улучшению ситуации, корректировка прогноза или плана.

Выводы

Таким образом, в исследовании разработана декомпозиционная модель категории «методология прогнозирования и планирования национальной экономики», включающая компоненты и элементы, что позволяет определять и корректировать их реализацию в современной практике государственного управления.

Литература

1. Базаров В. А. К методологии перспективного планирования // Избранные произведения / науч. ред. А. А. Белых. М. : Дело, РАНХиГС, 2014. Т. 1. С. 314–333.
2. Боуш Г. Д. Бизнес-кластеры: категориально-системное представление: монография. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 244 с.
3. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // Terra economicus. 2017. Т. 15. № 1. С. 29–43.
4. Бушенева Ю. И. Дефиниция и сущностные характеристики методологии прогнозирования и планирования развития национальной экономики // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 141–155.
5. Глазьев С. Ю. и др. О стратегии развития экономики России: препринт / ред. С. Ю. Глазьев. М. : ООН РАН, 2011. 48 с.
6. Гранберг А. Г. Моделирование социалистической экономики. М. : Экономика, 1988. 487 с.
7. Ковалевский Н. А. Методология плана реконструкции / Комиссия генерального плана. Госплан СССР. М. : Плановое хозяйство, 1928. 41 с.
8. Кондратьев Н. Д. План и предвидение // Вопросы экономики. 1992. № 4–6. С. 91–108.
9. Леонтьев В. В. Межотраслевая экономика / пер. с англ., предисл. и науч. ред. А. Г. Гранберг. М. : Экономика, 1997. 479 с.
10. Методы планирования межотраслевых пропорций / ред. А. Н. Ефимов, Л. Я. Берри. М. : Экономика, 1965. 351 с.
11. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология: словарь системы основных понятий. М. : Либроком, 2013. 208 с.
12. Пересада В. П., Смирнов Н. В., Смирнова Т. Е. Статические и динамические модели многопродуктовой экономики. СПб. : Издательский Дом Федоровой Г. В., 2017. 140 с.
13. Писарева О. М. Системные основы формирования методологии стратегического планирования в условиях внедрения цифровых технологий управления // Системный анализ в экономике — 2018. Сб. трудов V Международной научно-практической конференции-биеннале / под общ. ред. Г. Б. Клейнера, С. Е. Щепетовой. М., 2018. С. 437–440.
14. Руднева Е. В. Методология и организационно-экономический механизм программного планирования и управления : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 05.13.10. М., 1990. 40 с.
15. Рыжакина Т. Г. Интегрированные инструменты планирования в процессе реализации стратегии предприятия: монография. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 144 с.
16. Сафронов М. А. Совершенствование методологии стратегического планирования развития пространственной социально-экономической системы — региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2013. 21 с.
17. Старинский В. Н. Методология науки «прогностики» — основа прогнозирования рыночных ситуаций // Экономика. Бизнес. Право. 2017. № 7–9. С. 4–24.
18. Тхакушинов Э. К. Региональное стратегическое планирование: методология и инструментальное обеспечение: на материалах Республики Адыгея : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Майкоп, 2003. 21 с.
19. Федотова Г. В. Развитие методологии программно-целевого планирования экономических процессов на основе институционализации обратных связей в управлении : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Курск, 2015. 22 с.
20. Финогенов А. В. Предмет и методологические основы прогнозирования и планирования в условиях рыночного хозяйства // Прогнозирование и планирование в условиях рынка / под ред. Ф. Л. Шарова. М. : МИЭП, 2007. 96 с.

Об авторе:

Бушенева Юлия Ивановна, доцент кафедры экономики и управления Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент по специальности «Экономическая теория»; busheneva@yandex.ru

References

1. Bazarov V.A. To the methodology of long-term planning // Selected works. / ed. A.A. White. M. : Delo, RANEPa, 2014. Vol. 1. P. 314–333 (in Rus).
2. Boush G.D. Business clusters: categorical-systemic presentation: monograph. Omsk : Publishing house of Omsk state University, 2011. 244 p. (in Rus).
3. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Planning in the economy of the XXI century: what and for what? // Terra economicus. 2017. Vol. 15. N 1. P. 29–43 (in Rus).
4. Busheneva Yu. I. Definition and essential characteristics of the methodology for forecasting and planning the development of the national economy // Central Russian Bulletin of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2019. Vol. 14. N 5. P. 141–155 (in Rus).
5. Glazyev S.Yu. et al. On the strategy of development of the Russian economy: preprint / ed. S.Yu. Glazyev. M. : UN RAS, 2011. 48 p. (in Rus).
6. Granberg A.G. Modeling a socialist economy. M. : Economics, 1988. 487 p. (in Rus).
7. Kovalevsky N.A. Reconstruction Plan Methodology / Master Plan Commission. State Planning Committee of the USSR. M. : Planned economy, 1928. 41 p. (in Rus).
8. Kondratyev N.D. Plan and foresight // Economic Issues [Voprosy ekonomiki]. 1992. N 4–6. P. 91–108.
9. Leontiev V.V. Interindustry economics /scient. ed. A.G. Granberg. M. : Economics, 1997. 479 p. (in Rus).
10. Methods for planning intersectoral proportions / ed. A.N. Efimova, L.N.Ya. Berry. M. : Economics, 1965. 351 p. (in Rus).
11. Novikov A.M., Novikov D.A. Methodology: vocabulary of the system of basic concepts. M. : Librokom, 2013. 208 p. (in Rus).
12. Peresada V.P., Smirnov N.V., Smirnova T.E. Static and dynamic models of a multi-product economy. SPb. : G.V. Fedorov Publishing House, 2017. 140 p. (in Rus).
13. Pisareva O.M. Systemic bases for the formation of strategic planning methodology in the context of the introduction of digital management technologies // System analysis in economics. 2018. Proceedings of the V International scientific-practical conference-biennale / total ed. G.B. Kleiner, S.E. Shchepetova. M., 2018. P. 437–440 (in Rus).
14. Rudneva E.V. Methodology and organizational and economic mechanism of program planning and management : Dissertation abstract. M., 1990. 40 p. (in Rus).
15. Ryzhakina T.G. Integrated planning tools in the process of implementing enterprise strategy: monograph. Tomsk : Publishing house of Tomsk Polytechnic University, 2013. 144 p. (in Rus).
16. Safronov M.A. Improving the methodology of strategic planning for the development of a spatial socio-economic system — a region : Dissertation abstract. SPb., 2013. 21 p. (in Rus).
17. Starinsky V.N. Methodology of the science of «prognostics» — the basis for forecasting market situations // Economics. Business. Right. 2017. N 7–9. P. 4–24 (in Rus).
18. Tkhakushinov E.K. Regional strategic planning: methodology and instrumental support: on the materials of the Republic of Adygea : Dissertation abstract. Maykop, 2003. 21 p. (in Rus).
19. Fedotova G.V. Development of the methodology of program-targeted planning of economic processes based on the institutionalization of feedbacks in management : Dissertation abstract. Kursk, 2015. 22 p. (in Rus).
20. Finogenov A.V. Subject and methodological foundations of forecasting and planning in a market economy // Forecasting and planning in a market / ed. F.L. Sharov. M. : MIEP, 2007. 96 p. (in Rus).

About the author:

Yulia I. Busheneva, Associate Professor of Department of Economics and Management, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Specializing in Economic Theory; busheneva@yandex.ru

Global Sustainability and Structural Power: The Case of Bioeconomy in a Transitional World

Santiago Caetano

Uruguay; sanfrank.89@gmail.com

ABSTRACT

This article studies the incidence of the bioeconomic agenda within the ongoing technological and scientific revolution and its link with inter-regional relations, in the framework of an international system in transition. In this sense, the theory of structural power is proposed as an analytical tool to observe the power relations that can emerge in relation with the development cooperation processes and the consequent configuration of new governance articulations related to sustainable development. It also reflects on the opportunities and challenges concerning this productive paradigm and it focuses on the upcoming relevance of its agenda for the east-west relations between Russia and the European Union. The article argues that although Russia is not among the most important global competitors in the field of bioeconomy, its structural qualities gives the country an important relational power in its connections with other countries/regional configurations. Within the framework of its relations with the European Union, the development of the bioeconomy emerges as a possible scenario of negotiation and dialogue that may renew the currently conflicted bilateral agenda in the face of future development challenges. That would create possibilities to boost confidence in the sharing of scientific and technological information, and also to forge mutually beneficial inter-dependencies. Regarding the methodological strategy, the general approach consists of the premise that global systemic changes generate either incentives or restrictions for technical cooperation around scientific and technological innovation. In this framework, global changes refer both to globalization, as well as to the technological revolution and the urgency around contemporary socio-ecological challenges, and the growing importance of the bioeconomic paradigm in the multilateral spheres of international cooperation. The methodological design is based on a qualitative-exploratory case study, with an explanatory aim.

Keywords: International cooperation, structural power, bioeconomy, Russia, European Union

For citing: Santiago Caetano. Global Sustainability and Structural Power: The Case of Bioeconomy in a Transitional World // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 56–66.

Глобальная устойчивость и структурная власть: место биоэкономики в переходном мире

Сантьяго Каэтано

Уругвай; sanfrank.89@gmail.com

РЕФЕРАТ

В данной статье исследуется место биоэкономической повестки дня в рамках продолжающейся технологической и научной революции и ее связь с межрегиональными отношениями в рамках переходной международной системы. В этом смысле теория структурной власти предлагается в качестве аналитического инструмента для наблюдения за отношениями власти, которые могут возникнуть в связи с процессами сотрудничества в целях развития и последующей конфигурацией новых артикуляций управления, связанных с устойчивым развитием. В нем также рассматриваются возможности и проблемы, связанные с этой продуктивной парадигмой, и акцентируется внимание на предстоящей актуальности его повестки дня для отношений Восток — Запад между Россией и Европейским Союзом. В статье утверждается, что, хотя Россия не входит в число наиболее важных глобальных конкурентов в области биоэкономики, ее структурные качества дают стране важную реляционную силу в ее связях с другими странами / региональными конфигурациями. В рамках его отношений с Европейским Союзом развитие биоэкономики

выступает как возможный сценарий переговоров и диалога, который может обновить двустороннюю повестку дня, которая в настоящее время находится в противоречии, перед лицом будущих проблем развития. Это создаст возможности для повышения доверия к обмену научной и технической информацией, а также для создания взаимовыгодных взаимозависимостей. Что касается методологической стратегии, то общий подход состоит в том, что глобальные системные изменения создают либо стимулы, либо ограничения для технического сотрудничества в сфере научно-технических инноваций. В этом контексте глобальные изменения относятся как к глобализации, так и к технологической революции и актуальности решения современных социально-экологических проблем, а также растущей значимости биоэкономической парадигмы в многосторонних сферах международного сотрудничества. Методологический дизайн основан на качественно-исследовательском тематическом исследовании с пояснительной целью.

Ключевые слова: международное сотрудничество, структурная власть, биоэкономика, Россия, Евросоюз

Для цитирования: *Santiago Caetano. Global Sustainability and Structural Power: The Case of Bioeconomy in a Transitional World // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 56–66.*

Introduction

The scientific and technological innovations in relation with sustainable development are issues of utmost importance for global affairs in the contemporary world. That is mainly in terms of the confection of public strategies regarding the improvement of productive activities, in times of the scientific and technological revolution that is currently taking place, in which the bioeconomic paradigm is gaining prominence. Additionally, it also has an impact in geopolitical and geoeconomic terms, taking into account the upcoming wave of rules and standards towards a more greener economy that are being promoted and debated in a multilateral level, in the framework of the 2030 global agenda. These processes are going to have profound impacts on the international insertion of several regions and countries, in a global context determined by globalization instability and the return of a more regional oriented productive economies [12]. In this sense, in times of growing uncertainty in the international system and the structural transitions of power towards a more multipolar world, this article focuses the theoretical analysis on the topic of international cooperation processes in relation with bioeconomy, in order to bring some insights regarding its geopolitical implications in inter-regional relations. Then, it reflects on the opportunities and challenges concerning the implications of the bioeconomic agenda. Finally, it focuses on the upcoming relevance of this agenda for the east-west relations between Russia and the European Union.

A critical perspective of globalization

As Bizzozero warns, the intensification of global processes and the consequent globalization of capitalism in recent decades has generated a series of changes in the global productive structure, which translated into a strong conditioning of the response of States in the international system [3]. In this sense, the reconfiguration of production processes and the complexity of power structures at the global level have raised new implications regarding the resignification of national borders in the face of increased circulation and consumption of goods, services and capital flows. From a critical perspective regarding the intensification of capitalist globalization, Harvey argues that this has put pressure, particularly in the countries of the Global South, on processes characterized by a reduction in the size of the State in its role as guarantor of the provision of public goods, through the commodification of common goods [15]. As the author

states, "in those areas where there is no market (such as land, water, education, health care, social security or environmental pollution), it must be created, when necessary, through state action" [15, p. 8].

On the other hand, the productive changes related to the scientific-technological revolution of the last 10 years have promoted an increasingly transnational reconfiguration of global production dynamics, which generates impacts on socio-ecological systems [5]. In this framework, the increasingly prominent role of transnational companies in the negotiation processes between States is highlighted, which has intensified the north-south character of the links between those countries that are on the technological frontier and those that have specialized their production in the primary sector [5]. As Drago expresses, globalization has accentuated the concentration of power of transnational companies through the expansion in various territories, which conditions their different forms of occupation and exploitation [10].

In this sense, the processes of building power between the different units of the international system with asymmetrical structural characteristics refer to the definition or questioning of the rules that less developed State actors establish, which leads, in certain circumstances, to pressure to modify regulations that have to do with natural assets [5]. In this context of deepening global processes, Carrau alleges that, within the framework of the so called "neoliberal globalization", new rules are proposed that favor the privatization of nature and public services, as well as the promotion of productive investments that can damage ecological systems [5].

Taking into account the new global production system configuration, this is characterized by the fragmentation of the productive units and their delocalization on behalf of the transnational enterprises, which organize their productive chains in accordance with the advantages offered by countries or group of countries [16]. In this sense, the productive segmentation can be differentiated into four characteristic links of the value chains: 1) the countries in the technological border, which are specialized in research and design, leaders in the industrial sector and know how referred services; 2) those that develop complementary technologies and products of medium and high technology services; 3) those who ensemble the production and produce low technology goods; 4) and the raw materials providers. The growing international specialization of several regions in the lower links of the agricultural global value chains is directly related with the intensity of the natural resources usage, applied to the agricultural production [19]. The fact that if these resources (land, water, biodiversity) are not used in a sustainable way, may put its availability into question for future generations.

In this context, the productive specialization in the agricultural sector implies the emergency of new challenges related to the socio-economic and ecological sustainability, which is directly linked with the global challenges of food security and climate change. On the other hand, other risks are related to the technological backwardness with regards of being part of the ultimate link of the global value chains. This implication defies countries in the emerging world to promote the innovation in science and technology, so as to sophisticate the production and therefore reach upper stages in the global value chains.

Structural power

These processes and its geopolitical implications can be observed through the lenses of the structuralist paradigm of International Relations, whose scholars study the relations of power in international affairs concerning the establishment and control of certain structures [17]. Among the most prominent authors is Susan Strange, who defined the concept of structural power as the ability "to decide how things shall be done, the power to shape frameworks within which States relate to each other, relate to people,

or relate to corporate enterprises" [25]. In this sense, the author warns that structural power implies the ability to define and design the political agenda, arguing that power over structures is more important than power over resources.

Additionally, Strange raises a reconsideration around the importance of issues related to military capabilities in the study of controversies between countries in the post-Cold War international system [26]. In this way, the author distances herself from the concepts related to soft or hard power, since she refers to a notion of power as a dispositional concept. On this, as Volgy and Imwalle stress, Strange maintains that the notion of power between States is not only constituted in ideational or material terms, but also that structural power can define and shape the institutional frameworks of which the States are part of [28]. Moreover, the authors argue that structural power becomes what Steven Krassner calls metapower, in terms of the ability to change the rules of the game, as well as highlight how the structural capabilities of a State can define its hegemonic projection in the international system [28]. Therefore, the structure can become a source of power and through it, those actors with greater structural capacity can shape the behavior of other actors.

In addition, Susan Strange posits structural power in terms of the ability of the actors in the international system to influence the configuration of the rules of the game, within the framework of which both States and non-state actors relate to each other [25]. Moreover, from Strange's perspective, there are two types of power: relational power, based on the actor's ability to defend his interests in a given framework of interactions; and structural power, which refers to the ability to define the rules that determine the structure according to the convenience of the predominant actor [26]. Therefore, the theory of structural power focuses on this type of power, from which Strange locates four primary structures, these being security, production, finance and credit, and knowledge, ideas and beliefs. According to Strange, although these structures are interdependent and have a different distribution of power, the author tries to understand who benefits as a result of the structural changes in the international system. Likewise, Strange warns of the existence of secondary structures, such as those referring to energy, trade, transportation and welfare [26]. As Cohen alleges, from this perspective her analysis focuses on the link between authority and the market, referring to aspects of what she establishes as certain basic values of any society, such as wealth, security, freedom and justice, so as to understand how their combination varies according to the power links [9].

International cooperation and structural power

Regarding the characterization of international cooperation processes, the concept of "complex interdependence" developed by the authors Keohane and Nye stands out in particular, which gives cooperation a key role in the link between the various actors of the international system. From this perspective, the scientific advances related to globalization and its consequent effects on interdependence, both economically and politically, would enable the development of international institutions that promote the cooperative nature of interactions between the different units of the system. In this sense, both mutual aid and cooperation would be attainable, achieving peace through the political will of the actors.

Nevertheless, as mentioned above, from a structuralist perspective stand out those authors who subscribe to critical positions regarding the world economic system and study the implications of capitalism, with a focus on the issues of underdevelopment and existing inequalities between countries [2]. In this sense, cooperation within the framework of the global capitalist system would forge a situation of dependency determined by the conditioning of the economy of a certain group of countries at the expense

of the expansion and development of another. Therefore, the relationship of interdependence established by world trade would adopt asymmetric forms when the central countries have technological, commercial and capital predominance over other less developed countries. Therefore, it is established that the international division of labor determines the industrial development of some countries and limits that of others, the latter being subject to economic growth conditions imposed by the developed countries.

The bioeconomy in the context of the technological revolution

The concept of bioeconomy, as well as Green and Digital Economy, are related to the constellation of organizational and technical innovations of the 6th Technological Revolution, according to the Kondratiev cycles with regards to the history of capitalism. This revolution has emerged as the main vector of innovation and represents a key factor of the productive transformation. It is on an early stage and it is based on the Digital Revolution, as well as characterized by the sustainable development and the application of biotechnology and nanotechnology. In this sense, with Europe and China as the main actors of this revolution, the key input is biomass and its goals are the sustainable development in terms of mitigation and adaptation to climate change; the renewal energies; bio-refineries; circular economy, among others [24].

In this context, a sustainable practice in relation with the usage of bio-based resources may lead the way towards the achievement of certain Sustainable Development Goals (SDGs), which main objectives are the improvement of social, economic and ecological living conditions around the world. Moreover, current global challenges such as the climate change risks and the food security (among others) are some of the main issues of concern on the global agenda, and the development of a sustainable bioeconomy has been seen by many experts as the path to meet them [27].

Hence, in times of global uncertainty in relation with decision making processes to address the current global challenges, there is an increasing demand of comprehensive governance frameworks that includes not only national States and International Organizations, but also the private, academic and social sectors in relation with a broader inter-regional level. This is, in order to articulate the costs and incentives regarding the sustainable productive transformations, and also to address the conflicts that may arise as a result of the bioeconomy transition [8]. In this sense, apart from the food versus fuel debate in the field of bioenergy, there is growing concern in challenges such as water scarcity, land degradation and food shortage in several regions of the world. Thus, the articulation of specific political management to address these challenges has been seen of utter importance by scholars in the bioeconomic field [11].

The bioeconomy on the global agenda

Regarding the processes of cooperation in the contemporary international system, several authors underline the need for binding collective actions for the implementation of an expansion of the global development objectives that include the bioeconomy paradigm, for the purposes to generate new global governance frameworks [14]. In this sense, in times of increasing urgency regarding contemporary challenges related to climate change, financial instability and food insecurity, Gehring and Faude warn that the focus on local public policies is central to innovation around an expanded governance framework for international development cooperation [13].

In this framework, the Rio + 20 summit in Brazil in 2012 recommended the governments to create a set of objectives that would be integrated into the Millennium Development Goals, after their term expired in 2015. In this regard, with a planetary population that is estimated to reach nine billion people by the year 2050, and with the need for

a stable functioning of the systems concerning the diversity of the oceans, forests, as well as the biogeochemical cycles, the reformulation of the development goals have included issues concerning human and planetary security [23]. However, defining a set of SDGs is challenging, particularly when there are conflicts between individual goals, such as energy and food provision, as well as climate change prevention [6].

In this sense, there is a global consensus that efforts around local development policies are strongly influenced by the promotion of this agenda at the global level [13]. According to Paulo, the importance of the concept of global public good in the development discourse has reflected the growing attention towards collective actions related to the aforementioned global challenges. In this regard, there is an interrelation between domestic and global public goods and, in this sense, an interdependence between domestic actions and the role of international cooperation to promote new development paradigms. In this framework, according to Paulo, there is a correlation between domestic policies and global actions and objectives, which is key to understanding the functioning of international cooperation processes [23]. Therefore, it is interesting to note the importance of the concept of public good, in that while national public policies supported by international cooperation pursue objectives that can be analyzed as domestic public goods, at the same time actions that pursue objectives of common development.

Concerning the European Union, it is crucial to point out the relevance given to the development of the bioeconomy in the document "En route to the Knowledge-based bioeconomy" created within the framework of the German presidency of the European Commission in 2007. Two years later, within the framework of the OECD, the document called "The Bioeconomy to 2030: designing a policy agenda" stands out [18]. Subsequently, in 2010, Germany, which is the leading country in this regard, defined its "National Bioeconomy Research Strategy 2030", becoming one of the first countries in Europe [1]. Likewise, taking this as background information, on the occasion of the Global Forum for Food and Agriculture held in January 2015, 62 ministries of agriculture recommended to FAO the creation of the International Working Group for the Sustainable Bioeconomy.

In this framework, it is also of special importance to mention the Paris Agreement signed in December 2015, which consists of a binding international agreement to reduce the impacts of climate change. In particular, with regard to articles 9, 10 and 11, which concern the financing and transmission of technology, it is alleged that the agreement reaffirms the obligation of developed countries to support the efforts of developing countries for the implementation of "a future clean and climate resilient" [20]. In this regard, the agreement reads as follows: "a financing mechanism is provided that includes the Green Climate Fund (...). International cooperation in the development of climate-safe technologies and capacity transfer in the developing world is also strengthened: a technological framework is established under the Agreement and related capacity-building activities will be strengthened through of, inter alia, improved support to developing countries that are parties to the Agreement, as well as appropriate institutional arrangements. In this regard, it is important to mention that the Bioeconomy Strategy of the European Union in 2018 updated its objectives for the development of a sustainable bioeconomy in Europe, so that the measures adopted are in accordance with the UN SDGs and the objectives climate of the Paris Agreement.

On the other hand, of special importance it also refers to the growing prominence that the bioeconomy agenda has acquired in the frameworks of political coordination at a global level, particularly in the G20, which is the group that brings together the 20 most important economies in the world, constituting itself as a key forum for economic and political cooperation at a global level. As Chavarría et al. stress, there should be

a concerted effort to disseminate existing information and promote a shared understanding, both of the risks as well as of the objectives and strategies, in order to make effective the potential of the bioeconomy to present solutions to the prospective challenges, both economic and social [7]. In this framework, given the growing need for convergence among decision makers, “the G20 should formulate common methods for the development of effective and credible indicators in order to support decision-making processes at the domestic level, to ensure that the actions proposed in the Group are translated into concrete actions at the local level” [7].

Furthermore, the authors warns that in the last decade sufficient information has been developed to know which practices to promote and which to discard, to ensure safety and sustainability in the approach to production processes linked to the bioeconomy. In this framework, they ensure that these experiences can serve as a platform of great value for the promotion of sustainable processes that tend to an effective social transformation through the consolidation of the bioeconomic paradigm [7].

A brief review of the bioeconomic strategies in Russia: a possible scenario of cooperation with the EU?

Although the Russian Federation is not among the major competitors in the field of biotechnological development, partly because the technological development of the country is primarily linked to the defense industry, the Russian Government proposed in 2012 the BIO 2020 plan, which was the first strategic document for the development of the bioeconomic industry in the country [4]. It involved the areas of biopharmaceuticals, biomedicine, agriculture, food, forests, environment, marine biotechnology and bioenergy. As Boyarov, Osmakova and Popov establish, the program had a declarative character and it was very difficult to implement support measures for these industries for the period in which the program was framed. However, “some of the measures could be considered successful. It was the first time the Government and industry-specific ministries paid attention to issues related to bioeconomy core formation in Russia” [4, page 36]. Said program was created in parallel to the incentive programs for biotechnology in the economies with the highest level of global development. In this sense, there is the National Bioeconomy Blueprint program of the United States (2012), and the Bioeconomy Strategy in the European Union (2012).

Additionally, it is important to mention the Strategy for Science and Technology Development (SSTD), adopted by the Russian Federation in 2016. In resonance with the SDGs of the 2030 Agenda, this strategy is based on the study of the challenges (both internal and external) that pose risks to Russia’s society, economy and public administration, while foreseeing various opportunities for the country’s scientific and technological development. Among the most important challenges are: the “limited opportunities for economic growth based on extensive exploitation of raw materials, against the background of the formation of a digital economy and the emergence of a group of leading countries with new production technologies and a focus on renewable resources”; and “the requirements to guarantee the food security and food independence of Russia, ensure competitiveness of domestic products on world food markets, and reduce technological risks in the agro-industrial complex” [4, p. 38].

Moreover, the update of the plan carried out in 2021 is underway, in order to strengthen the State Coordination Program for the Development of Biotechnology in the Russian Federation until 2030 (BIO 2030). According to Boyarov, Osmakova and Popov, “this document is expected to set State priorities for developing the bioeconomy, will be equipped with necessary instruments and measures, and will enable specific mechanisms to support priority sector development” [4, page 36]. In this framework, given the growing importance placed by Moscow on the development of biotechnology, in view of the development

challenges that the country faces in line with the SDGs: what are the perspectives regarding the relationship with the European Union in the current bilateral situation? could the bioeconomy and sustainable development be cooperation scenarios that transcend the current geopolitical frictions?

As far as the cooperation processes between Russia and the European Union in this matter are concerned, it is firstly important to mention the Partnership and Cooperation Agreement (PCA), which was established in 1994, implemented in 1997, and further developed at the Saint Petersburg Summit of 2003. On this occasion, both parties agreed to create specific road maps for the implementation of the PCA. According to Pashentsev and Vlaeminck, despite the consolidation of positive progress in bilateral cooperation observed in the early years, "it did not take long before the relationship became soured and high expectations were swiftly replaced by an overall feeling of disappointment" [21, p. 11].

Naturally, the crisis over Ukraine has increased the conflicting narratives between both parties, and the intensification of mutual sanctions has generated serious challenges for the configuration of cooperation frameworks that go beyond defense and national security issues. It is important to note that the worsening of this crisis is linked to the structural changes of an international system in a process of transition, in friction between globalist tendencies linked to a declining international liberal order and the configuration of an emerging multipolarism. In this sense, the passage from a North American hegemonic unipolarism to a transition period in which the emerging powers grouped in the BRICS are having greater relative power in the structure of the system, generates uncertainties and opportunities in inter-regional borders [3].

Additionally, the rapid transformations in terms of technological development and the geostrategic struggle between the great centers of international power, in particular China and the United States, pose the appearance of new challenges, as well as opportunities for the relationship between the different regional configurations. As an example, among the challenges regarding the future of labor, it is eloquent to point out what was established by the World Bank in 2016, which warns that around 30% of jobs will disappear in the next three decades as a consequence of robotization in production processes [29]. That is one of the issues in which it is increasingly necessary to create new contact channels that would update the bilateral agenda within the framework of contemporary global challenges, in order to preserve the quality of life of citizens between both parties.

In this framework, the non-resolution of the conflict in Ukraine and the consequent geopolitical frictions, typical of the Cold War era, intensify the stagnation in the relationship between the EU and Russia, at a time when new opportunities are seen for technical and scientific cooperation with a view to the objectives of sustainable development. As Pashentsev points out, for a progressive development of relations between the European Union and Russia to arise, "it is necessary to avoid the policy of dictating and imposing decisions and to abandon the "demonisation" of the dialogue partner. We need compromises and the search for ways to combine our interests. Strategic communication is the synchronization of deeds, words and images in public policy on the most important and long-term issues" [21, p. 41].

Perspectives

Throughout this work, the focus was placed on the incidence of the bioeconomic agenda within the ongoing technological and scientific revolution and its link with inter-regional relations, within the framework of an international system in transition. In this sense, the theory of structural power is proposed as an analytical tool to observe the

power relations that emerge in relation with the development cooperation processes and the consequent configuration of new governance articulations related to sustainable development. This is of particular importance today, due to the structural transition that the international system is undergoing, from a US unipolarity in decline and a multipolarity on the rise, in times of the geopolitical struggle between the US and China. In this context, the case of the bioeconomy in the framework of relations between Russia and the European Union was given as an example, as a possible field of bilateral cooperation that transcends an agenda dominated by security issues.

Moreover, considering Strange's postulates regarding the analysis of structural power, a growing preponderance of the European Union stands out regarding its ability to influence the multilateral political agenda through the promotion of the bioeconomy, as a model of sustainable productive transition to face the global challenges related to climate change. This is particularly the case in the field of global governance for development cooperation. As Ferguson establishes, there is a growing importance of the exercise of indirect institutional power, in reference to what Krassner established about metapower, in terms of the ability to change the rules of the game. In this framework, both through the OECD and the FAO, the capacity of the European Union to influence the configuration of the rules of the game around the "good practices" related to the bioeconomic paradigm is observed, influencing the regulatory frameworks institutions for the purpose of promoting sustainable development models.

Regarding the Russian Federation, the importance given by the Government to the development of industries linked to the bioeconomy in the BIO 2020 plan and its reformulation towards 2030 is highlighted, where it is worth mentioning the development of the biopharmaceutical industry and bioenergy, among others. It is also important to mention the Strategy for Science and Technology Development, which was adopted by the Russian government in 2016. Although the country is not among the most important global competitors in the field of bioeconomy, the vast natural resources, the high technological development in other industries, the diplomatic power and its leading role in the Eurasian Economic Union, gives it an important relational power in its connection with other regional configurations. In this sense, within the framework of a relationship based on strong geostrategic frictions, the development of the bioeconomy emerges as a possible scenario of negotiation and dialogue for the renewal of a bilateral agenda in the face of future challenges regarding sustainable development. Considering the global leadership of the European Union and the consequent structural power it poses on this regard, one of the challenges is to acknowledge the development interests of both parties in future negotiations. That would create possibilities to boost confidence in the sharing of scientific and technological information, and also to forge mutually beneficial inter-dependencies.

Therefore, in these transitional times, not only in terms of the technological revolution and its production models, but also in the power configuration of the international system structure, in which a more multipolar world seems to be establishing, it would be of utter importance to inquire into how are the norms and regulations of the Governance processes going to be established, in relation with the transition towards Bioeconomy. In this context, returning to Strange's question related to who benefits from the structural changes, it is important to acknowledge the importance of State actors in forging symmetric interactions and mutually beneficial Governance framework's outcomes. Moreover, taking into account the structural conditions of Russia and its role as a natural leader of the Eurasian Economic Union, further research should be done regarding the perspectives of Russia in the promotion of its geoeconomic and geopolitical interests in its near abroad, in times of transitions regarding the productive innovation and digital incorporation towards a greener economy. In this sense, the norms and regulations convergence between regional configurations may create

new scenarios of cooperation, not only with its near abroad, but also with its western counterparts.

References / Литература

1. Adamowicz M. Bioeconomy — Concept, Application and Perspectives // *Problems of Agricultural Economics*. 2017. N 1 (350). P. 29–49.
2. Barbé E. *Relaciones Internacionales*. Madrid : Tecnos, 1995.
3. Bizzozero L. *Aproximación a las Relaciones Internacionales, Una Mirada desde el siglo XXI* / ed. Cruz del Sur, 2015.
4. Boyarov A., Osmakova A., Popov V. Bioeconomy in Russia: Today and tomorrow // *New Biotechnology*. 2021. N 60. 25 January. Elsevier. P. 36–43.
5. Carrau N. “Las recetas de las nuevas agendas comerciales y sus impactos. No hay lugar para la justicia ambiental en la agenda del capital transnacional” // REDES-AT, ATI. 2020.
6. Ceddia M. G. et al. Sustainable agricultural intensification or Jevons paradox? The role of public governance in tropical South America // *Global Environmental Change*. October 2013. Vol. 23. Is. 5. Elsevier. P. 1052–1063.
7. Chavarria H. et al. Policy Brief. Bioeconomy: a sustainable development strategy // Task Force 10. Sustainable Energy, Water, and Food Systems Saudi Arabia Think. 2020.
8. Clapp J., Murphi S. “The G20 and Food Security: A Mismatch in Global Governance?” // *Global Policy*. 2013. N 4 (2). P. 129–138. DOI: 10.1111/1758-5899.12039.
9. Cohen Money, power, authority / Germain R. (comp.) Susan Strange and the Future of Global Political Economy // *Power, control and transformation*. Routledge, 2016.
10. Drago M. *Financierización de la Naturaleza: nuevas fuentes de reproducción del capital* // REDES-AT, 2015.
11. El-Chichakli B., von Braun J., Lang C., Barben D., Philip J. Five cornerstones of a global bioeconomy // *Nature*. 2016. N 535. P. 221–223.
12. Fanjul E. Las cadenas globales de valor en la nueva globalización // Real Instituto Elcano. España. 2021 [Electronic source]. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/las-cadenas-globales-de-valor-en-la-nueva-globalizacion/> (accessed: 21.12.2021).
13. Gehring T., Faude B. The Dynamics of Regime Complexes, Microfoundations and Systemic Effects // *Global Governance. A Review of Multilateralism and International Organizations*. Special Focus “Regime Complexity”. 2013. Vol. 19. N 1. P. 119–130.
14. Giggs D. et al.. Sustainable development goals for people and planet // *Nature*. 2013. N 495. P. 305–307.
15. Harvey D. *Breve historia del Neoliberalismo*. AKAL, 2007.
16. Kreimerman R. Los nuevos contornos de las cadenas de valor globales y regionales / Caetano G. (coord) // *América Latina ante los nuevos desafíos de la globalización*. Montevideo : Planeta, 2017.
17. Mingst K. *Fundamentos de las Relaciones Internacionales*. CIDE, 2009.
18. *The Bioeconomy to 2030: Designing a Policy Agenda* // Main Findings. Paris : OECD, 2009.
19. Paolino C. El Mercosur en las cadenas globales de valor agropecuarias / agroindustriales / Caetano G. (coord) // *América Latina ante los nuevos desafíos de la globalización*. Montevideo: Planeta, 2017.
20. *Paris Agreement* // United Nations, 2015 [Electronic source]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/spanish_paris_agreement.pdf (accessed: 21.12.2021).
21. Pashentsev E., Vlaeminck E. Introduction // *Strategic Communication in EU — Russia Relations: Tensions, Challenges and Opportunities*. ICSPSC. M., 2018. P. 10–21.
22. Pashentsev E. Strategic Communication in Russia — EU Relations under Global Shifts // *Strategic Communication in EU — Russia Relations: Tensions, Challenges and Opportunities*. ICSPSC. M., 2018. P. 23–97.
23. Paulo S. International Cooperation and Development: A Conceptual Overview // *German Development Institute — Deutsches Institut für Entwicklungs politik*. Discussion Paper N 13. 2014 [Electronic source]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2430206> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2430206> (accessed: 21.12.2021).
24. Pittaluga L. Oportunidades y desafíos para la transformación productiva de Uruguay: “El caso de la Bioeconomía”. Consultoría // Banco Interamericano de Desarrollo. Montevideo, 2018.
25. Strange S. *States and Markets — An Introduction to International Political Economy*. Londres : Pinter Publishers, 1988.

26. Strange S. The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge : Cambridge University Press, 1996
27. Von Braun J. Bioeconomy — Science and Technology Policy to Harmonize Biologization of Economies with Food Security. In The Fight against Hunger and Malnutrition / ed. Sahn D. London : Oxford University Press, 2015. P. 240–262.
28. Volgy T., Imwalle E. The Faces of Hegemonic Strength: Structural versus Relational Capabilities. 2000. En International Interactions 26. N 3. P. 229–251.
29. Digital Dividends. Overview. Washington : International Bank for Reconstruction and Development. World Bank, 2016.

About the author:

Santiago Caetano, M. A. in International Relations (FLACSO — Argentina). Journalist of international politics and producer of GPS International. Sputnik News and M24, Uruguay; sanfrank.89@gmail.com

Об авторе:

Сантьяго Каэтано, магистр международных отношений (FLACSO, Аргентина). Журналист международной политики и продюсер радиопрограммы "GPS International", SputnikNews и радио M24 Уругвая.

Стратегический анализ международного опыта финансирования малых инновационных предприятий

Гаврилина Д. Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; dariagavrilina23@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируется международный опыт финансирования малых инновационных предприятий. Анализ внутренней среды инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий был проведен в Китае, Израиле, странах Европы и США. Исследование затронуло целый ряд инструментов, осуществляющих финансирование инновационных предприятий, таких как государственная финансовая поддержка, венчурная отрасль, рынок альтернативных инвестиций (различные виды краудфандинга). На основании проведенного стратегического анализа были выявлены сильные и слабые стороны инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в анализируемых странах. Проведенное исследование международного опыта позволит в дальнейшем более комплексно подойти к разработке стратегических приоритетов развития инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в России на национальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: стратегирование, сканирование внутренней среды, малые инновационные предприятия, инфраструктура финансирования, венчурная отрасль, краудфандинг, международный опыт

Для цитирования: Гаврилина Д. Н. Стратегический анализ международного опыта финансирования малых инновационных предприятий // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 67–81.

International Experience Strategic Analysis of Financing Small Innovative Enterprises

Daria N. Gavrilina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; dariagavrilina23@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the international experience of financing small innovative enterprises. The internal environment analysis of the small innovative enterprises financing infrastructure was carried out in China, Israel, European countries and the USA. The study touched upon a number of instruments that finance innovative enterprises, such as state financial support, the venture industry, the alternative investment market (various types of crowdfunding). Based on the conducted strategic analysis, the strengths and weaknesses of the small innovative enterprises financing infrastructure in the analyzed countries were identified. The conducted study of international experience will allow in the future to more comprehensively approach the strategic priorities development of the small innovative enterprises financing infrastructure in Russia at the national and regional levels.

Keywords: strategizing, the internal environment scanning, small innovative enterprises, financing infrastructure, venture industry, crowdfunding, international experience

For citing: Gavrilina D. N. International experience strategic analysis of financing small innovative enterprises // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 67–81.

Введение

Рисковый капитал, финансирующий стартапы, может принести пользу местной экономике в виде роста компании, конкурентоспособности и создания рабочих мест¹. В отчете Национальной Ассоциации Венчурного капитала США (NVCA) за 2020 г. было приведено исследование о влиянии малых инновационных предприятий на экономику, которое показало, что на быстрорастущие стартапы приходится до 50% создаваемых валовых рабочих мест и в среднем 2,9 млн чистых рабочих мест, создаваемых ежегодно в период с 1980 по 2010 г.² [17].

Согласно результатам исследования, одной из основных точек роста инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий является осуществление регулярного мониторинга и внедрение лучших зарубежных практик по стимулированию инноваций в высокотехнологичных секторах экономики [19; 20]. В связи с этим анализ зарубежного опыта в области финансирования малых инновационных предприятий является необходимым этапом при разработке стратегических приоритетов инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий. При этом важно уделить основное внимание сканированию и анализу внутренней среды зарубежного опыта с целью выявления сильных и слабых сторон объекта стратегирования [4].

Опыт Китая

На начальном этапе стратегическим приоритетом Китая по формированию инновационной экономики был импорт инновационных технологий и привлечение иностранных инвесторов. Процесс заимствования инновационных технологий жестко регулировался со стороны государства. В отличие, например, от США, в Китае были выделены приоритетные отрасли по наращиванию инновационного потенциала, такие как ИКТ, биотехнологии, робототехника, инновационные технологии в области энергетики.

В начале XXI в. Китай перешел от стратегии импорта технологий к стратегии создания собственных инноваций. Приоритетами стратегических документов (XI пятилетка и План-2020) стали сокращение импорта технологий, развитие трансфера собственных инновационных технологий, увеличение фундаментальных исследований и создание инновационных центров мирового класса. Ввиду отсутствия инициативы от государственных крупных компаний в области инновационного развития руководство Китая стало активно развивать и поддерживать малое и среднее предпринимательство, более подверженное внедрению инновационных технологий. «Правительство КНР утвердило Положение об обязательном использовании части прибыли (освобожденной от налога) на создание и внедрение новых продуктов, что в прямом смысле подтверждает политику «принуждения» к инновациям» [15]. Финансирование инновационной деятельностью в Китае осуществляется по средствам государственной и частной инфраструктуры, образуя централизованную систему. «В современной жизни политика невмешательства больше не может обеспечить достижения высоких экономических показателей, сейчас необходима высокая активность, которая может стимулироваться определенными институциональными мерами. Например, она может обеспечиваться институтами, защищающими права собственности, финансовыми институтами, которые содействуют получению доступа к капиталу и публичным фондовым биржам, организациями, которые устраняют экономические барьеры и бюро-

¹ NVCA 2020 Yearbook. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://nvca.org/wp-content/uploads/2020/03/NVCA-2020-Yearbook.pdf> (дата обращения: 17.01.2022).

² Kauffman Foundation. The Economic Impact of High-Growth Startups. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kauffman.org/-/media/kauffman_org/resources/2016/entrepreneurship-policy-digest/pd_highgrowth060716.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

кратические проволоочки, корпоративным правом и экономической политикой, способствующей внедрению инноваций» [5].

Правительство Китая активно поддерживает создание дочерних организаций при академиях наук, научно-исследовательских организациях и университетах, которые предоставляют знания, опыт и исследования, а дочерние компании осуществляют коммерциализацию инновационных продуктов. Примером является предприятие «Lenovo», сформированное при Академии наук Китая. Благодаря использованию и масштабированию модели тройной спирали, подразумевающей объединение государства, бизнеса и науки, большое количество корпораций совместно с Китайской академией наук и университетами основали общие научно-исследовательские центры, лаборатории и кластеры.

После принятия стратегической программы «Массовое предпринимательство, универсальные инновации» увеличилась финансовая поддержка инновационного предпринимательства за счет рыночных механизмов. Увеличение финансирования на ранних стадиях развития малых инновационных предприятий было достигнуто благодаря инициативам правительства Китая, отразившихся в стратегиях государственных инвестиционных фондов и частных венчурных фондов.

В Китае усиливается приток венчурных инвестиций со стороны бизнес-ангелов, что обусловлено ростом состоятельных людей в стране. В 2021 г. Китай занимал 4-е место по числу долларовых миллионеров¹. А также происходит снижение доходности классических активов, входящих в инвестиционные портфели, что делает рискованные инвестиции более привлекательными, в том числе финансирование малых инновационных предприятий, чья детальность сопряжена с большим риском. В Китае наблюдается стратегическая тенденция объединения бизнес-ангелов в группы с целью диверсификации рисков инвестирования.

Особенно прослеживается взаимовыгодное сотрудничество малых инновационных предприятий и научно-исследовательских центров в зонах высоких технологий (ЗВТ), которые являются наглядным примером внедрения модели тройной спирали. Малые и средние инновационные предприятия в основном создаются в этих зонах, что свидетельствует о том, что зоны высоких технологий играют большую роль в развитии инновационного предпринимательства и повышении уровня коммерциализации научно-исследовательских разработок. Финансовое стимулирование данных площа-

Таблица 1

Сильные и слабые стороны инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в Китае

Table 1. Strengths and weaknesses of China's small innovative enterprise financing infrastructure

Сильные стороны	Слабые стороны
Разработка и постепенная реализация стратегических документов («Штурмовой план», Программа 863, Программа развития фундаментальных исследований (Программа 973), «Искра», «Факел», Государственный план приоритетного внедрения научно-технических достижений и Научно-техническая программа социального развития)	Венчурные финансовые ресурсы контролируются Национальным банком Китая. Только крупные компании могут себе позволить учредить корпоративный венчурный фонд, что способствует замедлению привлечения частного венчурного капитала

¹ World Wealth Report 2021.[Электронный ресурс]. URL: <https://worldwealthreport.com/resources/world-wealth-report-2021/> (дата обращения: 15.01.2022).

Сильные стороны	Слабые стороны
Создание ЗВТ	Недостаточный объем кредитования
Использование модели тройной спирали на практике	Система поручительства недостаточно удовлетворяет спрос
Обширное взаимодействие науки и бизнеса	Высокие ставки по кредитам
Создание государственных инвестиционных фондов (ГИФ)	Нехватка финансирования для малых инновационных предприятий
Содействие государства в развитии частного венчурного финансирования	Зачастую на ранних стадиях используются собственные средства
Государственное финансирование в виде грантов, субсидий, налоговых преференций и т. д.	Частные инвесторы не до конца заинтересованы в национальных инновационных технологиях
Стимулирование частных венчурных фондов и ГИФ в финансировании МИП на ранних стадиях развития	Регионы сильно дифференцированы по уровню развития инфраструктуры финансирования МИП
Рост богатых людей и доли бизнес-ангелов	—
Положение об обязательном использовании части прибыли (освобожденной от налога) на создание инноваций	—

Источник: составлено автором.

док осуществляется за счет государственной поддержки, налоговых льгот, кредитов с более низкими процентными ставками и т. д. Таким образом, на основании стратегического анализа опыта Китая в области финансирования малых инновационных предприятий можно выделить сильные и слабые стороны рынка данного капитала (табл. 1).

Опыт Израиля

Рассмотрение опыта Израиля в области финансирования малых инновационных предприятий является необходимым, так как Израилю удалось достигнуть высоких темпов развития инновационной деятельности и стать страной известной по уровню создания малых инновационных предприятий и их экспорту. Израиль занимает высокие позиции во многих мировых рейтингах по уровню инновационной и предпринимательской активности («Global Innovative Index 2020» 15-е место; «Global Competitiveness Index 2019» 20-е место). В Израиле самое большое число малых инновационных предприятий на душу населения — 1 стартап на 1400 человек, поэтому страна считается второй Силиконовой долиной¹.

Одним из факторов успешной инновационной и предпринимательской деятельности являются национальные ценности, сформировавшие менталитет населения Израиля. Исследования, проведенные в различных странах, подтверждают наличие тесной корреляции между приверженностью к иерархической власти и потенциалом нововведений [2; 12; 14]. Было выявлено, что, чем выше в стране значимость иерар-

¹ WIPO Global Innovation Index Report. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2020/ (дата обращения: 25.12.2021).

хии, тем ниже инновационный потенциал [11]. Сформированные ценности населения Израиля заключаются в полном отсутствии стремления к формализму и желания преклоняться перед авторитетами, тем самым в обладание большей степени внутренней свободой, что наилучшим образом способствует развитию инновационного потенциала. А также нехватка достаточного количества природных ресурсов явилась причиной формирования вектора масштабного развития научно-технического потенциала. Важно отметить, что данный опыт может быть использован в российских регионах, которые не обладают достаточным количеством природных ресурсов.

Согласно исследованию, 60% участников обследования из Израиля отметили доступность финансирования для малых инновационных предприятий как сильную сторону инновационной системы в Израиле (Тель-Авив занял 2-е место среди обследуемых городов)¹. Основой появления и развития эффективной инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в Израиле послужила реализация национальной стратегии, согласно которой осуществляется разнаправленная поддержка научных исследований и разработок. Правительство Израиля не принуждает рынок к развитию тех или иных направлений инновационного развития, а лишь указывает интересующие их области по средствам создания различных программ и финансирования. «В целом израильскую государственную политику в области инноваций можно охарактеризовать как идеальную горизонтальную нейтральную технологическую политику»². Государственная поддержка осуществляется через создание ведомств главного ученого (ВГУ) при различных министерствах, отвечающих за развитие научно-технической деятельности. Знания и компетенции главных ученых позволяют выявлять наиболее прибыльные и перспективные инновационные проекты. В данных ведомствах границы между бюрократией и бизнесом зачастую условны³, поскольку главными учеными и чиновниками ведомств становятся люди, которые имеют большой опыт в бизнесе. Такая система позволяет сократить разрыв между интересами и потребностями государства и бизнеса и повысить конкурентоспособность инновационной экономики Израиля на глобальном рыночном пространстве.

Таким образом, «роль государства в экономике инноваций должна выглядеть следующим образом: оно должно действовать как гибкий стимулирующий агент, а не «командующий парадом» [16]. «Государство должно сконцентрироваться на создании широкого спектра технологических возможностей, стимулировании частных агентов к работе в технологически интенсивных сферах, сотрудничеству друг с другом и с государством» [9].

Согласно рейтингу Global Competitiveness Index, в 2019 г. Израиль занял второе место по показателю доступности венчурного капитала⁴. Инициатива по формированию рынка венчурного капитала принадлежала государству на базе таких стратегических программ, как «Inbal» (1992 г.), «Yozma» (1993 г.) и другие. Важно отметить, что именно государственная «программа “Yozma”» стала классическим примером успешного и эффективного воздействия государства на экономическую экосистему страны» [10], которая предполагала создание фонда фондов с последующей приватизацией. Обязательные условия программы позволили нарастить объемы венчурного капитала, увеличить количество венчурных фондов и привлечь опытных

¹ Анализ 19 стартап-хабов в Европе. PWC. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/publications/assets/pwc-european-start-up-survey-rus.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

² Breznitz D. Innovation and the State. Political Choice and Strategies for Growth in Israel, Taiwan, and Ireland. Yale University Press. 2007.

³ Breznitz D. Innovation and the State. Political Choice and Strategies for Growth in Israel, Taiwan, and Ireland.

⁴ The Global Competitiveness Report 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 23.02.2022).

иностранных инвесторов, что также способствовало повышению уровня доверия к венчурной индустрии Израиля и получению бесценного опыта зарубежных коллег. Таким образом, основным результатом деятельности программы «Yozma» стало формирование системы венчурного инвестирования как основного источника развития сектора высоких технологий страны [10].

Согласно выводам Государственной комиссии по научно-техническому развитию «наилучшей формой стимулирования экономики было признано создание научных парков и технологических бизнес-инкубаторов» [13], а также «развитие сети бизнес-инкубаторов и технопарков является базовым элементом стратегии формирования оптимальной инновационной инфраструктуры Израиля» [1]. На начальном этапе создания бизнес-инкубаторов финансирование осуществлялось за счет государственных грантов. По истечении времени на основании полученного опыта стратегия привлечения финансовых ресурсов для финансирования малых инновационных предприятий была изменена в пользу частного инвестирования. В результате объем частных инвестиций превысил государственные в 5 раз, т.е. «технологические инкубаторы стали мощным инструментом для привлечения частного капитала в инновационную экономику» [7].

В Израиле функционирует большое количество транснациональных корпораций (ТНК), осуществляющих венчурные инвестиции в малые инновационные предприятия. «В стране насчитывается 539 таких компаний, которые инвестируют в местные проекты, покупают стартапы, проводят внутренние исследования и разработки»¹. С одной стороны, данная государственная политика способствовала ускоренному инновационному развитию и интеграции Израиля в мировой рынок технологичных предприятий, с другой — «он отстал в создании собственных ТНК, которые бы обеспечивали внутреннюю устойчивость экономики. Усиленный интерес ТНК к местным стартапам и их внушительные инвестиционные капиталы породили в стране так называемую культуру экзитов, когда предприниматели стремятся создать стартап и как можно быстрее продать его более крупной международной компании, вместо того чтобы развивать до глобального уровня» [8]. Происходит снижение конкурентоспособности экономики Израиля за счет экспорта перспективных и уникальных научных разработок, которые в будущем могли бы стать крупными корпорациями. Причиной упущенных возможностей, связанных с низким темпом развития собственных малых инновационных предприятий до уровня корпораций, является выбранная инвестиционная стратегия, направленная на финансирование инновационных компаний в основном на начальных стадиях их развития, а не на этапах расширения и роста. Важно отметить, что венчурные фонды Израиля способствуют развитию данной инвестиционной стратегии, пользуясь своим влиянием среди инновационных предпринимателей, что является стратегической угрозой для дальнейшего инновационного развития страны. Согласно исследованиям, в последнее время наблюдается положительная тенденция: объем инвестиций на ранних стадиях развития малых инновационных предприятий остается на прежнем уровне, в то время как значительно увеличиваются инвестиции в растущие и более зрелые стадии. Количество инвесторов, принимающих участие в инвестиционных раундах на ранних стадиях, в последние два года сокращается². В результате сканирования внутренней среды инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий Израиля были выделены сильные и слабые стороны (табл. 2).

¹ Mizroch A. 530 Multinationals from 35 Countries Innovating in Israel // Forbes. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/startupnationcentral/2019/05/27/530-multinationals-from-35-countries-in-innovating-in-israel/> 19d7cf483f5d (дата обращения: 12.09.2021).

² Высокие технологии во время Corona Time — отчет Управления инновациями за 2020–2021 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://innovationisrael.org.il/magazine/5701> (дата обращения: 02.02.2022).

Таблица 2

**Сильные и слабые стороны инфраструктуры финансирования
малых инновационных предприятий в Израиле**
Table 2. Strengths and weaknesses of Israel small innovative enterprise
financing infrastructure

Сильные стороны	Слабые стороны
Сформированные ценности и интересы у населения, способствующие созданию нового	Недостаточное финансирование МИП на более поздних стадиях
Желание и инициативность государства, выраженная в целенаправленных действиях	Недофинансирование некоторых отраслей, возникающее из-за желаний фондов инвестировать в большей степени в те отрасли, где появляются очень успешные предприятия
Государственные институты поддержки, осуществляющие финансирование МИП, не стремятся занять лидирующие позиции на рынке, а выполняют нейтральную функцию, поддерживая развитие МИП	Поиск венчурными фондами малых инновационных предприятий с быстрым выходом на рынок тормозит развитие более наукоемких отраслей
Главными учеными и чиновниками ведомств становятся люди, которые имеют большой опыт в бизнесе	Отток перспективных научных исследований и разработок в другие страны
Привлечение частного капитала по финансированию бизнес-инкубаторов	Большая доля финансирования МИП на ранних стадиях
Большой опыт международного сотрудничества	—
Поиск дополнительного финансирования осуществляет сам бизнес-инкубатор, а не изобретатели-предприниматели	—
Образовательная система направлена на выявление и развитие изобретательности и креативности	—
Престижность работы в научных областях	—
Создание бизнес-инкубаторов для школьников старших классов	—
Развитие центров трансфера технологий при университетах	—
Приватизация фонда фондов	—

Источник: составлено автором.

Опыт стран Европы

С 2014 г. в ЕС создаются стратегические программы, восьмая из которых «Горизонт 2020» направлена в большей степени на развитие рискованных проектов и исследований, на их финансирование за счет венчурных инвестиций, а также разработана система выдачи грантов, упрощающая их получение. Европейский инвестиционный фонд (EIF), созданный Европейской комиссией, служит посредником между государством и частным сектором в вопросах развития инфраструктуры финансирования малых иннова-

ционных предприятий. Важно отметить, что стратегия EIF направлена на равномерное распределение инвестиций, но с большим вниманием к странам менее развитым с целью выравнивания социально-экономического положения. Также EIF предлагает дочерним организациям в виде фондов возможности для страхования рисков, что особенно важно ввиду повышенной рискованности данной деятельности. Важно отметить, что государственные и частные инвесторы имеют равные основания для реализации инвестиционной деятельности. «Последнее, в свою очередь, позволяет преодолеть чрезмерную зависимость инвестирования высокорисковых проектов со стороны государственного сектора наряду с отсутствием заинтересованности частного сектора, что до недавнего времени искажало рыночное равновесие» [18].

Реализуемая программа в ЕС «Venture EU» при поддержке Европейской комиссии, Европейского инвестиционного фонда (EIF), Рамочной программы «Горизонт 2020», Европейской программы поддержки малых и средних предприятий (COSME) и Европейского фонда стратегических инвестиций (EFSI) направлена на повышение инвестиционных возможностей для малых инновационных предприятий. Программа «Venture EU» осуществляет привлечение инвестиций также со стороны частных инвесторов.

Таким образом, стратегическая возможность соинвестирования, используемая в ЕС, позволяет увеличить предложение финансовых ресурсов для финансирования малых инновационных предприятий и снизить уровень риска, сопряженного с высокорисковой деятельностью данных компаний [21].

Созданная в ЕС разветвленная Европейская ассоциация бизнес-ангелов (EBAN) включает в себя бизнес-ангелов, венчурные фонды ранних стадий финансирования, акселераторы, различные виды краудфандинга, являясь одним из крупных посредников частного капитала для развития малых инновационных предприятий. Широкое распространение краудфандинга, как альтернативного источника получения инвестиций малыми инновационными предприятиями, обусловило необходимость законодательного регулирования и создания проекта «Регламента о регулировании деятельности поставщиков краудфандинговых услуг для предпринимательских целей»¹. Распространенным видом европейского рынка краудфандинга является краудлендинг (табл. 3), разновидность краудфандинга, при которой вкладчики в качестве вознаграждения получают процент от вложенной суммы в течение определенного времени, а сам вклад возвращается к ним по истечении установленного срока². Данный вид финансирования больше подходит для малых инновационных предприятий, находящихся на более поздних этапах развития и имеющих уже стабильный денежный поток.

Согласно анализу факторов, входящих в индекс привлекательности венчурной экосистемы и рынка прямых инвестиций (VCPE Index), в странах Европы сформирована эффективная система налогообложения для развития инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий (табл. 4). Показатели защиты инвесторов и уровень развития корпоративного законодательства находятся также на высоком уровне, в то время как факторы социокультурной среды занимают более низкие значения относительно остальных блоков. Такие страны, как Великобритания, Германия, Франция, Швеция и Нидерланды занимают лидирующие позиции в рейтинге, что также подтверждает анализ стран Европы в 2020–2021 гг. с точки зрения перспективности стран для венчурных инвестиций (табл. 5).

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Crowdfunding Service Providers (ECSP) for Business // Brussels, 8.3.2018. COM (2018) 113 final [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52018PC0113> (дата обращения: 14.02.2022).

² Новые инструменты привлечения финансирования для развития технологических компаний: практика использования и перспективы развития в России. Аналитический доклад [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/219492205.pdf> (дата обращения: 08.08.2021).

Таблица 3

**Объем привлеченных инвестиций через различные виды краудфандинга
в некоторых странах Европы в 2020 г., млн евро**

Table 3. The volume of investments attracted through various types of crowdfunding
in some European countries in 2020, million euros

Страна	Краудфандинг	Краудинвестинг	Краудлендинг	Краудфандинг в сфере недвижимости	Общий объем
Франция	218,5	59,2	741,9	505,0	1524,6
Германия	50	93,8	0,8 ¹	313,6	458,2
Италия	101,8	122,5	179,5	48,7	452,5
Нидерланды	35,4	7,6	373,8	—	416,8 ²
Норвегия	24,1	17,4	12,8	32,2	86,5

Примечание: ¹ Приблизительная оценка рынка. ² Приблизительная оценка, так как нет данных по рынку краудфандинга в сфере недвижимости.

Источник: Current State of Crowdfunding in Europe. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.crowdfundinghub.eu/wp-content/uploads/2021/09/CrowdfundingHub-Current-State-of-Crowdfunding-in-Europe-2021.pdf> (дата обращения: 28.12.2021).

Таблица 4

**Факторы привлекательности венчурной экосистемы и рынка прямых инвестиций,
входящих VCPE Index 2021, для некоторых стран Европы**

Table 4. Attractiveness factors of the venture capital ecosystem and the private equity market
included in the VCPE Index 2021 for some European countries

Страна	Экономическая активность	Развитие рынка капитала	Налогообложение	Защита инвесторов и корпоративное законодательство	Социокультурная среда	Предпринимательская и инновационная среда, возможности для развития
Великобритания	91,1	91,1	110,4	99,5	72,8	91,5
Германия	92,2	85,3	102,5	87,9	74	92,7
Франция	87,5	82,3	103,5	87,8	69	86,7
Нидерланды	86,6	78,5	109,9	86,1	62,5	88,8
Швеция	81,3	79	115,5	96,3	53,2	90
Дания	81,6	74	112,1	102,1	58,9	87,6
Швейцария	84,3	79,7	102,7	72,7	65	86,6
Финляндия	77,8	74,5	114,1	100,7	52,7	87,3
Испания	80,3	80,7	106,3	83,5	52,9	75,5

Источник: составлено автором по данным Groh A., Liechtenstein H., Lieser K., Biesinger M. The Venture Capital & Private Equity Country Attractiveness Index 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.iese.edu/vcpeindex/ranking/> (дата обращения: 28.12.2021).

Таким образом, можно выделить сильные и слабые стороны развития инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в странах Европы (табл. 6).

На основе проведенного стратегического анализа внутренней среды инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в странах Европы были

**Наиболее перспективные страны Европы для венчурных инвестиций
в 2020–2021 гг. (числовые значения приведены за 2021 г.)**

Table 5. The most promising European countries for venture investments in 2020–2021
(numbers are for 2021)

	2020	2021		2020	2021
Германия	48%	50%	Португалия	6%	7%
Великобритания	35%	38%	Эстония	8%	7%
Франция	27%	27%	Италия	6%	6%
Нидерланды	13%	16%	Румыния	5%	6%
Испания	13%	14%	Дания	6%	6%
Швеция	14%	14%	Турция	2%	3%
Швейцария	11%	13%	Норвегия	3%	3%
Польша	10%	8%	Чехия	2%	3%
Бельгия	7%	8%	Ирландия	3%	3%
Финляндия	9%	7%			

Источник: Botsari A., Kiefer K., Lang A., Legnani D. EIF Venture Capital Survey 2021: Market sentiment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investeurope.eu/media/4326/venture-capital-survey-2021-market-sentiment.pdf> (дата обращения: 13.01.2022).

Таблица 6

**Сильные и слабые стороны инфраструктуры финансирования малых
инновационных предприятий в странах Европы**

Table 6. Strengths and weaknesses of the small innovative enterprises financing
infrastructure in European countries

Сильные стороны	Слабые стороны
Многолетний опыт развития инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий и предпринимательской культуры	Недостаточный уровень квалификации среди специалистов по осуществлению венчурных инвестиций
Высокий уровень развития и деловой репутации финансовых рынков	Зависимость от иностранных инвесторов
Высокий уровень государственной поддержки и вовлеченности в развитие инноваций	Неравномерное распределение инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий среди стран Европы
Эффективная нормативно-правовая база	Высокие требования к капиталу
Эффективная система налогообложения	Нехватка финансирования в малые инновационные предприятия
Упрощение процедур получения финансирования	—
Сформированные ценности, способствующие создавать и изобретать новое	—
Разветвленная ассоциация бизнес-ангелов	—
Высокий уровень развития альтернативных источников инвестиций	—

Источник: составлено автором.

выделены стратегические факторы, развитие которых создает стратегические возможности для формирования эффективной инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий, увеличивая предложение данного рынка капитала. Рост объемов инвестиций, в свою очередь, способствует увеличению рынка технологических компаний, которые в дальнейшем еще больше усиливают развитие выявленных стратегических факторов (рисунок).

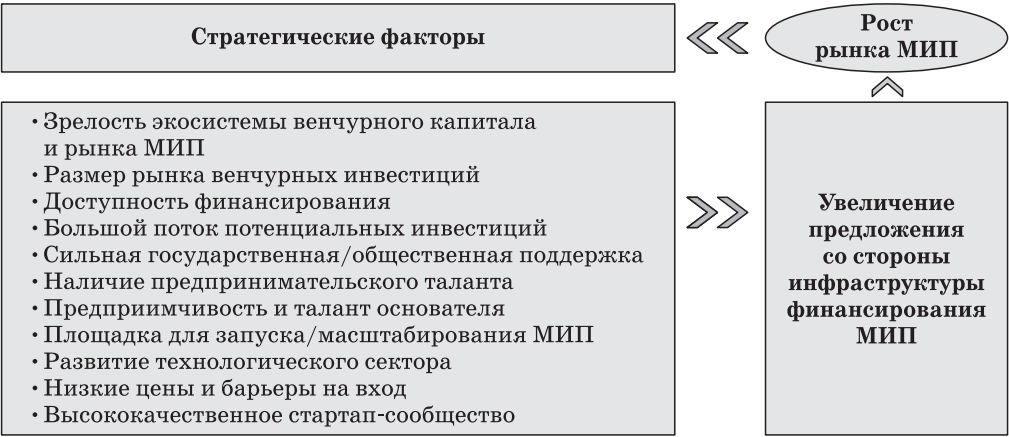

Рис. Стратегические факторы, влияющие на развитие инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий
Fig. Strategic factors influencing the development of small innovative enterprises financing infrastructure

Источник: составлено автором.

Опыт США

Основным источником финансирования малых инновационных предприятий в США является венчурный капитал (данные 2020 Global Startup Outlook. Key insights from the Silicon Valley Bank).

США (2020)

Венчурный капитал	42%
Собственный капитал, друзья и семья	16%
Корпоративный венчурный инвестор	11%
Бизнес-ангелы	7%
Фонды прямых инвестиций	7%
Семейный офис	5%
Другое (акселераторы/инкубаторы, гранты, банковский кредит, краудфандинг, ICO, IPO)	12%

США являются страной зарождения венчурной отрасли и лидером по объему венчурного рынка. Согласно исследованию, из 1339 американских компаний, которые с 1974 по 2015 г. стали публичными, 556 (или 42%) имеют венчурное финансирование, а 556 компаний представляют 63% рыночной капитализации и 85% общего объема исследований и разработок¹.

¹ Gornall W., Strebulaev I. A. The Economic Impact of Venture Capital: Evidence from Public Companies. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2681841> (дата обращения: 14.12.2021).

Государственная поддержка венчурной отрасли в США реализуется на федеральном и региональном уровнях за счет масштабных программ через субсидирование венчурного капитала. Программы можно разделить на два вида: государство финансирует создание венчурных фондов или инвестирует непосредственно в компанию. Стратегия создания фонда фондов из средств национального и местного бюджета наиболее распространена на региональном уровне, так как региональные исполнительные власти не разработали эффективную стратегию осуществления венчурных инвестиций в конкретные инновационные предприятия. На примере реализованной государственной программы стратегического характера State Small Business Credit Initiative (SSBCI), в рамках которой были созданы подпрограммы на региональном уровне в области развития венчурного рынка, можно сделать следующие выводы [3]:

- при реализации подобного рода программ важно оставлять в резерве часть капитала, чтобы иметь возможность осуществлять финансирование на последующих этапах развития ранее поддержанных малых инновационных предприятий;
- основополагающим фактором успеха данных программ являются высокие компетенции и уровень профессионализма руководящего персонала фонда, наличие опыта и связей в данной области;
- создание фондов в рамках программы является стратегической возможностью для привлечения частного капитала в регион;
- достижение финансовых результатов программы зависит от размера фонда;
- важно создавать венчурные фонды в регионах, где они отсутствуют или имеются в недостаточном количестве, инвестирование которых должно быть направлено на все стадии развития малых инновационных предприятий;
- долгосрочное видение при разработке программы касательно преемственности руководящих позиций;
- при разработке программы необходимо учитывать согласованность ценностей и интересов органов региональной власти, руководителей созданных фондов и частных инвесторов.

В отличие от других стран в США не предусмотрены льготы по федеральному налогообложению для рынка венчурного капитала. Однако во многих случаях такие вычеты существуют на уровне штата. Например, в штате Вирджиния согласно закону об «инвесторах-ангелах» предоставляется налоговая льгота по подоходному налогу на 50% инвестиций инвесторам, осуществляющим финансирование в небольшие высокотехнологичные, биотехнологические и производственные компании¹. В отличие от государственной стратегии Израиля правительство США (Комитет по иностранным инвестициям) контролирует и жестко регулирует все венчурные сделки с привлечением иностранного капитала.

Важным элементом инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий США является университетская среда. Университеты создают собственные фонды для финансирования малых инновационных предприятий и привлекают инвестиции благодаря выстраиванию взаимовыгодного сотрудничества с обеспеченными выпускниками в том числе. Также закон Бэя — Доула (1980 г.) способствовал повышению патентной активности в университетах и последующей коммерциализации научных исследований и разработок. При этом система коммерциализации в университетах носит гибкий характер и учитывает различные особенности конкретного учебного заведения.

Таким образом, можно выделить сильные и слабые стороны развития инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в США (табл. 7).

¹ Venture Capital: The U. S. Tax Regime for Venture Capital. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lowtax.net/us-tax-guide/investment/the-us-tax-regime-for-venture-capital.html> (дата обращения: 25.02.2022).

Таблица 7

Сильные и слабые стороны инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в США

Table 7. Strengths and weaknesses of the small innovative enterprises financing infrastructure in the United States

Сильные стороны	Слабые стороны
Ценности, способствующие развитию инновационного предпринимательства, готовность идти на риск	Неравномерное распределение инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий
Многолетний опыт развития инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий (особенно венчурной отрасли) и предпринимательской среды	Недостаточный уровень школьного образования
Высокий уровень развития и деловой репутации и финансовых рынков	Дефицит национальных трудовых ресурсов (приводит к угрозе)
Эффективное взаимодействие государства, бизнеса и университетской среды	Финансовый кризис 2007–2008 гг.
Гибкая система финансирования в университетах	—
Разветвленная сеть бизнес-ангелов и акселераторов	—
Защита интеллектуальной собственности	—
Масштабные программы финансирования на региональном уровне	—
Регулирование венчурных сделок с иностранным капиталом	—
Приток талантливых и высокопрофессиональных специалистов	—
Множество страховых и пенсионных фондов, владеющих крупным инвестиционным капиталом	—

Источник: составлено автором.

Заключение

«Прорывные технологии играют определяющую роль в стратегировании. Их применение гарантирует выполнение стратегической цели каждой стратегии, направленной на повышение всех аспектов качества жизни населения (материальных, интеллектуальных, эмоциональных)» [6]. Развитие инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий является неотъемлемой частью инновационной экономики, способствующей повышению инновационной деятельности и конкурентоспособности производимых товаров и услуг. Сканирование внутренней среды инфраструктуры финансирования малых инновационных предприятий в зарубежных странах позволило выявить сильные и слабые стороны данного рынка капитала, что впоследствии позволит наилучшим образом разработать стратегические приоритеты развития данной инфраструктуры на национальном и региональном уровнях.

Литература

1. Александрин Ю. Н., Самарский Д. М. Инструментарий государственной поддержки малого инновационного предпринимательства в Южной Корее и Израиле // Экономика и предпринимательство. 2015. № 4–2 (57–2). С. 964–969.
2. Гуськова Н. Д., Малясова М. М. Система формирования организационной культуры промышленного предприятия на основе этики управления // Лидерство и менеджмент. 2014. № 1. С. 27–36.
3. Еремченко О. А., Зинов В. Г. Мировая практика государственной поддержки венчурной индустрии // Экономика науки. 2021. № 7(1). С. 51–65.
4. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. I. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
5. Квинт В. Л., Ивантер В. В., Максимцев И. А., Алферов Ж. И., Фелпс Э. С. Как будет развиваться экономика России? // Инновации. 2013. № 1. С. 3–12.
6. Квинт В. Л., Хворостяная А. С., Сасаев Н. И. Авангардные технологии в процессе стратегирования // Экономика и управление. 2020. № 26 (11). С. 1170–1179.
7. Марьясис Д. А. Возможности трансформации системы государственной поддержки развития инноваций. Опыт Израиля // Экономическая политика. 2017. № 12 (5). С. 80–103.
8. Марьясис Д. А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. М. : ИВ РАН. 2015.
9. Марьясис Д. А. Факторы успешного инновационного развития Израиля // Финансы и бизнес. 2016. № 1. С. 51–64.
10. Марьясис Д. А. Формирование и развитие кластера венчурного инвестирования. Пример Израиля // Финансы и бизнес. 2016. № 3. С. 92–106.
11. Оболюнский Ю. В. Инновации и конфликт // Живая психология. 2015. № 2. С. 89–100.
12. Оболюнский Ю. В. Универсальный образ аутентичного лидера // Лидерство и менеджмент. 2015. № 4. С. 251–264.
13. Перцева С. Ю. Механизм государственно-частного партнерства в сфере инфраструктурных проектов // Государственно-частное партнерство. 2015. № 4. С. 205–216.
14. Устичева Е. Г. Формирование корпоративной культуры российской государственной службы // Экономика труда. 2015. № 1. С. 61–76.
15. Шестакович А. Г. Институты государственного управления инновационной деятельностью в Китае // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 177–196.
16. Atkinson R. D., Ezell S. J. Innovation Economics. The Race for Global Advantage // Yale University Press. 2012. 440 p.
17. Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. «The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism» // Journal of Economic Perspectives. 2014. N 28 (3). P. 3–24.
18. Duruffé G., Hellmann T. F., Wilson K. E. From Start-Up to Scale-Up: Examining Public Policies for the Financing of High-Growth Ventures 2016. Saïd Business School WP 2017–05 [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2913512> (дата обращения: 10.02.2022).
19. Lerner J. Boulevard of Broken Dreams. Why Public Efforts to Boost Entrepreneurship and Venture Capital Have Failed — and What to Do about It / Princeton University Press. 2009.
20. Lerner J., Nanda R. Venture Capital's Role in Financing Innovation: What We Know and How Much We Still Need to Learn / Working Paper 20–131. Harvard Business School. 2020. 32 p.
21. Vervaeck J. Analysis of the Belgian scale-up gap — The financing of scaling companies. A dissertation submitted to Ghent University in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Business Administration: Finance and Risk [Электронный ресурс]. URL: https://libstore.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/784/069/RUG01002784069_2019_0001_AC.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

Об авторе:

Гаврилина Дарья Николаевна, преподаватель кафедры экономической и финансовой стратегии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); dariagavrilina23@gmail.com

References

1. Aleksandrin Yu. N., Samarskii D. M. Tools of state support for small innovative businesses in South Korea and Israel // Economics and Entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2015. N 4–2 (57–2). P. 964–969 (in Rus).

2. Gus'kova N. D., Malyasova M. M. The organizational culture formation system of the industrial enterprise based on management ethics // *Leadership and Management [Liderstvo i menedzhment]*. 2014. N 1. P. 27–36 (in Rus).
3. Eremchenko O. A., Zinov V. G. World practice of the venture industry state support // *Economics of science [Ekonomika nauki]*. 2021. №7 (1). P. 51–65 (in Rus).
4. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. T. I. SPb. : NWIM of RANEPa, 2019. 132 p. (in Rus).
5. Kvint V. L., Ivanter V. V., Maksimtsev I. A., Alferov Zh. I., Felps E. S. How will the Russian economy develop? // *Innovation [Innovatsii]*. 2013. N 1. P. 3–12 (in Rus).
6. Kvint V. L., Khvorostyanaya A. S., Sasaev N. I. Advanced Technologies in Strategizing // *Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]*. 2020. N 26 (11). P. 1170–1179 (in Rus).
7. Mar'yasis D. A. Possibilities of the state support system transforming of the innovations development. Israel's experience // *Economic policy [Ekonomicheskaya politika]*. 2017. N 12 (5). P. 80–103 (in Rus).
8. Mar'yasis D. A. Experience in building an innovation economy. Israeli example. M. : IV RAN. 2015 (in Rus).
9. Mar'yasis D. A. Factors of successful innovative Israel development // *Finance and business [Finansy i biznes]*. 2016. N 1. P. 51–64 (in Rus).
10. Mar'yasis D. A. Formation and development of the venture investment cluster. Israeli example // *Finance and business [Finansy i biznes]*. 2016. N 3. P. 92–106 (in Rus).
11. Obolonskii Yu. V. Innovation and Conflict // *Living Psychology [Zhivaya psikhologiya]*. 2015. N 2. P. 89–100 (in Rus).
12. Obolonskii Yu. V. Universal image of the authentic leader // *Leadership and Management [Liderstvo i menedzhment]*. 2015. N 4. P. 251–264 (in Rus).
13. Pertseva S. Yu. The mechanism of public-private partnership in the field of infrastructure projects // *Public-private partnership [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo]*. 2015. N 4. P. 205–216 (in Rus).
14. Usticheva E. G. The corporate culture formation of the Russian public service // *Labor Economics [Ekonomika truda]*. 2015. N 1. P. 61–76 (in Rus).
15. Shestakovich A. G. State management institutions of innovation activity in China // *Issues of state and municipal management [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]*. 2019. N 4. P. 177–196 (in Rus).
16. Atkinson R. D., Ezell S. J. *Innovation Economics. The Race for Global Advantage*. Yale University Press. 2012. 440 p.
17. Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism // *Journal of Economic Perspectives*. 2014. N 28 (3). P. 3–24.
18. Duruflé G., Hellmann T. F., Wilson K. E. *From Start-Up to Scale-Up: Examining Public Policies for the Financing of High-Growth Ventures* 2016. Saïd Business School WP 2017–05. [Electronic source]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2913512> (accessed: 10.02.2022).
19. Lerner J. *Boulevard of Broken Dreams. Why Public Efforts to Boost Entrepreneurship and Venture Capital Have Failed — and What to Do about It* / Princeton University Press. 2009.
20. Lerner J., Nanda R. *Venture Capital's Role in Financing Innovation: What We Know and How Much We Still Need to Learn* / Working Paper 20–131. Harvard Business School. 2020. 32 p.
21. Vervaeck J. *Analysis of the Belgian scale-up gap — The financing of scaling companies. A dissertation submitted to Ghent University in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Business Administration: Finance and Risk*. [Electronic source]. URL: https://lib-store.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/784/069/RUG01002784069_2019_0001_AC.pdf (accessed: 14.02.2022).

About the author:

Daria N. Gavrilina, Lecturer of Economic and Financial Strategy Department of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); dariagavrilina23@gmail.com

Ценность труда в условиях цифровой трансформации занятости и рынка труда: межпоколенческий разрез

Колесник Е. А.

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Российская Федерация; eakolesnik-10@mail.ru

РЕФЕРАТ

На всех этапах формирования и развития общества человеческому труду отводится особая роль — он является главным источником обновления общественных отношений, соразмерно изменяя свою социальную сущность. Цифровизация социально-экономического пространства, которая поступательно занимает место в структуре жизнедеятельности и жизнеобеспечения общества, становится и мощным катализатором трансформационных процессов в сфере занятости и рынке труда. Модификации подвержена и система ценностей, которая наполняется новым содержанием.

Как показывает анализ исследований, видоизменение ценностей присуще каждому витку развития — это означает, что в соответствующий период в истории возникает иное восприятие ценностей, с новой оценкой всего происходящего. Более того, каждому новому поколению свойственно, наряду с незабываемыми ценностями, формировать иной окрас тех из них, которые проще поддаются видоизменению и в новом виде не претят фундаментальным убеждениям и правилам.

Ценность труда на современном этапе приобретает черты выражения определенной социальной позиции, превращаются в стержень отношения к жизни и социальным ролям в формирующихся в *digital*-социуме жестких протоколах и новых поведенческих стандартах.

Исследование указывает: ценности труда трансформируются не только под воздействием законодательно-правовой инициативы государства, но и благодаря широкому насыщению информационного контента прогнозами, аналитическими выкладками экспертов, примерами действующих проектов, реализованных как в России, так и за рубежом и иными факторами.

В то же время в межпоколенческом разрезе изменение системы ценности труда характеризуется разной степенью влияния и значимости — для молодежи в большей степени, для среднего возраста исходя из значимости труда, достижений и восприятия реальности, для старшего — повсеместная незабываемость сформированных ранее трудовых ценностей.

Ключевые слова: ценности труда, занятость, рынок труда, трансформация, цифровизация, искусственный интеллект, лица среднего и старшего возрастов, молодежь

Для цитирования: Колесник Е. А. Ценность труда в условиях цифровой трансформации занятости и рынка труда: межпоколенческий разрез // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 82–93.

The Value of Labor in the Context of Digital Transformation of Employment and the Labor Market: An Intergenerational Cross-Section

Elena A. Kolesnik

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation; eakolesnik-10@mail.ru

ABSTRACT

At all stages of the formation and development of society, human labor plays a special role — it is the main source of renewal of social relations, proportionally changing its social essence. Digitalization of the socio-economic space, which progressively occupies a place in the struc-

ture of life and life support of society, is also becoming a powerful catalyst for transformational processes in the field of employment and the labor market. The value system is also subject to modification, which is filled with new content.

As the analysis of research shows, the modification of values is inherent in every turn of development — this means that in the corresponding period in history there is a different perception of values, with a new assessment of everything that is happening. Moreover, it is characteristic of each new generation, along with unshakable values, to form a different color of those of them that are easier to modify and in a new form do not abhor fundamental beliefs and rules.

The values of work at the present stage acquire the features of expressing a certain social position, turns into the core of the attitude to life and social roles in the rigid protocols and new behavioral standards that are being formed in the digital society.

The study indicates that the values of labor are transformed not only under the influence of the legislative and legal initiative of the state, but also due to the wide saturation of information content with forecasts, analytical calculations of experts, examples of existing projects implemented both in Russia and abroad, and other factors.

At the same time, in the intergenerational context, the change in the system of labor values is characterized by varying degrees of influence and significance — for young people to a greater extent, for middle age, based on the importance of labor, achievements and perception of reality, for older people — the ubiquitous inviolability of previously formed labor values.

Keywords: labor values, employment, labor market, transformation, digitalization, artificial intelligence, middle-aged and older persons, youth

For citing: Kolesnik E. A. The value of labor in the context of digital transformation of employment and the labor market: an intergenerational cross-section // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 82–93.

Введение

Цифровизация социально-экономического пространства как бы незаметно, но стремительно входит в повседневную жизнь и рабочее пространство. Она не только облегчает и обогащает жизнь, но и дает человеку возможность развивать и усовершенствовать свои цифровые навыки, формировать иные формы межличностного и трудового взаимодействия, усовершенствовать трудовой потенциал в онлайн-пространстве.

Перечисленное является лишь небольшой толикой того, что уже сегодня приносит в сферу занятости цифровизация. Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что «основное влияние технологической эры еще впереди и оно в основном остается неопределенным до довольно высокой степени» [18], а ее последствия окажут действенное влияние на всю систему производства и оказания услуг, производственных и социально-трудовых отношений.

В. П. Тугаринов писал: «Ценности — это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала» [13, с. 271]. При этом ценность труда, имея исторический характер, «зависит от экономики, социальной структуры, политики и идеологии» [8, с. 79]. Например, исследование ценности труда молодых рабочих, проведенного в 1976 г. уральскими социологами М. Т. Иовчуком, Л. Н. Коганом и Ю. Е. Волковым, показало «заметный сдвиг у современных рабочих в сторону сбалансированного интереса и к содержанию работы, и к материальному вознаграждению» [6, с. 30].

В ценностных установках жителей разных стран мира в последние десятилетия XX в. формируется примат собственного выбора и самовыражения, которое «распространяется на все основные сферы жизни людей, способствуя изменению ... мотивации к труду» [4]. Эти изменения носят всемирный характер и в крайней степени зависимы от социально-экономического развития стран [10, с. 189; 17].

На рис. 1 представлены подходы к рассмотрению межпоколенческой трансформации трудовых ценностей некоторых российских авторов.

Цифровая эпоха и порождаемая ею экономика нового типа способствуют формированию иных форм взаимодействия и взаимосвязи среди людей, предприятий и учреждений. Это создает основу для развития новых социокоммуникативных и социокультурных связей, влияющих на систему ценностей человека вообще и на трудовые ценности в частности. Следовательно, на современном этапе развития, труд как ценность человеческой деятельности приобретает черты выражения определенной социальной позиции, превращается в стержень отношения к жизни и социальным ролям в формирующихся в *digital*-социуме жестких протоколах и новых поведенческих стандартах.

В связи с вышеперечисленным рассмотрение темы исследования определяет ее актуальность, так как рынок труда как лакмусовая бумажка проявляет истинную природу настоящих и предстоящих трансформаций, экстраполируясь на систему межпоколенческой ценности труда. Цель заключается в обосновании изменений ценностной роли труда в жизнедеятельности поколений, формируемых влиянием цифровой трансформации занятости и рынка труда. Задачи заключаются в определении наиболее значимых факторов, влияющих на видоизменение понимания

Яковлева Т. И.:	Ярычев Н. У.:	Удалова Е. С.:
преемственность ценностей не обеспечивается, происходит смена иерархий ценностей у молодого поколения	социальные перемены обуславливают необходимость возникновения новой системы ценностных ориентаций	отношение к труду — важнейший фактор профессионального самоопределения
ценностная дезориентация формирует в молодежной среде подавление значения ценностей в обеспечении социальной стабильности	на дифференциацию ценностей влияют такие социальные феномены, как социальная нестабильность, неравенство, безработица, этнические и религиозные различия	человеком определяется прежде всего не профессия, а содержание, которое данная профессия предполагает
во взрослой среде система ценностей служит неким «фильтром», выполняющая защитные функции и обеспечивая предсказуемость действий и поведения	в иерархии ценностей — традиционные ценности выше у старшего поколения, чем у молодых	доминирование в системе трудовых ценностей конкретного полезного результата

Рис 1. Подходы к рассмотрению межпоколенческой трансформации трудовых ценностей
Fig. 1. Approaches to the consideration of intergenerational transformation of labor values

Источник: обобщено автором по [14; 15; 16].

ценности труда (в общевековом разрезе); в изучении существующих научных подходов к условиям, способствующим изменению ценности труда; в раскрытии трансформирующей роли цифровизации, способствующей модификации трудовых ценностей населения в возрастной категории от 18 лет.

Материалы и методы

Анализ системы трудовых ценностей в межпоколенческом разрезе основывался на применении опросных методов и возрастной градации поколений (молодежь (18–29 лет), лиц среднего (30–54) и старшего возрастов (от 55 лет и старше)). В опросе приняло участие 385 респондентов одного из регионов России (Тюменской области, включая ХМАО и ЯНАО). На рис. 2 представлено распределение респондентов по возрасту, категории персонала и выполняемым ими функциям. Допустимая погрешность составила 5%.

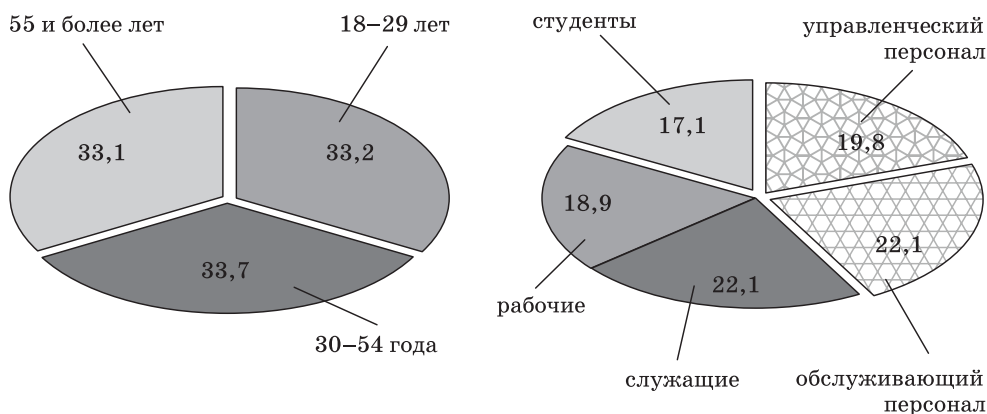

Рис. 2. Распределение респондентов по возрасту, категории персонала и выполняемым ими функциям, %

Fig. 2. Distribution of respondents by age, category of personnel and functions performed by them, %

Источник: составлено автором по результатам собственного исследования.

Результаты и обсуждение

Труд и занятость — два тесно связанных между собой понятия, которые на рубеже веков вписывались в присущую определенной эпохе систему ценностей и пониманий роли, значимости труда в формировании богатства; в вопросах труда полностью отображают преобладающую в каждом историко-культурном периоде систему отношений и взглядов на то, что представляет собой труд, как он влияет на качество и степень удовлетворения запросов общества и какую роль он играет в жизни человека.

На протяжении многих столетий мыслителями и философами, богословами и учеными формировалось понимание труда как основы создания общественных благ. В целом теолого-философская мысль в течение многих столетий являлась одним из фундаментальных оснований общественного прогресса, развития культуры, норм, правил и ценностей. Что, с одной стороны, отражало бытующие парадигмы в том числе и в отношении ценности труда, а с другой, позволяло вырабатывать и формировать предпосылки для предстоящих изменений — развития общественных отношений, трансформации сознания самих людей и др.

Не вдаваясь в более глубокий анализ ценности труда в общевековом разрезе, лишь представим некоторые аспекты генезиса данного понятия (см. табл. 1).

Эволюционные преобразования средств производства и производственных отношений влияли и на эволюционирование понимания ценности труда. В каждую эпоху система трудовых ценностей формировала мировоззрение и закладывалась в общественном сознании, обусловленном «разнообразными экономическими и социально-политическими, психологическими факторами» [12, с. 32]. Для человека наличие системы ценностей является неким базисом, определяющим его связь с миром, так как именно ценности отображают относительно «устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ» [7, с. 143].

Таблица 1

Эволюция понимания ценности труда: некоторые аспекты

Table 1. The evolution of the understanding of the value of work: some aspects

Ценность труда в античности:	• общество невысоко воспринимало ценность труда; • труд не рассматривался как благодать; • физический труд — удел людей низкого и неблагородного происхождения.
Ценность труда в средневековом обществе:	• ценностное отношение к труду являлось амбивалентным; • материальный труд считался занятием богоугодным, но не приводящим к благочестию и спасению души; • табуирование и презрительное отношение к некоторым видам труда (мясники, прачки, ростовщики и др.); • лень относилась к одному из грехов христианской морали; • труд оценивался с точки зрения сакральных религиозных ценностей и сословной иерархии.
Ценность труда в эпоху Возрождения:	• ценность приобрел интеллектуальный труд по созданию произведений светской духовной культуры, особенно художественной; • начинает утверждаться не только необходимость, но и ценность, почетность труда; • приобретают ценность те виды деятельности, которые связаны с общественным, политическим и интеллектуальным трудом.
Ценность труда в период Реформации:	• отношение к труду утверждается в качестве ценности; • труд становится самоцелью и призванием; • возможность спасения через труд коренным образом меняет мировоззренческую оценку труда; • высоко оценивался только тот труд, который обеспечивал достижение личного успеха; • трудолюбие вошло в систему ценностей протестантизма.
Ценность труда при капитализме:	• утверждается утилитарно-социальная ценность труда; • сущность труда состоит в продаже рабочей силы или превращения рабочей силы в товар; • рабочие своим трудом создают прибавочную ценность, которая, являясь неоплаченным продуктом труда, присваивается капиталистом в виде прибыли; • рабочие предоставляют свой труд согласно ценности рабочей силы.

Источник: обобщено автором.

В. С. Библер раскрывает иную сторону ценностей. Он говорит, что они «представляют собой мир, принятый и выстраданный, при этом зачастую неосознаваемый человеком вообще» [1]. С данным тезисом сложно не согласиться, ведь общественно-политической и экономической системами, обществом с бытующими в нем нормами, правилами и социальными стандартами как бы невидимой нитью «выстраивается» система ценностей как для нового молодого поколения, так и постепенно трансформируется для более зрелого. Она «не воспринимается органами чувств и приборами» [2, с. 325], при этом каждый человек уверенно определяет ее важность и наибольшую значимость. «В человеке есть сердцевина, как бы фокус, из которого бьет самородный ключ» [11, с. 12], писал еще в XIX в. общественный деятель и философ Ю. Ф. Самарин, пытаясь объяснить законы материального мира и места человека в нем.

Сложность и динамичность человеческой жизни отображается на всей системе ценностей. Это находит отражение в широком диапазоне ценностных ориентаций, в том числе и на уровне отношения к труду и его ценности. Что особо становится актуальным на современном этапе цифровой трансформации социально-экономического пространства страны и ее регионов.

В теоретических работах российских исследователей находим разность взглядов на проблему исследования. И. А. Евдокимов указывает на «практически полное отсутствие признания важности человеческого труда как ценности» [3, с. 178–179]. Результатом становится нейтрализация самих условий для жизни, которые бы позволяли «трудящемуся наполнить бытие насыщенным содержанием» [там же]. М. А. Назарова причину этого видит в широком распространении науки и техники, которые уже сегодня управляют миром, сознанием и действиями людей. Научкой и техникой постепенно формируются условия для ограждения человеческого «познания от личных пристрастий, ценностных предпочтений и интересов» [9, с. 15], создавая отрыв не только «от личностного начала, но и от фундаментальных ориентаций на познание сути бытия, совершенствования разума» [9, с. 15]. Безусловно, данные утверждения вызывают научную полемику и требуют более глубокой аргументации. Ведь цифровая трансформация подразумевает под собой интенсификацию и обогащение труда, переориентацию человека на развитие своего потенциала и получение новых знаний в течение всей жизни, что никак не указывает на тенденцию к дегуманизации труда, которая вытравливает ценность труда для человека и общества. Поэтому вряд ли представляется возможным говорить о дегуманизации труда применительно к цифровизации.

В. Л. Иноземцев отмечает, что благодаря прогрессу происходит видоизменение человека через пересмотр самого себя и своего места в окружающей действительности. Он также говорит, что прогресс изменяет не только ценностные ориентиры, но и мотивационное поле личности, выводя «совершенствование своего личностного потенциала» [5] в первостепенные мотивы деятельности. Продолжая свои рассуждения, констатирует, что именно изменение мотивационной структуры человека и минимизация первостепенности материального удовлетворения создают основу для развития производства знаний. В современном обществе именно развитие знаний является основополагающей основой создания богатства.

Е. С. Удалова подчеркивает, что за последние десятилетия западноевропейская и американская культуры существенно повлияли на переосмысление в российском социуме ценности труда. Ею выделяется польза и выгода, которые имеют особую значимость и распространяются на ценность и трудовую деятельность, и на профессиональную сферу. Эти ценности действуют «не только на личностном уровне, но и на общественном» [14, с. 85], выполняя задачу удовлетворения в обществе запроса на профессии. Таким образом, трудовые ценности, развиваясь, приобретают значимость в процессах модернизации общества, формировании новой

социальной динамики. Наряду с материальным прогрессом происходит трансформация роли труда в социальной структуре россиян вообще и ценности труда в частности.

Проведенное автором исследование указывает на преобразование ценности труда ввиду не только происходящих и планируемых цифровых трансформаций регионов, отраслей, предприятий и т. д., но и под влиянием широкого информированного потока, которые интенсивно насыщают информационный контент прогнозами, мнениями экспертов и иными аналитическими текстами, выкладками, примерами действующих проектов, реализованных как в России, так и за рубежом. Подстегивает эволюцию трудовых ценностей законодательно-правовая инициатива государства и стратегические приоритеты регионального развития.

На рис. 3 представлена группировка факторов, имеющих наибольший вес в структуре трудовых ценностей населения Тюменской области.

Исследование указало на то, что, несмотря на возрастающую значимость в экономике Тюменской области информационно-коммуникационных технологий, цифровых сервисов и др., все же в структуре трудовых ценностей ведущее место занимает превалирование приверженности экономически привлекательных отраслей с достаточно хорошей социальной программой. Из чего следует, что большинство респондентов придают своей личности высокое значение, а место трудореализации выступает неким мерилом и личной значимости, и ценности труда. В связи с этим, тезис, высказанный Д. Н. Меньщиковым, о том, что ценность труда для современного российского общества «прагматизируется, ценится высокооплачиваемый труд» [8, с. 79] сохраняет свою актуальность.

Опрос показал, что место отрасли в структуре экономики региона является приоритетом для молодежи (27,4%) и лиц среднего возраста (29,1%), в меньшей степени для старшего поколения (16,9%). Для мужчин этот показатель в большей степени важен, чем для женщин (39,1 и 22,4% соответственно).

Участники опроса отметили высокую привлекательность тех отраслей, которые имеют значительные перспективы развития, в том числе цифровую трансформацию, роботизацию и интеллектуализацию производства. 25,3% респондентов уверены в повышении престижности тех отраслей, где большая часть человеческого труда связана с ручной работой. Это даст возможность вести эффективный бизнес. 37,5% заявили, что люди не понимают или не хотят понимать смысла изменений в своей

Отраслевые факторы	Личностные факторы	Организационно-технические факторы
• место отрасли в структуре экономики региона; • перспективы развития отрасли; • имидж отрасли.	• уровень оплаты труда и наличие социального пакета; • уровень социальной защиты работников; • уровень безопасности труда; • перспективы карьерного роста.	• интеллектуализация труда; • низкая текучесть рабочей силы; • наличие программ профобучения и профпереподготовки

Рис. 3. Наиболее значимые факторы в структуре трудовых ценностей респондентов на примере Тюменской области

Fig. 3. The most significant factors in the structure of respondents' labor values on the example of the Tyumen region

Источник: составлено автором по результатам собственного исследования.

работе. Многими отмечается, что ценность рабочего места утратит свою привлекательность, в том числе и из-за того, что выполняемые функции будут заменены роботами (12%). Иные респонденты, напротив, отметили новое развитие трудовой ценности «обогащение деятельности» и формирование трудовых функций под влиянием внедрения цифровых технологий (25,2% из них 54,3% мужчин, 34,6% женщин и 11,1% — затруднились ответить). На рис. 4 и в табл. 2 представлен ответ на вопрос «На каких ценностях трудовой деятельности больше всего отразится цифровизация и внедрение искусственного интеллекта (далее — ИИ)?» по возрасту, категориям персонала и выполняемым ими функциям.

Несмотря на то что 22,2% высказывается тревога возможной потери работы, 37,4% респондентов все же уверены, что в ближайшей перспективе их будет сложно заменить, 27,5% — что процесс цифровой трансформации — это длительный процесс, в связи с чем у них будет возможность получить дополнительные компетенции и развить необходимые навыки для удовлетворения нужд цифрового производства, сервиса и т. д.; 12,9% уверены, что предприятия, организации и учреждения сами позаботятся об обучении своего наличествующего персонала.

Такие личностные факторы, как уровень оплаты труда и наличие социального пакета, социальная защита и безопасность труда, остаются очень значимыми ценностями, поскольку они остаются достаточно привлекательными для респондентов. Эти ценности способны удерживать не только позитивный настрой работников, но и быть стимулами к повышению производительности и обретению профессионализма в соответствии растущих производственных стандартов.

Среди личностных факторов молодежи ценностью является карьерный рост в выбранной сфере деятельности (65,9%: из них мужчин 53,9%, женщин — 46,1%). При этом примечательно, что в понятие карьера молодежью вкладывается в первую очередь достижение успешного положения в обществе (23,7%). Личность, которая достигла цели, вызывает восхищение и желание следовать за ней. В связи с этим ими рассматриваются альтернативные варианты карьерных достижений, которые не имеют отношение к специальности.

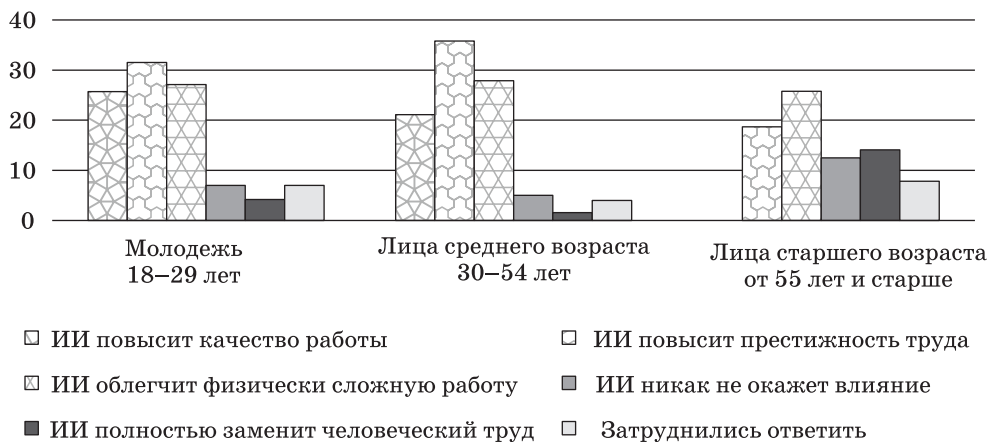

Рис. 4. Ответ на вопрос «На каких ценностях трудовой деятельности больше всего отразится цифровизация и внедрение ИИ?» согласно возрастной градации

Fig. 4. The answer to the question «Which work values will be most affected by digitalization and the introduction of AI?» by age gradation

Источник: составлено автором по результатам собственного исследования.

Ответ на вопрос «На каких ценностях трудовой деятельности больше всего отразится цифровизация и внедрение ИИ?» по категориям персонала и выполняемым ими функциям

Table. The answer to the question «Which work values will be most affected by digitalization and the introduction of AI?» by categories of personnel and functions performed by them

	ИИ повысит качество работы	ИИ повысит престиж- ность труда	ИИ облегчит физически сложную работу	ИИ никак не окажет влияние	ИИ полностью заменит человече- ский труд	Затрудни- лись ответить
Рабочие	27	30	14	7	15	7
Служащие	21	23	31	4	13	8
Обслуживаю- щий персонал	15	15	15	22	15	18
Управленче- ский персонал	35	38	6	5	14	2

Источник: составлено автором по результатам собственного исследования.

Во-вторых, карьера как самореализация в предпринимательской деятельности является также актуальной среди молодежи (18,9%). В то же время предпринимательство многими ассоциируется не с созданием и развитием разного рода предприятий, а с формированием рабочего места для себя, зачастую в виде фриланса, самозанятости, платформенной занятости и иных видов с гибким графиком, возможностью удаленной работы и, конечно же, достойной оплатой труда. Традиционные виды бизнеса привлекательны для небольшого числа респондентов (8,3%).

В-третьих, классического понимания карьеры как продвижения по служебной лестнице придерживаются 49,1% респондентов. Это говорит о устойчивости и прочности представления о карьере как таковой.

Таким образом, несмотря на разнородность молодежной среды и существующую разность взглядов на ценность карьеры, уже имеет место процесс ее трансформации, подогреваемая возможностями, которые предоставляет сегодня цифровизация. В то же время модифицированность понимания социального статуса еще не укоренилась в сознании большинства.

В возрастной группе 30–54 года и 55 лет и старше ценность карьерного роста значительно ниже (29,9 и 4,2% соответственно), так как эта группа респондентов уже имеют определенный профессиональный уровень и добились желаемого положения в выбранной сфере деятельности. Для лиц среднего возраста значимость имеют закрепление и развитие достигнутых позиций, а для старшего — управление накопленным профессиональным опытом и переход на иной круг служебных обязанностей.

Следовательно, в каждой возрастной группе существует своя внутренняя иерархия и понимание карьеры как трудовой ценности. Развитие карьеры сопряжено с определенными жизненными ценностями, которые у одного человека могут меняться в соответствии с требованиями времени, а у другого остаются неизменными или колеблющимися в течение всей жизни.

Выводы и рекомендации

1. Цифровизацией экономики формируются новые условия для жизнедеятельности общества в целом: появляются новые возможности, новые инструменты, новые

модели. Все это приводит к тому, что цифровые изменения в экономике становятся более значимыми, чем изменения традиционные. В этом смысле цифровая трансформация экономики означает переход от традиционных моделей к цифровым.

В настоящее время в России активно развивается цифровизация экономики. Это связано с тем, что в рамках цифровизации экономики формируется новая модель экономического роста, основанного на использовании цифровых технологий. В то же время для того, чтобы цифровизация была успешной, необходимо наличие высококвалифицированных кадров, которые будут задействованы в этой сфере.

2. Несмотря на то что цифровизация предоставляет широкие возможности профессионального развития и гибкой трудореализации, ею формируются особые условия, вследствие которых современное общество переживает переоценку ценностей. Однако это влияние не носит революционный характер, трудовые ценности не меняются, а, скорее, трансформируются. Сложность и динамичность среды позволяет людям формировать представление о настоящем и будущем, соразмерно трансформируя и систему трудовых ценностей. В связи с этим, ценностное многообразие приобретает форму спектра, насыщенного характерными для каждой из представленных в нем координат собственным смыслом.

3. В современных условиях цифровой трансформации и повышения социальной мобильности отношение к труду как к высоко значимой категории представляет собой эталон и критерий социальной успешности. При этом образ будущего вступающего в жизнь поколения (18–29 лет) оказывает большее влияние на всю систему трудовых ценностей. В среднем возрасте (30–54 года) система трудовых ценностей также подвержена трансформации, исходя из окружающей человека реальности и личностно значимых достижений. В старшем же (55 и более лет) превалирует прагматизм и критическое отношение к изменяющемуся в мире порядку вещей, что и отражается на повсеместной незыблемости сформированных ранее трудовых ценностей.

4. В то же время стержневыми остаются именно те фундаментальные ценности, которые являются базовыми и формирующими отношение ко всем сферам человеческой жизнедеятельности и в условиях переоценки или разрушения они все же остаются наиболее стабильными. Традиционные трудовые ценности хоть и подвергаются трансформации, но цифровизационное влияние пока не настолько существенно.

Литература

1. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность: философские размышления о жизненных проблемах. М. : Знание. 1990.
2. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. М. : Политиздат, 1967.
3. Евдокимов И. А. Об актуальности марксизма в изучении труда // Теоретическая экономика. 2018. № 3 (45). С. 173–180 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ystu.ru/files/theoretical-economics/3-2018.pdf> (дата обращения: 28.02.2022).
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011.
5. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000946/index.shtml> (дата обращения: 01.02.2022).
6. Кравченко А. И. Труд как первая жизненная потребность: идеологическая заданность и объективная реальность // Социология. 2019. № 4. С. 27–50 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-pervaya-zhiznennaya-potrebnost-ideologicheskaya-zadannost-i-obektivnaya-realnost> (дата обращения: 01.03.2022).
7. Кравченко В. И., Хункай Ч. Формирование социокультурных ценностей и ориентиров молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные

- науки. 2007. № 2. С. 143–147 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsiokulturnyh-tsennostey-i-orientirov-molodezhi> (дата обращения: 02.02.2022).
8. *Меньшиков Д. Н.* Труд как ценность // Ценности и нормы в потоке времени : материалы VI Международной научной конференции, Курган, 9–10 апреля 2015 года / Б. С. Шалютин (отв. редактор). Курган : Курганский государственный университет, 2015. С. 78–79.
  9. *Назарова М. А.* Гуманизация общества и гуманитаризация естественно-научного образования в условиях информационно-коммуникативной культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Новосибирск, 2007.
  10. *Осипова Л. Б., Колесник Е. А., Горева О. М.* Инфраструктурная поддержка развития молодежного сегмента регионального рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 175–191. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12.
  11. *Очерки о Ю. Ф. Самарине* [Электронный ресурс]. URL: <https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/samarin-yuri-fyodorovich.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
  12. *Темирбекова Ж. А., Смирнова Е. В.* Трудовые ценности: генезис и эволюция взглядов // Вестник КазНУ. Сер. экономическая. 2014. № 5 (105). С. 30–37.
  13. *Тугаринов В. П.* Избранные философские труды. Л., 1998.
  14. *Удалова Е. С.* Ценность труда и трудовые ценности как фактор профессионального самоопределения личности // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 83–85.
  15. *Яковлева Т. И.* Проблема ценностной дезориентации молодежи в свете комплексной трансформации российского общества // Система ценностей современного общества. 2010. № 10–2. С. 253–256.
  16. *Ярычев Н. У.* Система ценностных ориентаций в разрезе поколений // Евразийский научный журнал. 2016. № 6. С. 52–55.
  17. *Kolesnik E. A., Pavlova L. L., Koltunov A. L.* The Indigenous Small Peoples of the Russian Arctic: Gender Inequality // Space and Culture. India. 2018. Vol. 6. N 4. P. 57–65.
  18. *Walwei U.* Digitalization and structural labor market problems: The case of Germany // ILO Research Paper. 2016. N 17.

Об авторе:

Колесник Елена Андреевна, доцент Тюменского индустриального университета (г. Тюмень, Российская Федерация), докторант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат экономических наук, доцент; eakolesnik-10@mail.ru

References

1. Bybler V. S. Morality. Culture. Modernity: philosophical reflections on life problems. Moscow: Znanie, 1990 (in Rus).
2. Drobnitsky O. G. The world of revived objects: the problem of value and Marxist philosophy. M. : Politizdat. 1967 (in Rus).
3. Evdokimov I. A. On the relevance of Marxism in the study of labor // Theoretical economics [Teoreticheskaya ekonomika]. 2018. N 3 (45). P. 173–180 [Electronic source]. URL: <https://www.ystu.ru/files/theoretical-economics/3-2018.pdf> (accessed: 02.28.2022) (in Rus).
4. Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development. Moscow: New Publishing House, 2011 (in Rus).
5. Inozemtsev V. L. Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects [Electronic source]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000946/index.shtml> (accessed: 01.02.2022) (in Rus).
6. Kravchenko A. I. Labor as the first vital need: ideological task and objective reality // Sociology [Sociologiya]. 2019. N 4. P. 27–50 [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-pervaya-zhiznennaya-potrebnost-ideologicheskaya-zadannost-i-obektivnaya-realnost> (accessed: 01.03.2022) (in Rus).
7. Kravchenko V. I., Hunkai Ch. Formation of socio-cultural values and orientations of youth // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Ser.: Social Sciences [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Social'nyenauki]. 2007. N 2. P. 143–147 [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsiokulturnyh-tsennostey-i-orientirov-molodezhi> (accessed: 02.02.2022) (in Rus).
8. Menshchikov D. N. Labor as value // Values and norms in the flow of time. Materials of the VI International Scientific Conference. Kurgan. April 09–10, 2015 / B. S. Shalyutin (editor-in-chief). Kurgan, 2015. P. 78–79 (in Rus).

9. Nazarova M. A. Humanization of society and humanitarization of natural science education in the context of information and communication culture. Dissertation abstract. Novosibirsk, 2007 (in Rus).
10. Osipova L. B., Kolesnik E. A., Goreva O. M. Infrastructural support for the development of the youth segment of the regional labor market // Economic and social changes: facts, trends, forecast [Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz]. 2018. Vol. 11. N 2. P. 175–191. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12 (in Rus).
11. Essays on Yu. F. Samarin [Electronic source]. URL: <https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/samarin-yuri-fyodorovich.pdf> (accessed: 01.02.2022) (in Rus).
12. Temirbekova Zh. A., Smirnova E. V. Labor values: genesis and evolution of views // Bulletin of the KazNU. The series is economic [Vestnik KazNU. Ser. ekonomicheskaya]. 2014. N 5 (105). P. 30–37 (in Rus).
13. Tugarinov V. P. Selected philosophical works. L., 1998 (in Rus).
14. Udalova E. S. The value of labor and labor values as a factor of professional self-determination of the individual // Izvestiya PGPU named after V. G. Belinsky [Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo]. 2011. N 23. P. 83–85 (in Rus).
15. Yakovleva T. I. The problem of value disorientation of youth in the light of the complex transformation of Russian society // The value system of modern society [Sistema cennostej sovremennogo obshchestva]. 2010. N 10–2. P. 253–256 (in Rus).
16. Yarychev N. U. System of value orientations in the context of generations // Eurasian Scientific Journal [Evrazijskij nauchnyj zhurnal]. 2016. N 6. P. 52–55 (in Rus).
17. Kolesnik E. A., Pavlova L. L., Koltunov A. L. The Indigenous Small Peoples of the Russian Arctic: Gender Inequality // Space and Culture. India. 2018. Vol. 6. N 4. P. 57–65.
18. Walwei U. Digitalization and structural labor market problems: The case of Germany // ILO Research Paper. 2016. N 17.

About the author:

Elena A. Kolesnik, Associate Professor of Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation), Doctoral student of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, PhD in Economics; eakolesnik-10@mail.ru

Формирование социально-политического потенциала молодежи в условиях интернет-социализации

Малик Е. Н.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Российская Федерация;
malik57-elena@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9849-3581

РЕФЕРАТ

Цель данного исследования состоит в комплексном осмыслении роли массмедиа в формировании политического сознания и социально-политических ориентиров современной молодежи. Раскрыты возможности электронных медиа повысить степень интерактивного участия молодого поколения в социальной и политической жизни. Методом системного анализа выявлены основные риски и угрозы, которые таят в себе сетевые информационно-коммуникационные технологии. В ходе проведенного исследования автором обосновано, что политическое сознание и поведение современной молодежи формируется при нарастающем влиянии мобилизационного компонента глобальной Сети, т. е. «медиатизации» и «интернетизации» социальной жизни.

Аргументировано, что актуальными остаются проблемы гигиены медийной политики, медиаграмотности и повышения информационной культуры молодежи, учитывая новые вызовы мировой политики. Пропаганда деструктивных моделей социально-политической активности, экстремизма и терроризма в социальных сетях, а также отсутствие цензуры значительной части информационного пространства Интернета остается социальной проблемой. Обосновано, что медиаобразовательные технологии по повышению медиаграмотности и медиакультуры молодых граждан способствуют реализации их социально-политической субъектности и инициативности. Указываются законодательные меры, направленные на создание действенного и оперативного механизма пресечения распространения в социальных медиа противоправной и деструктивной информации.

Ключевые слова: молодежь, медиасоциализация, СМИ, интернет, политические ориентиры, социально-политическая активность, политический процесс, информационные угрозы

Для цитирования: Малик Е. Н. Формирование социально-политического потенциала молодежи в условиях интернет-социализации // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 94–107.

Formation of Social and Political Potential of Young People in Conditions of Internet Socialization

Elena N. Malik

Academy of Federal Guard Service (Orel, Russian Federation); malik57-elena@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9849-3581

ABSTRACT

The purpose of this study is to comprehensively understand the role of mass media in the formation of political consciousness and socio-political guidelines of modern youth. The opportunities of electronic media to increase the degree of interactive participation of the younger generation in social and political life are revealed. The main risks and threats posed by networked information and communication technologies have been identified through systematic analysis. In the course of the study, the author substantiates that the political consciousness and behavior of modern youth is formed with the growing influence of the mobilization component of the global Network, i.e., “mediatization” and “internetization” of social life.

It is argued that the problems of hygiene of media policy, media literacy and improving the information culture of young people remain relevant, given the new challenges of world politics. The propaganda of destructive models of socio-political activity, extremism and terrorism on social networks, as well as the lack of censorship of a significant part of the Internet information space, remains a social problem. It is justified that media educational technologies to increase media literacy and media culture of young citizens contribute to the implementation of their socio-political subjectivity and initiative. Legislative measures aimed at creating an effective and operational mechanism to suppress the dissemination of illegal and destructive information in social media are indicated.

Keywords: youth, media socialization, media, Internet, political guidelines, socio-political activity, political process, information threats

For citing: Malik E. N. Formation of Social and Political Potential of Young People in Conditions of Internet Socialization // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 94–107.

Введение

Традиционно к основным институтам политической социализации исследователи относят семью, школу, образовательные учреждения, партии, общественные организации, средства массовой информации. В условиях информационного общества именно масс-медиа играют все большую роль в этом процессе.

Как институт СМИ осуществляет как прямую, так и косвенную политическую социализацию. Прямое влияние осуществляется при реализации медиа непосредственно присущих им видов коммуникативной деятельности. Информирование о политических событиях в стране и мире, освещение деятельности отдельных политиков и партий, предоставление возможности высказать свою точку зрения на происходящие события участникам политического процесса, обнародование мнения экспертов о последствиях принятия тех или иных политических решений — все это формирует политическую картину мира для получателей информации, в том числе и молодых. Массмедиа в целом помогают сформировать свои политические предпочтения, понять, какие формы политического поведения являются приемлемыми и поощряемыми в обществе.

Интенсивное развитие информационных технологий, широкое проникновение медиадискурса в политическое пространство создают новые каналы интеграции молодого поколения в жизнь страны. Эти процессы характеризуются, с одной стороны, ростом взаимозависимости мирового сообщества во всех сферах жизни, прежде всего — политической, экономической и культурной [17]; с другой — формированием глобальной медиаструктуры этих отношений, связывающих отдельные общества в единую систему [18].

Стремительно меняющееся пространство интернета обуславливает специфический вектор процесса интеграции российской молодежи в социально-политические практики. В последние годы появилось немало работ, посвященных исследованию роли современных электронных медиа в политике, избирательном процессе, дипломатии, политическом имиджмейкинге и пр. Практически в большинстве из них констатируется возрастание влияния мобилизационного ресурса электронных и цифровых СМИ на общественные и политические процессы.

В научном сообществе устоялось мнение, что наибольшая доля пользователей электронных медиа — это молодые граждане. Именно эта часть населения наиболее открыта к восприятию новых интерактивных технологий, более свободна в выборе информации, а также склонна к поиску альтернатив. Этот фактор позволяет выявить новые аспекты интернет-социализации современной молодежи в цифровую эпоху.

Специфика субъектной роли молодежи в политической жизни общества

Социально-возрастную особенность российской молодежи, ее дифференциацию и общие закономерности социализации комплексно исследовали Ж. Т. Тощенко, И. С. Кон, В. Т. Лисовский, Ю. Г. Волков, В. И. Добренков, Ф. Д. Кадария и др. отечественные ученые. Отдельно стоит отметить обращение исследователей к проблемам воспитания и социализации молодого поколения в поликультурном обществе, в том числе аспекты многокультурного образования: расовый, этнический, языковой, половой, религиозный, и указывает на необходимость развития в России форм многокультурного образования как эффективной реакции на внутри- и внешнеполитические проблемы страны [10; 14].

Концептуальные подходы российских ученых аргументируют, что возраст молодого поколения существенным образом влияет на процессы его становления и развития общественно-политического потенциала. Промежуточность и нестабильность положения молодежи в обществе, противоречивость ее стереотипов и представлений объясняются спецификой взросления. Рассматривая специфику субъектной роли молодежи в политической жизни общества, необходимо выявить условия становления общественно-политического потенциала молодых граждан и факторы их интеграции, способствующие активизации этого потенциала. Анализ показал, что в процессе формирования социально-политических ориентиров молодые граждане сталкиваются с двумя субъективными факторами. Первый обозначен личностным достижением молодого поколения поставленных целей и задач. Здесь мы говорим о таких компонентах, как самоопределение, саморазвитие и самопознание. Круг второй проблемы обозначен устремлениями молодых граждан к решению общественно важных задач. Бесспорно, имеет значение желание освоить новые социальные роли, целевые ориентиры, достигнуть высокого общественного статуса, реализовать свои гражданские интересы. Особое место среди общепризнанных моделей занимают субъект-субъектные модели политической социализации, которые объединяет идея об активности личности. Именно такие модели характерны для коммуникаций в обществах, живущих в условиях глобализации [3]. Особую ценность этим моделям придает тот факт, что их авторы стремятся учитывать целостность факторов и условий вхождения молодого человека в мир политического и проследить особенности процесса политической социализации на разных уровнях.

В целом, на развитие политической субъектности молодежи и ее интеграцию в политический процесс оказывает влияние последовательность ряда стадий: 1) становление — стадия выявления и согласования политических интересов субъектов, постановка проблемы, конституирование целей и задач; 2) функционирование — разработка программы действий по реализации целей и реализация направлений в достижении поставленных задач; 3) развитие — активная деятельность субъектов по разработке и принятию административных и политических решений, контроль и координация за их исполнением; 4) оценка результатов (завершение) — оценивание итогов реализации намеченных планов: успех или провал в достижении поставленных целей и задач.

Так, в зависимости от формы политического участия и проявления уровня политической культуры молодежи виды ее интеграции в политический процесс можно условно разделить на две группы: пассивные и активные (рис.).

При этом стоит сказать, что пассивные формы участия в политическом процессе демонстрирует большая половина молодых граждан. К пассивному участию относится голосование на выборах, включая выражение позиции «против всех» (порча избирательных бюллетеней). Как показывают результаты исследования

Рис. Модели реализации социально-политического потенциала молодежи
Fig. Models of realization of social and political potential of youth

«Российское “поколение Z”: установки и ценности», «более 80% российских молодых людей либо не интересуются политикой, либо не имеют на этот счет определенного мнения. По-настоящему интересна она лишь 19% опрошенных россиян в возрасте от 14 до 29 лет»¹. Это возможно объяснить тем, что молодому поколению свойственно не понимать в полной мере смысл политики, по каким законам она работает и т. д. В силу различных субъективных и объективных факторов повседневные заботы молодых людей мало связаны с тем, что «они считают политикой».

Существуют также противоречия между утверждениями о политической апатии молодых, с одной стороны, и свидетельствами их интенсивного интереса и сфокусированности на местных вопросах и на том, каким образом глобальные проблемы сказываются на их жизни. Недостаточная вовлеченность молодежи в формальную политику представляет собой далеко не новый феномен, однако недавние изменения в опыте подростков и молодых взрослых, связанные, в частности, с влиянием процессов глобализации, могут оказать серьезное влияние на формы политического участия. Изменения, происходящие в мире позднего модерна, могут привести к серьезным негативным политическим последствиям. Большая индивидуализация опыта в сфере образования и трудовой деятельности может привести к ослаблению механизмов политической социализации, а опыт безработицы и страх потери работы — к падению уровня доверия к политической системе, росту поддержки крайне правых и крайне левых партий и даже к желанию использовать политическое насилие [2]. Вместе с тем «47% опрошенных молодых граждан полагают, что для России демократия является оптимальной моделью социально-политической системы. Среди наиболее распространенных у молодежи политических взглядов — социал-демократические (28%), националистические (16%), либеральные (12%) и коммунистические (11%)»².

¹ Мухамедшина Е. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике// Ведомости. 30.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (дата обращения: 12.02.2022).

² Мухамедшина Е. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике.

В целом, как представляется, молодежь довольно конформистски настроена, и это вполне можно объяснить тем, что ее политическое сознание лабильно, на фоне недостающего политического опыта и слабой политической роли агентов социализации.

Молодежные институциональные структуры в становлении политической субъектности молодежи

Стоит отметить, что среди важных институтов политической социализации молодого поколения должны выступать молодежные организации, объединения и институты парламентаризма.

Важными функциями развития молодежного общественного движения являются активизация социально-политического потенциала молодых граждан и укрепление их гражданских идентичностей. Вместе с тем одной из основных проблем при исследовании специфики молодежной политики общественных объединений и организаций в современной России является чрезмерная идеализация данных институциональных структур. Многие эксперты склоняются к мнению, что большинство молодежных организаций и объединений в России создаются далеко не по инициативе самих молодых граждан и для реализации интересов, волнующих конкретно молодежь. Пока большинство молодежных организаций и движений лишены прочного структурного и финансового основания. Стояли задачи по созданию новых, прокремлевских молодежных движений, участвующих в обеспечении стабильности политического режима и сохранении суверенитета страны. «Так, в российском политическом поле появились новые структуры политизированной молодежи, например, «Наши», «Идущие вместе»» [9, с. 107]. Однако данный политпроект, несмотря на авангард и довольно эксцентричные декларации его лидеров, не нашли должного уровня доверия и поддержки среди молодого поколения.

Еще одним немаловажным аспектом институционализации молодежных политических практик выступает молодежный парламентаризм.

В институт молодежного парламентаризма включены молодежные парламенты, консультативные советы, думы, палаты и др. Сегодня молодежное парламентское движение активно создается и развивается в России, Великобритании, Германии, США, Финляндии, Эстонии, Польше, Литве, Латвии, Финляндии и т. д. [12]. Продуктивные шаги в развитии российского молодежного парламентаризма делают Молодежная парламентская Ассамблея при Совете Федерации и Общественная молодежная Палата при Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Стоит отметить повсеместный рост молодежных парламентов в российских регионах. Данные тенденции должны позитивно сказаться на повышении электоральной и гражданской культуры молодежи и выражении ею адекватных моделей социально-политической активности.

Среди наиболее перспективных направлений деятельности молодежных парламентов как институтов политической социализации молодого поколения стоит назвать:

1) представление законных интересов молодых граждан в органах государственной власти и местного самоуправления. Основными формами здесь выступают общественные приемные, участие студенчества в проведении мониторингов по проблемам молодежи и ее положения в обществе, работа юридических и психологических «студенческих клиник» и т. п.;

2) развитие законодательных и гражданских инициатив молодежи. Средствами привлечения молодых граждан в нормотворческую деятельность выступают подготовка и выдвижение молодежными институциональными структурами своих предложений по актуальным вопросам в сфере государственной молодежной политики.

Законодательные молодежные инициативы оказывают влияние и на вопросы, касающиеся бюджетирования перспективных направлений государственной молодежной политики, формирование регионального и местного бюджетов по блоку «социальная политика» и др.;

3) стимулирование участия молодых граждан в стратегическом социально-экономическом развитии российского общества, региона, города и т.д. Активное участие молодежных парламентов в реализации государственных социально значимых программах и проектах как федерального, так и местного значения, например, экологические акции, «вахты памяти», социальные акции помощи инвалидам и детям-сиротам, донорская помощь и т.д. В такую работу вовлекаются как молодые парламентарии, так и молодежные общественные организации, что позволяет аккумулировать потенциал молодых граждан на местах;

4) реализация кадрового потенциала. Члены молодежных парламентских структур принимают активное участие в деятельности органов государственной власти в качестве дублеров. Практический опыт в сфере государственного и муниципального управления, а также законотворческой деятельности позволяет им выстраивать собственные карьерные стратегии и способствует профессиональному росту в данной области [15];

5) повышение электоральной и парламентской культуры молодежи. Члены молодежных парламентов занимаются широкой просветительской работой с молодыми избирателями, направленной на повышение уровня их правовой культуры. Молодежные парламенты обеспечивают электоральные потребности молодых граждан в необходимой общественно-политической информации через сайты и социальные сети интернет, а также региональную прессу и телевидение. Совместно с избиркомами молодежные парламенты проводят ежегодные круглые столы в рамках празднования Дня российского парламентаризма с активным участием студенчества.

При этом реальное и конструктивное взаимодействие молодежных парламентов с государственными структурами основано на обеспечении следующих принципов:

- органы государственного и муниципального управления, во-первых, несут обязательства по просвещению молодых парламентариев в вопросах политического управления, социальной политики, регионального законодательства, парламентской работы и т.д.; во-вторых, берут на себя обязательства по созданию необходимых условий для демократичного и легитимного развития молодежных совещательных институциональных структур;
- молодежные парламенты должны отвечать потребностям современного молодого поколения в реализации своих законодательных и гражданских инициатив.

Однако при пристальном изучении деятельности молодежных парламентов и молодежных общественных палат как субъектов социализации следует, что нормы молодежного парламентаризма скорее имитируют включение молодого поколения в процесс принятия политических решений в отсутствие реальных управленческих ресурсов.

Указанные факторы непосредственным образом отражаются на типах политического поведения и участии молодых граждан в общественно-политических практиках. В реальности продолжает сохраняться противоречие между официально декларируемыми целями политики молодежных организаций и потребительским отношением к молодому поколению контрагентов процесса ее политической социализации, поэтому молодежь и демонстрирует к данным институтам зачастую индифферентное отношение и, как следствие, дистанцируется от общественно-политической деятельности. Фрагментарное участие молодых граждан в деятельности молодежных общественных организаций коррелирует с уровнем

их доверия данным институтам, а также степенью удовлетворения насущных проблем, которые призваны решить молодежные объединения. Снижение конструктивного государственно-гражданского диалога, который должны поддерживать молодежные объединения, приводит к формированию мобилизационного типа общественно-политического участия молодого поколения и потребительским ориентациям.

Как уже было сказано, молодые граждане не имеют четкой устоявшейся позиции по отношению к политике, формирование их взглядов и ориентаций происходит под влиянием агентов социализации, отсюда слабая критическая позиция. Ключевыми проблемами, влияющими на социально-политические установки российской молодежи, являются: рост коррупции, произвол чиновников (45%), недовольство общественно-политическим устройством — несовершенство политической системы, фактическое несоблюдение Конституции РФ, безответственность власти (27%). Также довольно большая часть опрошенной молодежи (25%) считает российскую экономику слабой и отсталой, а производство характеризует как неэффективное, устаревшее. В фокусе внимания молодежи оказалось и отставание страны в развитии передовых IT-технологий. Более 20% молодых респондентов указали на вопросы, касающиеся низкого уровня жизни в стране, слабый уровень социальной защищенности. Вместе с тем, протестный потенциал опрошенной молодежи носит во многом ценностный, альтруистический характер [5].

Специфика интернет-социализации молодого поколения

Электронные массмедиа расширяют для своих пользователей сферу интерактивного участия и создают принципиально новые технологии коммуникации. Новые медийные платформы способны интегрировать личное пространство с общественным, постепенно трансформируя в единое целое, «что также создает новые стимулы для появления новых форм медиаконтента» [8, с. 29]. Причем в этом случае нельзя не упомянуть такую немаловажную деталь влияния электронных медиа на социализацию молодежи, как кумулятивный эффект. Одно и то же изображение, текст, появляющийся в интернете, молодой человек может видеть десятки и сотни раз, а иногда и тысячи. Это приводит к накоплению впечатлений и укреплению в сознании того или иного образа.

Важной особенностью электронных СМИ является возможность вовлечения аудитории в диалог посредством различных форм обратной связи: онлайн комментирование, голосование за понравившийся материал, распространение понравившихся материалов через блоги и персональные страницы в социальных сетях.

Из этого следует, что электронные СМИ как участники процесса социализации личности зачастую несут большую нагрузку, чем семья и школа, а в контексте политической социализации их влияние нельзя недооценить только потому, что этот вид информирования имеет обширный, часто обновляемый контент, привлекательную форму подачи и круглосуточное воздействие на молодежную аудиторию [6].

Необходимо учитывать, что количество времени, проводимого современным человеком за компьютером, просмотром новостей и изложением собственной точки зрения на политические реалии, неуклонно растет. При этом для молодежи «главными источниками новостей о событиях в нашей стране служат социальные сети и блоги в интернете (35–45%), новостные, аналитические и официальные сайты в интернете (20%), телевидение (11–19%), мессенджеры (4%). Если говорить о популярности социальных сетей и мессенджеров, то наиболее популярные в России социальные сети и мессенджеры (топ-5): WhatsApp (83%), YouTube (75%),

ВКонтакте (61%), Instagram¹ (53%) и Telegram (42%). Наибольший интерес аудитории соцсетей и мессенджеров вызывают следующие материалы (топ-5): новости о событиях в стране и мире (49%), политика (42%), образование и саморазвитие (39%), юмор (37%), а также еда и рецепты (36%)»². Примечательно, что больше половины российской молодежи активно используют цифровые коммуникации для получения профессионального образования [13].

Растущая онлайн-активность российских граждан, в том числе и молодежи, способствует не только трансформации самой медиатизированной политики и смещению вектора коммуникационного процесса. «Развитие цифровых технологий открыло новые возможности перевода политических процедур в электронный вид» [16, с. 106]. Важно также указать и на повышение транспарентности государственно-го управления, открытости правительства, что в целом повышает степень процесса демократизации в российском обществе. Удачным примером может служить практика электронного голосования, которая нашла наибольший отклик среди молодежного электората. Как показывают результаты исследования ВЦИОМ «молодежь в возрасте от 18 до 34 лет демонстрирует наибольший уровень поддержки голосования через интернет, меньше других участвуют в традиционном голосовании и чаще придерживаются стратегии ситуативного участия (от 18 до 24 лет (71%) и от 25 до 34 лет (51%))»³. Данная интернет-технология, с одной стороны, наиболее приемлема для молодых избирателей, которые более легко могут справиться с технологическими барьерами онлайн-среды по сравнению с возрастным населением. С другой стороны, электронное голосование является достойной альтернативной «бумажному» формату и способно повысить степень включения молодого поколения в политический процесс, а также сформировать стойкую привычку на выражение активного электорального поведения.

В ходе системного анализа выявлено, что массмедиа были и остаются важнейшим институтом политической социализации молодежи по сравнению с институтами государственной молодежной политики, в том числе молодежными объединениями, молодежными палатами и парламентами. Мы разделяем мнение российских ученых, что молодежь уходит не в политический протест, а в свой виртуальный мир [1], поэтому внимание органов власти должно быть направлено на информационную молодежную политику, важны механизмы и адекватные каналы трансляции в СМИ, интернете, соцсетях и т. д.

Мобилизационный эффект киберсоциализации и риски интернетизации

Стоит подчеркнуть, что каждое последующее поколение перенимает ценностно-культурный фон и опыт предшествующих поколений, но это усвоение происходит уже в новой действительности и социально-политической обстановке, что так или иначе влияет на процесс и результат социализации. И здесь нельзя забывать, что нарастание апатии и равнодушия со стороны молодых людей, рост правового

¹ Компания Meta Platforms (социальные сети Facebook и Instagram) признана в России экстремистской организацией и запрещена.

² Медиапотребление и активность в интернете // Аналитический обзор ВЦИОМ. 23 сентября 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки // Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры. 29.05.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/elektronnoe-golosovanie-novye-tehnologii-menyayut-elektoralnye-privychki> (дата обращения: 11.02.2022).

и политического нигилизма могут стать причиной протестного поведения. Стоит сказать, что для современного политического процесса характерен определенный парадокс. В то время как ценности либеральной идеологии в большей или меньшей степени становятся ориентиром для политического развития большинства стран мира, в странах развитой демократии все с большей тревогой говорят о растущей политической апатии молодежи, о ее нежелании участвовать в деятельности традиционных политических институтов, о «закате» партийной политики. Мы можем наблюдать периодический всплеск в развитых странах малоизученного и опасного процесса: активное вовлечение молодежи в деятельность террористических и экстремистских группировок, чаще всего исповедующих ценности радикального исламского фундаментализма. В последнее время этот процесс нарастает и в России.

Наш анализ показал, что основным инструментом вербовки и пропаганды новой идеологии и новых ценностей, радикальной политической культуры и экстремистских форм политического поведения становятся электронные СМИ, вытесняющие из процесса социализации более традиционные институты воспитания.

Сегодня киберсоциализация расширяет спектр рисков и угроз, так как глобальная сеть открывает пользователю доступ практически к любому контенту: от электронных библиотечных систем, онлайн-кино, виртуальных концертов до сайтов, пропагандирующих информацию манипулятивного, деструктивного и социально опасного содержания.

Цифровые платформы могут служить площадкой создания радикального молодежного движения и нового движения диссидентов. Наибольшую опасность представляет особая «разновидность» киберпреступников, на сайтах которых распространяются радикальные доктрины, ведется широкая пропагандистская кампания террористического или экстремистского содержания.

Агрессивность информационного воздействия в настоящее время актуализирует постоянное внимание к вопросам влияния кибертехнологий на подрастающее поколение. Перед российским обществом возникла проблема формирования готовности молодых граждан к противодействию вовлечения в киберэкстремистскую деятельность. Как заметил Е. В. Диденко, «киберэкстремизм — это экстремизм, распространяющийся только в сети интернет посредством персональных мобильных устройств» [4, с. 39].

При данных обстоятельствах вполне объективно говорить о необходимости усиления государственного регулирования деятельности электронных медиа в России. Для того чтобы противостоять киберугрозам, российские законодатели утвердили ряд поправок в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», касающиеся распространения информации в социальных сетях: «1) социальные сети, насчитывающие более 500 тыс. пользователей в сутки, попадают под контроль Роскомнадзора и будут включены в специальный реестр социальных сетей. В этом перечне значатся YouTube, Facebook¹, TikTok, Instagram, Twitter, Одноклассники, ВКонтакте, Telegram и WhatsApp²; 2) при выявлении противоправного контента, социальные сети должны незамедлительно ограничить доступ к нему. Теперь владельцы соцсетей обязаны сами отслеживать и блокировать детскую порнографию, призывы к экстремизму, разжиганию нацио-

¹Компания Meta Platforms (социальные сети Facebook и Instagram) признана в России экстремистской организацией и запрещена.

²Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Правовой справочный ресурс КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 14.02.2022).

нальной розни, суицидам, потреблению наркотических средств, а также призывы принять участие в массовых протестах.

Согласно федеральному законодательству, Роскомнадзор блокирует службы обмена сообщениями, которые отказываются предоставлять данные своих пользователей, и закрывает доступ к сайтам, которые классифицируются как экстремистские.

С 1 марта 2021 г. вступили в силу изменения в ст. 13.15 КоАП (о злоупотреблении свободой массовой информации). Статья вводит административную ответственность СМИ за публикации про включенные в список иностранных агентов организации, объединения и физлица без указания их статуса иноагента. Согласно нововведениям, все СМИ обязаны делать маркировку при упоминании любых иноагентов. Под действие федерального законодательства подпадают иностранные веб-ресурсы, дискриминирующие российские СМИ (в их числе все те же Twitter, Facebook, YouTube).

В Совете Федерации обсуждают законодательные меры по предупреждению кибернасилия в отношении детей и кибербуллинга и ужесточение ответственности за «фейк-ньюс». В КоАП и Уголовном кодексе могут появиться отдельные статьи о травле и оскорблении несовершеннолетних в интернете, а также с помощью мобильных телефонов и мессенджеров.

Таким образом, согласно российскому законодательству, все интернет-ресурсы (веб-сайты, социальные сети, онлайн-библиотеки, блоги и т.д.) наравне с традиционными массмедиа несут соответствующую уголовную, гражданскую и административную ответственность за информацию, которую распространяют и публикуют.

Медиаобразование как мера оптимизации интернет-социализации молодежи

Некоторые исследователи отмечают, что «сегодня главной составляющей происходящей политической борьбы в современном мире остается информационное противоборство, включающее распространение идей, ценностей, мифов...» [4, с. 56]. Что касается молодежи, то она реагирует на СМИ обостренно, и это надо учитывать. К тому же, как отмечают эксперты, существует некий феномен «абсолютного доверия», который у старшего поколения проявлялся как безграничная вера в печатное слово, теперь такой же эффект наблюдается и у молодежи, только в отношении интернет-информации: критический порог снижен, что приводит к возможности относительно легкого манипулирования.

Поэтому среди основных направлений оптимизации процесса киберсоциализации российской молодежи целесообразно назвать повышение у нее информационной культуры, уровня медийной грамотности, развитие критического политического мышления и медиаобразования. «В структуру медийно-информационной грамотности входят: умение осознавать свои информационные потребности; грамотно и безопасно искать и находить нужную информацию; оценивать ее и анализировать с точки зрения качества; грамотно и безопасно использовать эту информацию» [11, с. 124–125].

Сегодня государственные институты активно вовлечены в процесс совершенствования управлением медиаобразования молодежи в условиях цифровизации всех сфер жизнедеятельности страны. Так, в 2017 г. по итогам Международного форума «Медиаобразование в педагогической сфере» Министерство образования и науки РФ выступило с инициативой разработать стратегию по размещению в социальных сетях социально значимой информации. «К ведению страниц на популярных интернет-площадках (ВКонтакте, Одноклассниках, Facebook,

Twitter, Instagram, YouTube, Livejournal) решено привлекать блогеров, освещающих как общие темы, так и связанные с образовательной, научной или социальной сферой»¹.

Также в целях государственного регулирования медиаобразовательной политики и укрепления цифрового интеллекта российской молодежи Министерством науки и высшего образования в 2021 г. разработана «Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования в РФ». Данный документ подготовлен с учетом передовых мировых тенденций, а также российского опыта цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования.

Выводы

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов и заключений.

В ходе системного анализа выявлено, что электронные СМИ были и остаются важнейшим институтом социализации молодежи по сравнению с такими институтами государственной молодежной политики, как молодежные объединения и организации, молодежные общественные палаты и парламенты.

Современная российская молодежь, как представляется, вовсе не аполитична, и она интересуется политикой и готова в нее включаться, только не формализованными способами, а индивидуально. Конформистские настроения молодых людей, вполне можно объяснить тем, что в силу возраста их политическое сознание лабильно, большинству из них недостает политического опыта при очевидно слабой политической роли агентов социализации. В реальности продолжает сохраняться противоречие между официально декларируемыми целями политики молодежных организаций и потребительским отношением к молодому поколению контрагентов процесса ее политической социализации.

Повсеместная информатизация общества обострила проблему информационной безопасности личности. Формирование политических ориентаций и ценностей молодых граждан протекает под все нарастающим воздействием глобальной сети. Интернет представляет собой хаотичный набор информации и поэтому спектр рисков киберсоциализации молодой личности довольно широк. Архиважными остаются проблемы гигиены медийной политики, медиаграмотности и повышения информационной культуры молодежи. Расширение информационного противоборства и новые вызовы мировой политики потребовали разработки правовых мер по усилению государственного регулирования деятельности электронных медиа и повышению ответственности владельцев социальных сетей за распространение информации в интернете.

Глубокая интернетизация политической и социальной жизни потребовала детального пересмотра коммуникаций с использованием электронных медиа. Интернет-медиа-тизацию политики возможно рассматривать не только как направление к трансформации модели коммуникации, но и как движение к открытому правительству и одновременно как результат повышения интерактивного участия молодежи. Имеются удачные практики использования онлайн-технологий в избирательном процессе. Так, например, молодежь как более технологичная и креативная группа поддержала идею электронного голосования, что в дальнейшем будет способствовать ее интеграции в политический процесс и реализации социально-политической субъектности.

Проведенный анализ показал, электронные медиатехнологии имеют огромный арсенал по манипуляции сознанием и поведением молодого поколения, чьи установки не имеют четких ориентиров. Гиперактивное влияние электронной

¹ Ликбез XXI века. Задача сегодняшнего дня — повышение медиаграмотности детей и подростков [Электронный ресурс]. URL: <https://ug.ru/likbez-xxi-veka-zadacha-segodnyashnego-dnya-povyshenie-mediagramotnosti-detej-i-podrostkov/?ysclid=kzmtbletj4> (дата обращения: 19.01.2022).

медиа-среды на форматы социально-политических событий становится фактором нестабильности и бросает вызов системе национальной безопасности. Сегодня остро встает социальная проблема по поводу пропаганды экстремизма и терроризма в социальных сетях, деструктивного контента и отсутствия цензуры в интернете.

Медиаобразовательные технологии и государственные меры по повышению медиаграмотности молодежи направлены на оптимизацию процесса ее интернет-социализации. При этом стоит особо подчеркнуть, что процесс политической социализации молодежи обуславливает формирование у нее национально-государственной идентичности, что непосредственно связано со стабильностью политического режима в стране и даже сохранением конституционного строя. Органы власти заинтересованы в выработке продуктивных механизмов общественного контроля за формированием в молодежной среде духовных ценностей, отвечающих национальным интересам страны, воспитание патриотизма и гражданской ответственности за ее судьбу.

Литература

1. Бродовская Е. В. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. В. Синяков, А. А. Азаров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 228–251.
2. Васецкий А. А. «Новые СМИ» в процессе политической социализации молодежи / А. А. Васецкий, А. А. Малькевич // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2011. № 3. С. 43–48.
3. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб., 2001. 256 с.
4. Горбатова Н. В. Современные СМИ как инструмент политической социализации молодежи / Н. В. Горбатова, А. А. Малькевич // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 52–63.
5. Гудков Л. «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия, А. Рысева // Вестник общественного мнения. 2020. № 1–2 (130). С. 21–121.
6. Гуреева А. Н. Медиаактивность российской молодежи как драйвер медиатизации политики // Век информации. 2020. Т. 8. № 2. С. 31–36.
7. Диденко Е. В. Анализ состояния проблемы киберэкстремизма среди молодежи // Инновационные технологии в подготовке современных профессиональных кадров: опыт, проблемы: сб. научных трудов. Челябинск : Челябинский филиал РАНХиГС, 2019. С. 37–42.
8. Добринская Д. Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21–38.
9. Емельянов В. А. Создание прокремлевских молодежных общественно-политических организаций // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2012. № 3. С. 104–109.
10. Каландашвили З. Н. Актуальные проблемы правовой культуры российской молодежи. СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2019. 171 с.
11. Малик Е. Н. Воздействие СМИ на политическую культуру и социально-политическую активность молодежи. Орел : Академия ФСО России, 2021. 140 с.
12. Мархинин В. В. Молодежный парламентаризм в современной России: тенденции и перспективы развития в регионах / В. В. Мархинин, Н. В. Ушакова // Власть. 2019. № 4. С. 40–45.
13. Мироненко Н. В., Строева О. А. Академические программы подготовки магистров: зарубежный опыт // Управленческое консультирование. 2015. № 12 (84). С. 75–82.
14. Оганян К. М. Политическая культура современной молодежи // Наука. Инновации. Технологии. 2019. № 2. С. 189–196.
15. Омельченко Е. Л. Поведенческие практики и социально-сетевые предпочтения нового поколения российской молодежи в начале XXI века // Социальные сети и виртуальные

- сетевые сообщества : Сб. науч. трудов. Сер. «Информация. Наука. Общество». РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований / отв. ред. Верченнов Л. Н., Ефременко Д. В., Тищенко В. И. М., 2019. С. 191–200.
16. Устинович Е. С. Государственная политика в сфере информационных технологий. Курск, 2011. 283 с.
  17. Ebert Ph. Nudge Management: Applying Behavioural Science to Increase Knowledge Worker Productivity / Ph. Ebert, W. Freibichler // Journal of Organization Design. 2017. Vol. 6. N 4. P. 18–29.
  18. Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change // Mediatization: Concept, Changes, Consequences / ed. K. Lundby. New York : Peter Lang. 2019. P. 21–40.

Об авторе:

Малик Елена Николаевна, сотрудник Академии ФСО России (Орел, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; malik57-elena@mail.ru. SPIN: 7241-3793.

References

1. Brodovskaya E. V. The influence of digital communications on the formation of the professional culture of Russian youth: the results of comprehensive applied research / E. V. Brodovskaya, A. Yu. Dombrovskaya, R. V. Pyрма, A. V. Sinyakov, A. A. Azarov // Public opinion monitoring: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye pere-meni]. 2019. N 1 (149). P. 228–251 (in Rus).
2. Vasetsky A. A. "New Media" in the process of political socialization of youth / A. A. Vasetsky, A. A. Malkevich // Administrative consulting. Current problems of state and municipal administration [Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniy]. 2011. N 3. P. 43–48 (in Rus).
3. Vershinin M. S. Political communication in the information society. SPb., 2001. 256 p. (in Rus).
4. Gorbatoва N. V. Modern media as an instrument of political socialization of youth / N. V. Gorbatoва, A. A. Malkevich // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 5. P. 52–63 (in Rus).
5. Gudkov L. "Generation Z": Youth of the time of Putin's rule / L. Gudkov, N. Zorkaya, E. Kochergina, K. Pipia, A. Ryseva // Bulletin of Public Opinion [Vestnik obshchestvennogo mneniya]. 2020. N 1–2 (130). P. 21–121 (in Rus).
6. Gureeva A. N. Media activity of Russian youth as a driver of mediatization of politics // Information Age [Vek informatsii]. 2020. Vol. 8. N 2. P. 31–36 (in Rus).
7. Didenko E. V. Analysis of the state of the problem of cyber extremism among youth // Innovative technologies in the training of modern professional personnel: experience, problems: combat scientific works. Chelyabinsk : Chelyabinsk branch of RANEPa, 2019. P. 37–42 (in Rus).
8. Dobrinskaya D. E. Sociological understanding of the Internet: theoretical approaches to network research // Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2016. N 3. P. 21–38 (in Rus).
9. Emelyanov V. A. Creation of pro-Kremlin youth socio-political organizations // Bulletin of Moscow State University named after M. A. Sholokhov [Vestnik MGSU im. M. A. Sholokhova]. 2012. N 3. P. 104–109 (in Rus).
10. Kalandashviri Z. N. Topical problems of the legal culture of Russian youth. SPb. : IVESEP, Knowledge, 2019. 171 p. (in Rus).
11. Malik E. N. Impact of mass media on political culture and social and political activity of youth. Eagle: FSO Academy of Russia, 2021. 140 p. (in Rus).
12. Markhinin V. V. Youth parliamentarism in modern Russia: trends and prospects for development in the regions / V. V. Markhinin, N. V. Ushakova // Power [Vlast']. 2019. N 4. P. 40–45 (in Rus).
13. Mironenko N. V., Stroeva O. A. Academic master's training programs: foreign experience // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 12 (84). P. 75–82 (in Rus).
14. Ohanyan K. M. Political culture of modern youth // Science. Innovation. Technology [Nauka. Innovatsii. Tekhnologii]. 2019. N 2. P. 189–196 (in Rus).
15. Omelchenko E. L. Behavioral practices and socio-network preferences of the new generation of Russian youth at the beginning of the 21st century // Social networks and virtual network communities: Collection of scientific works. Ser. "Information. Science. Society. RAS. INION.

- Center for Social Scientific and Information Research / ed. by Verchenov L. N., Efremenko D. V., Tishchenko V.I. M., 2019. P. 191–200 (in Rus).
16. Ustinovich E.S. State policy with the field of information technology. Kursk, 2011. 283 p. (in Rus).
  17. Ebert Ph. Nudge Management: Applying Behavioural Science to Increase Knowledge Worker Productivity / Ph. Ebert, W. Freibichler // Journal of Organization Design. 2017. Vol. 6. N 4. P. 18–29.
  18. Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change // Mediatization: Concept, Changes, Consequences / ed. K. Lundby. New York : Peter Lang. 2019. P. 21–40.

About the author:

Elena N. Malik, PhD in Political Sciences, Associate Professor, employee of Academy of Federal Guard Service of the Russian Federation (Orel, Russian Federation); malik57-elena@mail.ru. SPIN: 7241-3793.

Дискурс всемирного культурного наследия

Сосновская А. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; sosnovskaya-am@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Данный обзор статей следует методологии Х. Снайдер (2019) и основан на исследовании, которое представляло собой сбор, анализ и сопоставление актуальных публикаций в области изучения культурного наследия ЮНЕСКО за последние пять лет количественными методами в репозиториях Web of Science и Scopus. Научометрический анализ, произведенный с помощью программ VOSviewer_1.6.16_exe CitNetExplorer_1.0.0_exe, позволил вычлнить в огромном массиве публикаций наиболее релевантные и цитируемые статьи, прошедшие верификацию научным сообществом, акцентировал внимание ученых на смысловых «узлах» кластеров, т.е. ценностях, которые направляют социальные и политические практики. Предпринятое исследование показывает, что дискурс наследия ЮНЕСКО и идентичности в связи с наследием не ограничивается традиционной рамкой этноса и управления, а включает в себя широкий спектр общественных, природных и личных состояний, исследование которых имеет большое теоретическое и практическое значение. Изучение вовлеченных акторов, в том числе природных, культурных и технических non-humans, позволяет принимать более эффективные меры политики сохранения в контексте природных и экологических изменений, политики управления мировым наследием, политики локальной идентичности в связи с местом и наследием, сократить дистанцию между «управляющими» наследием и теми, для кого управление осуществляется, живущими рядом с наследием, представителями гражданского общества, которые идентифицируют себя с группами, пересобирающимися вокруг наследия.

Ключевые слова: наследие, обзор, идентичность, АСТ, управление

Для цитирования: Сосновская А. М. Дискурс всемирного культурного наследия // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 108–123.

World Cultural Heritage Discourse

Anna M. Sosnovskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; sosnovskaya-am@ranepa.ru

ABSTRACT

This review of articles follows the methodology of H. Snyder (2019) and based on a study that was a collection, analysis and comparison of relevant publications in the field of UNESCO cultural heritage studies over the past five years by quantitative methods in the Web of Science and Scopus repositories. The scientometric analysis made by means of the VOSviewer_1.6.16_exe CitNetExplorer_1.0.0_exe programs made it possible to distinguish the most relevant and cited articles in a vast array of publications the most relevant and cited articles, verified by the scientific community, focused the attention of scientists on semantic “nodes”, that is, values that guide social practices. The undertaken study shows that the concepts of UNESCO heritage, and identity in connection with heritage, are not limited to the traditional framework of ethnos and governance, but include a wide range of social, natural and personal conditions, the study of which is of great theoretical and practical significance. The study of the actors involved, including natural and technical non-humans, makes it possible to take more effective conservation policies in the context of natural and environmental changes, world heritage

management policies, identity policies in relation to place and heritage, reduce the distance between the “managers” of heritage and those for whom it is being managed, residents close to the heritage, civil society representatives who identify with the groups re-gathering around the heritage.

Keywords: heritage, review, identity, ANT, management

For citing: Sosnovskaya A. M. World Cultural Heritage Discourse // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 108–123.

Введение

В политических и социальных науках по вопросу всемирного наследия, как мы еще раз убедились в процессе нашего обзора, самая большая доля статей приходится на политические и управленческие вопросы, рассматривается в первую очередь управление наследием и формирование идентичности локальных сообществ как часть процесса идентификации с местом и культурной памятью.

Предпринятое исследование показывает, что научный дискурс наследия ЮНЕСКО и идентичности в связи с наследием не ограничивается традиционной рамкой этноса и управления, а включает в себя широкий спектр общественных, природных и личных состояний, исследование которых имеет большое теоретическое и практическое значение.

Изучение вовлеченных акторов, в том числе природных, культурных и технических *non-humans*, позволяет принимать более эффективные меры политики сохранения в контексте природных и экологических изменений, политики управления мировым наследием, политики идентичности в связи с местом и наследием, сократить дистанцию между «управленцами» и теми, для кого управление осуществляется, живущими рядом с наследием, представителями гражданского общества, которые идентифицируют себя с группами, пересобирающимися вокруг наследия.

При создании этого обзора изначально были выбраны статьи по теме и ключевому слову для поиска «Наследие ЮНЕСКО» в ведущих рецензируемых научных журналах баз Web of Science и Scopus. Было найдено 6109 результатов — Web of Science Core Collection за 5 лет (2018–2022), — распределенных по разным направлениям общественных наук. В связи с широкими возможностями разработки концепции наследия в общественных науках, отобранные журналы представляют такие научные разделы в первых строчках списка, предложенного наукометрическими программами, как архитектура, инженерное строительство, науки о земле, науки об окружающей среде, технология строительства, археология, гуманитарные науки, зеленые устойчивые научные технологии, информатика и искусственный интеллект, экологические исследования, гостеприимство — досуг — спорт — туризм. Такое позиционирование нашего объекта изучения в научном контексте оправдывает наш выбор методологически использовать рамки акторно-сетевой теории, поскольку в этих дисциплинах часто фиксируются действия, сети, отношения природных, культурных и нечеловеческих агентов.

Городская идентичность формируется посредством практик и выстраивания сетей отношений при постоянном взаимодействии и взаимовлиянии человеческих и нечеловеческих агентов (города), с которыми невозможно не считаться.

Методы

Обзор статей наукометрических баз Web of Science и Scopus по ключевым словам и тематическим предпочтениям за 2018–2022 гг. предпринят, чтобы обозначить об-

ласти изучения культурного наследия ЮНЕСКО в мировом научном дискурсе, а также чтобы экстраполировать релевантные темы и методы на наш исследовательский диссертационный проект «Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга».

Данный обзор статей следует методологическому дизайну нашей статьи 2021 г. [31], посвященной политике и трансформации идентичности, по методологии Х. Снайдер (2019) [27].

Наукометрический анализ, представляющий макроуровень исследования, произведенный с помощью программ VOSviewer_1.6.16_exe CitNetExplorer_1.0.0_exe, позволил вычленил в огромном массиве публикаций наиболее релевантные и цитируемые статьи, прошедшие верификацию научным сообществом, акцентировал внимание ученых на смысловых «узлах» кластеров, т.е. ценностях, которые направляют социальные практики, а также позволил ответить на вопросы по фоновым практикам, организующим знание в рамках дискурсивного анализа.

При создании обзора были выбраны статьи по теме и ключевому слову для поиска «Наследие ЮНЕСКО» в ведущих рецензируемых научных журналах баз Web of Science и Scopus. Было найдено 6109 результатов — Web of Science Core Collection за 5 лет (2018–2022), — распределенных по разным направлениям общественных наук, которые далее мы перечислим по убыванию количества статей. Мы воспроизвели не весь список журналов, а только достаточное число наименований для того, чтобы вошли интересующие нас отрасли знания, а именно социология и политология.

Архитектура (978 статей), Инженерное строительство (591), Науки о Земле Многопрофильные (533), Науки об окружающей среде (482), Технология строительства (457), Археология (442), Гуманитарные науки (396), Зеленые устойчивые научные технологии (386), Информатика — Искусственный интеллект (362), Экологические исследования (326), Гостеприимство — Досуг — Спорт — Туризм (284), Робототехника (246), Инженерные биомедицинские науки (243), Медицинская информатика (242), Материаловедение (223), География (218), Изобразительное искусство (194), Междисциплинарные социальные науки (194), Антропология (186), Городские исследования (181), Физическая география (176), История (176), Дистанционное зондирование (176), Культурология (156), Междисциплинарные науки (154), Экология (132), Инженерия Электротехника Электроника (132), Водные ресурсы (130), Аналитическая химия (124), Наука о изображениях фото-технологии (124), Региональное городское планирование (118), Фольклор (112), Сохранение биоразнообразия (104), Спектроскопия (103), Экономика (97), Инженерно-геологические науки (94), Информатика (91), Библиотекосведение (90), Геология (88), Право (85), Краеведение (82), Управление (81), Междисциплинарные приложения компьютерных наук (78), Образование — Образовательные исследования (74), Международные связи (70), Инженерно-экологические науки (60), Методы теории информатики (58), Информационные системы компьютерных наук (54), Политическая наука (54), Морская пресноводная биология (51), Бизнес (46), Метеорология — Атмосферные науки (46), Азиатские исследования (45), Социология (44).

Журналы представляют такие научные разделы в первых строчках списка, как архитектура, инженерное строительство, науки о земле, науки об окружающей среде, технология строительства, археология, гуманитарные науки, зеленые устойчивые научные технологии, информатика и искусственный интеллект, экологические исследования, гостеприимство — досуг — спорт — туризм. Такое позиционирование нашего объекта изучения в научном контексте оправдывает наш выбор методологически использовать рамки акторно-сетевой теории, поскольку в этих дисциплинах часто фиксируются действия, сети, отношения природных, культурных и нечеловеческих агентов.

Городская идентичность формируется посредством практик и выстраивания сетей отношений при постоянном взаимодействии и взаимовлиянии человеческих и нечеловеческих агентов (города).

Тема наследия, дискурса наследия, конструирования локальной идентичности в связи с наследием, как оказалось в процессе исследования, является исключительно актуальной в текущем широком контексте как научного дискурса, так и общественно-политической повестки.

Результаты и обсуждение

Первые визуализации и их анализ были сделаны весной 2021 г. Надо отметить, что наблюдается постоянная динамика в связи с появлением новых статей, однако тенденции идентичны.

Наукометрическое исследование проводилось нами в течение 2021–2022 гг. и нашло свое отражение в научных статьях. Сейчас мы следуем методам, продуктивность которых подтверждена предшествующими нашими исследованиями.

Сначала использовались количественные методы — наукометрическое описание больших данных с помощью технических программ VOSviewer_1.6.16_exe CitNetExplorer_1.0.0_exe и на основе методологии Ханны Снайдер [27]. Данные программные инструменты позволяют работать с большим массивом данных (big data) и помогают делать подбор литературы систематически и более объективно. Вторая часть работы — качественный анализ статей, найденных тематических кластеров — подразумевает как выявление доминирующих тем и методов, так и поиск лакун для дальнейшего исследования.

По результатам текущего анализа мы:

- 1) реконструировали тематические узлы научного интереса к вопросу;
- 2) обозначили проблемы и тенденции научного знания по теме;
- 3) сделали резюме ключевых статей;
- 4) собрали архив всех материалов;
- 5) выявили лакуны для дальнейших исследований городской идентичности и дискурса в связи с наследием;
- 6) предложили методологию изучения научного дискурса.

Обзор статей делался на основе анализа англоязычных научных баз данных Web of Science и Scopus.

На первом этапе исследования поиск осуществлялся по ключевому слову или тегу «наследие ЮНЕСКО», репозитории предложили около 6109 работ в течение февраля 2022 г., с которыми индивидуальному исследователю не справиться.

«Технические программные инструменты помогают делать подбор литературы систематически и объективно, поскольку, устанавливая корреляции между публикациями, предлагают наиболее значимые и цитируемые работы. Использование инструментов для анализа наукометрических больших данных научных репозитариев за разные временные отрезки дает представление о динамике научного интереса по теме» [31].

В течение 2021–2022 гг. было обработано более 5 тыс. аннотаций и около 1000 статей и отобрано 40 наиболее релевантных по нашей теме. За время исследования нами было предпринято около 30 визуализаций по разным ключевым словам. Здесь использовались следующие фильтры: последние 5 лет и категории дисциплин, представленные выше, отобранные по убыванию, чтобы туда вошли «Политические науки», «Междисциплинарные социальные науки», «Городские исследования», «Социология».

Сначала мы посмотрели самые цитируемые статьи. Общая визуализация представляет собой маркеры 6109 статей. Часть статей — в центре — обладает связями, они

показаны на нашем рисунке, а другая часть — статьи, находящиеся на периферии рисунка, — не связаны между собой и представляют набор точек/узлов (рис.). Мы приняли решение рассмотреть по 5 самых крупных узлов, самых цитируемых статей, — 5 с периферии и по 5 из каждого кластера, которых также 5. Таким образом, мы изучили 30 статей из этой визуализации. Еще около двух десятков статей прибавилось в результате исследования ссылок и литературы рассматриваемых статей.

Сначала мы рассмотрели 5 крупных узлов на периферии. Исследователи из разных стран пишут о проблемах сохранения наследия.

Исследователи из Саудовской Аравии, Abdulelah Al-Tokhais & Brijesh Thapa (2020), делают обзор материалов по теме наследия, пишут о проблемах управления наследием. Они рассматривают 5 объектов всемирного наследия (ОВН), показывая, что туристические потоки «оказывают серьезное воздействие на объекты, которым не хватает ресурсов для сохранения и управления» [1]. Ученые свидетельствуют о проблемах распределения ресурсов, препятствии для реализации планов управ-

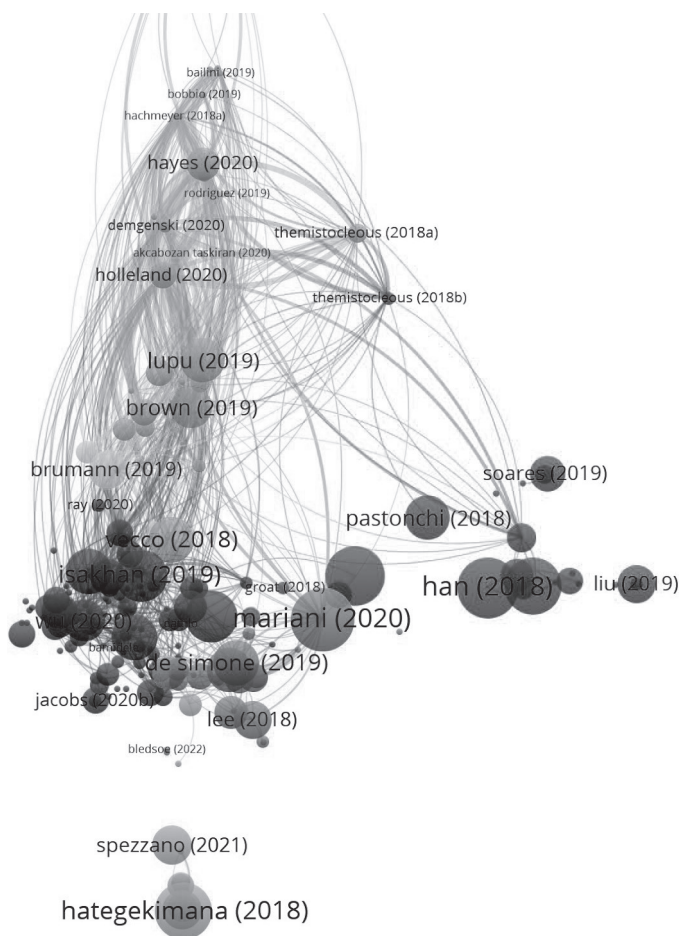

Рис. Наиболее цитируемые статьи (по ключевому слову или тегу «наследие ЮНЕСКО»), обладающие взаимными связями и распределенные по кластерам

Fig. Most cited articles (key word "UNESCO heritage") having mutual connections and distributed over clusters

ления, давлении со стороны туризма и городского развития, а также о связанном с этим воздействием на окружающую среду. Указывают на необходимость корректировки таких последствий посредством устойчивого управления объектом всемирного наследия в стране.

Для нашего объекта всемирного наследия («Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников») актуальны все описываемые проблемы: нехватка ресурсов для сохранения и реставрации, отсутствие последовательного плана управления, необходимость переориентации туристических потоков от традиционных дестинаций на менее популярные, конфликт между управлением наследием и городским развитием, проблемы экологии и окружающей среды.

Исследователи из Южной Кореи J. Park, S. Kim (2018) разрабатывают цифровую репрезентацию пещерного храма Соккурам, поскольку переживают, что «меняющиеся экологические условия и туристическое давление» не способствуют сохранению ОВН [18].

Испанские исследователи Канарского архипелага Belmonte, Sanabria, Gil (2018) пишут о природном и культурном ландшафте острова Гран-Канария, где обнаружены святилища на вершинах гор и на уступах вулканических кальдер острова (так называемые, альмогарен), где происходили ритуалы древних племен [4].

Исследователи представляют достаточные сведения для включения места в список Всемирного наследия и защиты международными организациями: «...это идеальное место для культурного ландшафта, взаимосвязанного с небом, которое можно было бы защитить в рамках Инициативы ЮНЕСКО и МАС по астрономии и всемирному наследию» [4].

«На Гран-Канарии специальные полевые исследования убедительно свидетельствуют о том, — пишут ученые, — что большинство высокогорных святилищ могут быть связаны с солнечными и лунными наблюдениями и, возможно, с астральными культами. [...] Гран-Канарию следует рассматривать как прекрасную лабораторию, где можно проиллюстрировать тесную связь между земными и небесными пейзажами в человеческой культуре; [...] как чудесный пример культурного ландшафта, достойного включения в список Всемирного наследия» [4].

Иранские исследователи M. Hashemi, A. Khabbazi Basmenj, M. Banikheir (2018) пишут об «исторической деревне Мейманд, 2000 лет, являющейся важным объектом наследия в Иране, который был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2015 г.» [10].

«Деревня расположена в вулканической местности, и ее постройки, такие как дома, мечеть, общественная баня и храм огня, были вырезаны в пирокластических скалах вулкана Масахим. В данном исследовании были изучены инженерно-геологические и геоэкологические аспекты поселка Мейманд». Ученые пришли к выводу, что «деревня Мейманд находится под угрозой эрозии из-за природных и антропогенных факторов, которые постепенно разрушают ландшафт и структуры этого важного объекта всемирного наследия. Поэтому необходимо планировать и применять проекты по сохранению, обеспечивающие сохранение села» [10].

Нам представляется, что необходимо изучать геологические и экологические аспекты почвы Санкт-Петербурга и Ленинградской области, субъектов, на территории которых находится наш ОВН. Известно, что Петр Первый заложил город на болотистой почве, в сыром климате. Как это влияет на сохранность нашего объекта всемирного наследия?

Румынская крепость Сармизегетуза была включена вместе с другими пятью дакийскими крепостями (Баница, Костешти-Блидару, Костешти-Четэцуйе, Пятра-Рошие и Эпальна) в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в 1999 г. Археолог V. Bârcă (2019) пишет, что «они представляют собой уникальный синтез внешних культурных влияний и местных традиций с точки зрения методов строи-

тельства, и в целом, древней военной архитектуры, представляющей монументальное выражение цивилизации Дакийского королевства» [3].

«После 2000 г. различные законы регулировали управление, сохранение и защиту памятников, внесенных в список объектов всемирного наследия. Некоторые положения закона никогда не применялись и не соблюдались. К сожалению, в настоящее время только Сармизегетуза (Sarmizegetusa Regia) имеет законного администратора, остальные пять остаются неуправляемыми» [3].

«Ни для одной из шести крепостей нет плана управления, и у них нет менеджеров или административных планов. Кроме Сармизегетусы, для остальных пяти крепостей нет даже краткосрочных стратегий, которые бы решали срочные дела. Они даже не защищены 24/7. Единственная дакийская крепость в этом укрепленном комплексе, которая пользуется круглосуточной службой безопасности, — это Сармизегетуза, находящаяся под управлением Совета графства Хунедоара. После предпринятых мер явления археологического браконьерства и преднамеренного уничтожения полностью исчезли в районе Сармизегетуса Региа. То же самое нельзя сказать о других крепостях, где до сих пор часто встречаются разрушения, акты вандализма и археологическое браконьерство. В большинстве этих крепостей есть разрушенные здания и сдвинутые стены. Подъездные пути к некоторым из этих дакийских крепостей неадекватны, а растительность на этих неуправляемых участках покорила памятники. Плохое положение в этих крепостях связано с тем, что ими никто не управляет» [3].

Мы так подробно процитировали текст о ситуации этих крепостей в Румынии, чтобы показать важность плана управления ОВН, а также к чему приводит его отсутствие. В 2022 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области также нет плана управления объектом Всемирного наследия.

Приведем объясняющую положение дел цитату (с купюрами) с сайта ЮНЕСКО:

Немногие знают, что в 2020-м исполняется 30 лет с момента, когда «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» были включены в перечень Всемирного наследия ЮНЕСКО. Кажется, владея таким сокровищем, мы должны его бережно охранять и поддерживать высокий международный статус. Тем удивительнее узнать, что до сих пор нет плана управления городом как объектом Всемирного наследия. И только сейчас, похоже, появилась реальная возможность создать этот важный документ.

«Петербург — самый сложный и многокомпонентный объект

Отсутствие плана управления ОВН как в Румынии, так и в Петербурге приводит к конфликту в дискурсе о наследии и нарушениям в охране памятников и территорий.

Конфликтный дискурс в медиапространстве Петербурга, и России в целом по поводу нашего ОВН, присутствует постоянно. В диссертационном исследовании мы рассматриваем контент СМИ и социальных сетей, дискурс заинтересованных лиц, ведущих дискуссии по поводу нашего ОВН.

Важные акторы для анализа дискурса обозначены уже в данном тексте: ЮНЕСКО, ИКОМОС, Институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Министерство культуры РФ, кафедра архитектурного и градостроительного наследия СПбГАСУ, архитекторы, историки, публицисты, градозащитники, представители власти и бизнеса.

Таким образом, статьи с периферии визуализации рассказывают об объектах Всемирного наследия в разных странах, об их расположении, проблемах, управлении, исследованиях и необходимых ресурсах сохранения и поддержания функционирования, плане управления.

Далее рассмотрим 5 самых крупных узлов. Первый кластер образуется самыми многочисленными связями данной визуализации с четырьмя центральными статьями и отражает тему управления объектами наследия (неравный доступ, джентрификация, предпочтения туристов, этические и методологические проблемы изучения наследия, сложные обсуждения Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО по поводу внесения объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой).

В статье М. Naves (2020) анализируется сохранение наследия и модернизация городов в Куэнке, Эквадор, чтобы отразить глобальное неравенство и права на город на перекрестке транснациональной мобильности образа жизни и глобализации рынков недвижимости. Процессы джентрификации в Куэнке воспроизводят колониальные социальные отношения и маргинализируют популярную экономическую деятельность неформальных продавцов. Наследие находится под эгидой ЮНЕСКО, внесено в список Всемирного наследия. Межамериканский банк развития и сменявшие друг друга муниципальные власти стремились повысить стоимость недвижимости в историческом районе Эль-Сентро. Вместо того чтобы полагаться на возвращение в город местного среднего класса, модернизация исторической городской застройки в Куэнке зависит от среднего класса с более высоким доходом, которого привлекает исторический центр города [12].

Религиозное наследие северо-востока Румынии является одной из главных достопримечательностей для посетителей этого района, — пишут С. Lupu, А. Brochado, О. Stoleriu (2019). Известные как «расписные» монастыри, церкви региона подчеркивают богатую религиозную культуру Румынии. Они были внесены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО [7].

Исследователи анализировали ключевые слова туристических веб-страниц, чтобы «определить основные аспекты туристического опыта в монастырях». Результаты контент-анализа включают 10 тем/слов: «монастырь», «расписанные (стены)», «башня», «посещение», «красивое» (место), «внутри» (живопись), «знаменитое» (сцена), «место», «синий» (цвет) и «направляющая».

Исследователи выявили предпочтения туристов:

- 1) «туристы могут чувствовать связь с восточным православием (как например, большинство румынских посетителей)»;
- 2) «их больше интересуют картины и архитектура монастырей»;
- 3) «большинство туристов ценят эти сооружения за то, что они являются объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО, считая их наиболее примечательными своими старинными росписями, которые сохранялись в течение многих лет и славились своими красками (например, синей краской Воронежского монастыря)» [7].

ЮНЕСКО присвоило статус всемирного наследия нашему объекту по определенным критериям, которые являются привлекательными для туристов со всего света.

Следующая наиболее цитируемая статья из первого кластера — по археологии.

«Археологические полевые работы уже не те, что раньше» [13], — отмечают Н. Hølleland и Е. Niklasson (2020). В статье представлены эмпирические исследования того, как институты и влиятельные люди формируют то, что завтра будет считаться «нашим общим прошлым». Авторы пишут о необходимости более глубокого и тонкого понимания современного управления наследием, об этических и методологических проблемах, к которым «археологи часто не готовы». В этой статье рассматриваются нюансы и «подводные камни» исследования режимов международного наследия: «проблемы доступа, анонимности и рассмотрения результатов исследований». Ученые отстаивают «более сильную и более прозрачную традицию изучения в рамках археологии» [13].

В статье N. E. Brown, C. Liuzza и L. Meskell (2019) основное внимание уделяется тому, как объекты наследия, находящиеся под угрозой, вовлечены в сложные обсуждения Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО по поводу внесения их в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Благодаря количественному и качественному анализу документов о принятии решений Комитетом с 1979 по 2018 г. ученые констатируют «геополитическую несправедливость и бюрократическую неэффективность, которые характеризуют процессы реализации Списка наследия, находящегося под угрозой» [17].

Статьи, расположенные во втором кластере, связаны с политической повесткой (дискуссии включения объектов памяти в список ОВН, проекты, которые вызывают межнациональные споры и конфликты, политика нематериального культурного наследия, конфликты между политикой городского развития и сохранением наследия).

Статья R. Nakano (2018) посвящена политике памяти. Автор пишет о программе ЮНЕСКО «Память мира», которая, с одной стороны, способствует сохранению, всеобщему доступу и информированию общественности о всемирно значимых документах как общем достоянии всего человечества, а с другой — влечет серьезные политические последствия. В статье отмечается, что «включение «Документов о Нанкинской резне» в реестр «Память мира» в 2015 г. отражает растущую в эпоху после окончания «холодной войны» озабоченность по поводу памяти о войне и ее зверствах. Тем не менее это вновь усилило напряженность в отношениях между Японией и Китаем, что привело к сильному давлению на ЮНЕСКО с целью реформировать процесс отбора оспариваемого наследия» [23]. В статье рассматриваются ограничения, с которыми сталкивается ЮНЕСКО при продвижении глобального документального наследия.

В статье под названием «Проект ЮНЕСКО «Возродить дух Мосула»: мнение Ирака и Сирии о реконструкции наследия после Исламского государства» авторами B. Isakhan и L. Meskell (2019) рассматривается конфликтный дискурс.

После опустошения города Мосул на севере Ирака боевиками «Исламского государства» (ИГ) ЮНЕСКО запустила проект «Возродить дух Мосула». В статье содержится критический анализ этого проекта, основанный на 47 интервью с сирийцами и иракцами. В статье также рассматриваются «последствия усилий ЮНЕСКО в более ранних (пост)конфликтных проектах по восстановлению наследия на Балканах, в Афганистане и Мали».

«Проанализированные данные показывают, что проекты восстановления наследия, особенно в сложных (пост)конфликтных условиях, таких как в Ираке, требуют постоянного, детального и тщательного взаимодействия с местным населением для достижения успеха. Если этого не делать, местное население и его объекты наследия станут уязвимыми для новых нападений, что в конечном итоге подорвет широкую миссию ЮНЕСКО по укреплению мира» [5].

Согласно Т. Jones (2018), политика ЮНЕСКО в области наследия является одним из самых масштабных глобальных факторов преобразования ландшафта и культуры. Автор пишет, что «в ответ на жалобы на объектно-ориентированный подход к всемирному наследию, в рамках ЮНЕСКО появилась новая конвенция и новая категория наследия: нематериальное культурное наследие (НКН)». Более 170 государств подписались под конвенцией. В этой статье дается оценка географического охвата и воздействия программы НКН ЮНЕСКО, а также, на примере Индонезии, проводится анализ наиболее успешной (по данным Управления культуры Индонезии) программы по производству ткани для батика. Автор оценивает влияние политики НКН в Индонезии на разных уровнях и для разных групп [28].

Статья S. Wu (2020) определяет наследие как социально-политическую конструкцию. В статье представлено изучение монгольского обертонного пения (хоомей) в списке нематериального наследия ЮНЕСКО в качестве важной традиции монгольской этнической группы в Китае во Внутренней Монголии [24].

В исследовании A. van der Hoeven (2020) рассматривается, как люди оценивают свои исторические городские ландшафты через веб-сайты и онлайн-СМИ, посвященные наследию. Эти веб-сайты представляют собой онлайн-площадки, где горожане активно вносят свой вклад в сохранение городского наследия. Взяв за теоретическую отправную точку рекомендацию ЮНЕСКО об историческом городском ландшафте 2011 г., в этом исследовании городские ландшафты рассматриваются как (1) динамичные, поскольку они меняются со временем; (2) многоуровневые, поскольку разные поколения и сообщества по-разному вносят свой вклад в развитие городских ландшафтов; (3) цифровые, поскольку представлены посредством цифровых технологий, веб-сайтов наследия.

На этих вебсайтах обсуждаются атрибуты наследия и их ценность, придаваемая значимость.

С помощью контент-анализа и качественного анализа 20 веб-сайтов, посвященных наследию, представляющих различные голландские и английские города, исследователь изучает, что ценят те, кто вносит свой вклад в городскую среду. Таким образом, исследование демонстрирует, как онлайн-СМИ могут поддерживать ориентированную на человека форму сохранения городского наследия. Этот анализ показывает, что горожане отмечают следующие пять категорий атрибутов наследия: (1) застроенная среда и общественное пространство, (2) социальная ткань и идентичность, (3) культура и отдых, (4) бизнес и промышленность, (5) политика и общественный порядок. Установлено, что эти атрибуты ценятся из-за их социальной значимости (социальная ценность), их связи с биографиями горожан (эмпирическая ценность) и их вклада в понимание городского прошлого (историческая ценность) [29].

Найденные переменные — восприятие наследия и память об атрибутах наследия — будут нами экстраполированы для изучения нашего объекта наследия.

В статье B. Ashrafi, M. Kloos, C. Neugebauer (2021) под названием «Оценка воздействия на наследие помимо инструментов оценки: сравнительный анализ воздействия городской застройки на визуальную целостность четырех объектов всемирного наследия ЮНЕСКО» рассматриваются риски городского развития для сохранения наследия.

«В контексте всемирного наследия ЮНЕСКО возникающий конфликт между политикой городского развития и сохранением наследия в последние годы привлек больше внимания к Оценке воздействия на наследие (ОВЗ) как инструменту оценки для выявления и анализа антропогенного воздействия на объекты культурного наследия с целью поддержания баланса между охраной культурного наследия и потребностями городского развития в направлении устойчивости» [2]. В статье представлены результаты изучения роли оценки воздействия на наследие (ОВЗ)

как инструмента заблаговременного распознавания, анализа потенциальных угроз и разрешения потенциальных конфликтов для защиты ценностей наследия.

В статье проводится сравнительный анализ четырех объектов всемирного наследия, на визуальную целостность которых повлияли проекты городского развития, чтобы показать различные процедуры ОВЗ в этих процессах.

Визуальная целостность исторического центра Санкт-Петербурга («небесная линия», вписанная в генетический код города) также была нарушена из-за проектов городского развития. Архитекторы Санкт-Петербурга выявили принципы градостроительно-композиционного построения на основе идей «идеальной агломерации» в единстве рукотворного, природного и археологического ландшафтов, в условиях формирования уникального исторического градостроительного генетического кода, сформулировав основные историко-градостроительные особенности, заложенные Петром I и последовательно совершенствовавшиеся при всех его преемниках вплоть до 1917 г., а также сохранявшиеся и позднее, даже до 1954–1955 гг. [32].

Третий кластер собрал исследования в области туризма (управление сложными отношениями туризма и сохранением наследия, влияние на туристов статуса ОВН).

Целью исследования М.М. Mariani, A. Guizzardi (2020) являлось «изучение того, влияет ли определение объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО (ОВН или WHS) на оценку туристами местного направления, в котором находится объект, на основе большой выборки примерно 0,8 миллиона туристов, посетивших Италию в период 1997–2015 гг.» [16].

Итальянские исследователи обнаружили, что «включение в Список всемирного наследия ЮНЕСКО оказывает неожиданно негативное влияние на общую оценку места назначения, а также на оценку его художественных ценностей» [16].

Статья R.R. Canale, E. de Simone, A. di Maio, B. Parenti (2019) изучает влияние номинации объекта Списка всемирного наследия ЮНЕСКО (WHL) на туристическую привлекательность. «Результаты показывают, что присуждение статуса Всемирного наследия в сочетании с богатством провинции, экологическими привычками и открытостью для внешних рынков может повлиять на привлекательность, подтверждая роль Списка в развитии туризма, помимо простого сохранения наследия» [22].

В статье E. de Simone, R.R. Canale и A. di Maio (2019) исследуется влияние объектов Списка всемирного наследия ЮНЕСКО (WHL) на прибытие иностранных туристов. На выборке итальянских провинций за период 1997–2015 гг. обнаружено положительное влияние статуса WHL на привлекательность для иностранных посетителей. Включение в список играет роль в повышении привлекательности места [8].

В исследовании S. Lee, I. Phau и V. Quintal (2018) рассматривается, как включение объекта в список всемирного наследия влияет на удовлетворенность и намерение вернуться туристов. Были собраны данные о посетителях Сингапурского ботанического сада до и после внесения в список WHS, результаты выявили значительные различия между выборками. Были найдены «подталкивающие и притягивающие факторы для туристов, удовлетворенности и намерения вернуться» [26].

Четвертый кластер связан с природной и экологической тематикой (самые цитируемые статьи посвящены наводнению, загрязнению и захвату природой руин).

«Наводнение, — пишут Y. Hategekimana, L. Yu, Y. Nie и др. (2018), — это стихийное бедствие, влияющее на жизнь людей и экосистемы в глобальном масштабе и вызывающее катастрофические бедствия. Большинство социально-экономических потерь, вызванных наводнениями, усугубляются непрекращающимся развитием городов, ростом населения, нерегулируемыми муниципальными системами и неизбирательным землепользованием. Таким образом, внедрение системы прогнозирования наводнений потенциально может помочь смягчить последствия наводнений» [11].

P. Spezzano (2021) отмечает, что «загрязнение воздуха, особенно в городских районах, вызывает озабоченность из-за его негативного воздействия на материалы застроенной среды. Города также являются домом для значительной части нашего культурного наследия. Загрязнение воздуха ускоряет естественные процессы износа материалов исторических зданий и памятников, вызывая преждевременное старение и снижая их эстетическую ценность» [19].

«Результаты показывают, что, несмотря на значительное улучшение качества воздуха в Европе за последние несколько десятилетий, загрязнение воздуха по-прежнему остается значительным и продолжает оставаться важным фактором деградации культурного наследия, особенно в антропогенных районах» [19].

Статья L. A. Bledsoe, B. Tobin и C. Groves посвящена карстовым массивам. «Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) признала более 350 карстовых районов мирового значения, получив различные обозначения (биосферный заповедник, Рамсарские угодья и глобальные геопарки) в 86 странах с карстовыми массивами. Публикация позиционируется «в качестве призыва к действию, чтобы лучше исследовать, понимать и защищать ценность пещер и карстовых областей для человечества» [6].

Статья A. Petrig и M. Stemmler (2020) посвящена подводному культурному наследию. «Глубоководные технологии и коммерческие интересы в последние десятилетия поставили под угрозу охрану подводного культурного наследия. Тем не менее, Конвенция ЮНЕСКО 2001 г. способна отразить эту угрозу, если она будет полностью реализована». В этой статье излагаются законодательные обязанности государств-участников в соответствии с одним из основных положений Конвенции: статьей 16. Она требует от государств-участников принятия трех законодательных мер: они должны ввести запреты, ввести уголовные санкции и установить соответствующую юрисдикцию в отношении своих граждан и судов. Кроме того, комплексная охрана подводного культурного наследия также требует принятия мер, охватывающих действия корпоративных морских нарушителей, даже если этого не требует сама Конвенция» [21].

Пятый кластер посвящен геопаркам.

Согласно J. Nan, F. Wu, M. Tian и др. (2018), гора Хуаншань была признана объектом Всемирного природного и культурного наследия и глобальным геопарком ЮНЕСКО в 1990 и 2004 г. соответственно. Хуаншаньский глобальный геопарк (HUGG) характеризуется гранитным ландшафтом пиковых долин, а также другими гранитными ландшафтами. На территории геопарка также обнаружены четвертичные ледниковые реликты и гидрогеологические памятники. Исключительное георазнообразие вместе с экологическими ресурсами и древним культурным наследием обеспечивает ценную основу для геотуризма и развития геопарков. В статье также изложено, каким образом осуществлялась популяризация геопарка [9].

Согласно E. E. D. A. N. Khalaf, G. A. El-Kheir (2022), «район Катрани находится во впадине Фаум, в северо-западной пустыне Египта, и является частью охраняемой зоны Карун (QPA). Он обладает природным наследием с многочисленными выдающимися характеристиками. Георазнообразие района Катрани в основном обусловлено разнообразием типов горных пород от эоценового до четвертичного периодов, климатом и разнообразными геологическими маркерами, демонстрирующими эволюцию Земли» [15].

Статья S. C. Justice (2018) посвящена геопаркам. «За последние двадцать лет произошли значительные изменения в геотуризме, форме устойчивого туризма. Это был также период значительного развития глобальных геопарков ЮНЕСКО (UGGps), с одной стороны, благодаря созданию Международной программы геонаук и геопарков, а с другой, благодаря количеству и разнообразию UGG, признанных во всем мире» [14]. «UGG привлекают профессиональные междисциплинарные группы, которые

объединяют научные знания, научное общение и информационно-просветительские мероприятия для достижения эффективной передачи наследия посредством действий, ориентированных на школы, местное население и широкую общественность» [14].

Согласно L. Pastonchi, A. Barra, O. Monserrat, G. Luzzi (2018), «по данным агентства Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), объекты всемирного наследия (WHS), включенные в Список всемирного наследия (WHL), должны быть защищены с помощью надлежащей системы защиты, чтобы гарантировать их целостность и подлинность. В настоящее время многим объектам ЮНЕСКО угрожают опасные геологические процессы, но охрана этих объектов, по-видимому, не является широкомасштабной. Глядя на стандартный список факторов, влияющих на выдающуюся универсальную ценность (ВУЦ) ОВН, который был принят Комитетом всемирного наследия в 2008 г., кажется, что только «внезапные геологические события» считаются факторами, подрывающими охрану объектов. Хорошо известно, что кинематические явления также могут угрожать культурному и природному наследию. В этом исследовании предлагается основанная на спутнике InSAR процедура для выявления и мониторинга временной и пространственной эволюции деформации грунта, связанной с медленными кинематическими геологическими опасностями (медленные оползни и оседание грунта)» [20].

Заключение и возможности для дальнейшего анализа

Мы сделали обзор тридцати наиболее цитируемых статей по ключевому слову для поиска «Наследие ЮНЕСКО» в ведущих рецензируемых научных журналах баз Web of Science и Scopus. Это выборка наукометрических программ из 6109 статей Web of Science Core Collection за 5 лет 2018–2022.

Программы VOSviewer_1.6.16_exe; CitNetExplorer_1.0.0_exe помогают проанализировать различные наукометрические данные (около 10 корреляций). Технические программные инструменты помогают делать подбор литературы систематически и объективно, поскольку, устанавливая корреляции между публикациями, предлагают наиболее значимые и цитируемые работы. Предлагаемые корреляции и их визуализация позволяют далее осуществить дискурсивный анализ данного научного дискурса. Данная методология изучения научного дискурса является объективной и продуктивной.

Связи между узлами показывают кластеры, выделенные в программе цветом, т. е. ракурсы рассмотрения темы. Машина связывает ключевые слова, темы, ссылки и статьи в единые кластеры согласно алгоритмам, технически. Однако за такими связями можно увидеть доминирующий ракурс.

Каждая визуализация предлагает деление на кластеры. Кластеры пересобираются в течение времени. Но тенденции в рассматриваемые 5 лет ясно прослеживаются. Мы выделили следующие крупные темы: социальные и политические практики; культурные практики, вопросы экологии.

Для объектов материального культурного наследия ЮНЕСКО актуальны описываемые в статьях проблемы: нехватка ресурсов для сохранения и реставрации, отсутствие последовательного плана управления, необходимость переориентации туристических потоков от традиционных дестинаций на менее популярные, конфликт управления наследием и городского развития, проблемы экологии и окружающей среды.

Мы рассмотрели проблематику статей по кластерам.

Статьи кластера «периферия визуализации» рассказывают об объектах Всемирного наследия, об их расположении, проблемах, управлении, исследованиях и необходимых ресурсах сохранения и поддержания функционирования, плане управления.

Статьи, расположенные в первом кластере, связаны с политической повесткой: дискуссии включения объектов памяти, проекты, которые вызывают межнациональ-

ные споры и конфликты, политика нематериального культурного наследия, конфликты между политикой городского развития и сохранением наследия.

Второй кластер образуется самыми многочисленными связями рассмотренной визуализации и отражает тему управления объектами наследия: неравный доступ, джентрификация, предпочтения туристов, этические и методологические проблемы изучения наследия, сложные обсуждения Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО по поводу внесения объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой.

Третий кластер собрал исследования в области туризма: управление сложными отношениями туризма и сохранением наследия, влияние на туристов статуса ОВН.

Четвертый кластер связан с природной и экологической тематикой: самые цитируемые статьи посвящены наводнению, загрязнению и захвату природой руин.

Пятый кластер посвящен геопаркам и геологическим процессам: в настоящее время многим объектам ЮНЕСКО угрожают опасные геологические процессы.

Были обозначены пять ценных для жителей категорий атрибутов наследия:

- (1) застроенная среда и общественное пространство,
- (2) социальная ткань и идентичность,
- (3) культура и отдых,
- (4) бизнес и промышленность,
- (5) политика и общественный порядок.

Более того, установлено, что эти атрибуты ценятся из-за их социальной значимости (социальная ценность), их связи с биографиями горожан (эмпирическая ценность) и их вклада в наше понимание городского прошлого (историческая ценность).

Целью данного исследования был сбор, анализ и сопоставление самых актуальных публикаций по теме «наследие ЮНЕСКО» за последние пять лет количественными методами. Макроуровень, произведенный с помощью современного программного обеспечения, позволил вычленив в огромном массиве публикаций наиболее успешные и релевантные, прошедшие верификацию научным сообществом.

Количественный анализ позволяет обработать большой массив данных и увидеть основные тенденции, но есть и ограничения этого метода. Полагаем, что возможно, в мейнстрим не попали оригинальные и интересные работы. Это хорошая иллюстрация раскручивания спирали молчания (Э. Ноэль-Нойман), когда непопулярные точки зрения замалчиваются и игнорируются, а воспроизводимое знание подтверждается, легитимизируется и повторяется в социальных практиках.

Предпринятое исследование показывает, что научный дискурс наследия ЮНЕСКО и идентичности в связи с наследием не ограничивается традиционной рамкой этноса и управления, а включает в себя широкий спектр общественных, природных и личных состояний, исследование которых имеет большое теоретическое и практическое значение.

Изучение вовлеченных акторов, в том числе природных и технических non-humans, позволяет принимать более эффективные меры политики сохранения в контексте природных и экологических изменений, политики управления мировым наследием, политики идентичности в связи с местом и наследием сократить дистанцию между «управленцами» и теми, для кого управление осуществляется, жителями рядом с наследием, представителями гражданского общества, которые идентифицируют себя с группами, пересобирающимися вокруг наследия.

Очевидное возрастающее внимание исследователей во всем мире к уникальным и, порой, автономным социальным группам в связи с наследием, политическим конфликтам, действующим нечеловеческим (природным) агентам, открывает перед российскими исследователями культурного наследия широкие возможности для распространения эмпирического материала и включения российского опыта, прак-

тик, политик идентичности, кейсов в более широкий контекст международной политологии и социологии.

Литература/References

1. Abdulelah Al-Tokhais, Brijesh Thapa. Management issues and challenges of UNESCO World Heritage Sites in Saudi Arabia // *Journal of Heritage Tourism*. 2020. Vol. 15. N 1. P. 103–110. DOI: 10.1080/1743873X.2019.1594836.
2. Baharak Ashrafi, Michael Kloos, Carola Neugebauer, Heritage Impact Assessment, beyond an Assessment Tool: A comparative analysis of urban development impact on visual integrity in four UNESCO World Heritage Properties // *Journal of Cultural Heritage*. 2021. Vol. 47. P. 199–207. ISSN 1296-2074. DOI: 10.1016/j.culher.2020.08.002.
3. Bărcă V. Accomplishments and failures in the management of fortress Sarmizegetusa Regia, a UNESCO world heritage monument // *Journal of ancient history and archaeology*. 2019. N 6 (4). DOI: <http://dx.doi.org/10.14795/j.v6i4.464>
4. Belmonte J. A., Sanabria J. C., Gil J. C., de León J. M. at al. The Cultural Landscape “Risco Caído and The Sacred Mountains of Gran Canaria”: A Paradigmatic Proposal Within Unesco “Astronomy and World Heritage” Initiative. 2018. DOI: 10.5281/zenodo.1472290.
5. Isakhan B., Lynn M. UNESCO’s project to ‘Revive the Spirit of Mosul’: Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. Vol. 25. N 11. P. 1189–1204. DOI: 10.1080/13527258.2019.1578988.
6. Bledsoe L. A., Tobin B., Groves C. Stronger together: understanding and protecting karst resources // *Carbonates Evaporites*. 2022. Vol. 37. N 9. DOI: 10.1007/s13146-021-00752-3.
7. Lupu C., Brochado A., Stoleriu O. Visitor experiences at UNESCO monasteries in Northeast Romania // *Journal of Heritage Tourism*. 2019. Vol. 14. N 2. P. 150–165. DOI: 10.1080/1743873X.2018.1506458.
8. De Simone E., Canale R. R., di Maio A. Do UNESCO World Heritage Sites Influence International Tourist Arrivals? // *Evidence from Italian Provincial Data*. 2019. Soc Indic Res 146. P. 345–359. DOI: 10.1007/s11205-018-1939-7.
9. Han J., Wu F., Tian M. et al. From Geopark to Sustainable Development: Heritage Conservation and Geotourism Promotion in the Huangshan UNESCO Global Geopark (China) // *Geoheritage*. 2018. N 10. P. 79–91. DOI: 10.1007/s12371-017-0227-2.
10. Hashemi M., Khabbazi Basmenj A., Banikheir M. Engineering geological and geoenvironmental evaluation of UNESCO World Heritage Site of Meymand rock-hewn village, Iran // *Environ Earth Sci*. 2018. Vol. 77. N 3. DOI: 10.1007/s12665-017-7184-6.
11. Hategekimana Y., Yu L., Nie Y. et al. Integration of multi-parametric fuzzy analytic hierarchy process and GIS along the UNESCO World Heritage: a flood hazard index, Mombasa County, Kenya // *Nat Hazards*. 2018. N 92. P. 1137–1153. DOI: 10.1007/s11069-018-3244-9.
12. Hayes M. The coloniality of UNESCO’s heritage urban landscapes: Heritage process and transnational gentrification in Cuenca, Ecuador // *Urban Studies*. 2020. N 57 (15). P. 3060–3077. DOI: 10.1177/0042098019888441.
13. Hølleland H., Niklasson E. How (Not) to “Study Up”: Points and Pitfalls When Studying International Heritage Regimes // *Journal of Field Archaeology*. 2020. Vol. 45. N 3. P. 140–152. DOI: 10.1080/00934690.2019.1709782.
14. Justice S. C. “UNESCO Global Geoparks, Geotourism and Communication of the Earth Sciences: A Case Study in the Chablais UNESCO Global Geopark, France” // *Geosciences*. 2018. Vol. 8. N 5. P. 149. DOI: 10.3390/geosciences8050149.
15. Khalaf E. E. D. A. H., El-Kheir G. A. The Geological Heritage and Sustainable Development Proposed for the Project Geopark: an Example from Gabal Qatrani, Fayoum Depression, Western Desert, Egypt // *Geoheritage*. 2022. Vol. 14. N 22. DOI: 10.1007/s12371-022-00646-3.
16. Mariani M. M., Guizzardi A. Does Designation as a UNESCO World Heritage Site Influence Tourist Evaluation of a Local Destination? // *Journal of Travel Research*. 2020. N 59 (1). P. 22–36. DOI: 10.1177/0047287518821737.
17. Brown N. E., Liuzza C., Meskeil L. The Politics of Peril: UNESCO’s List of World Heritage in Danger // *Journal of Field Archaeology*. 2019. Vol. 44. N 5. P. 287–303. DOI: 10.1080/00934690.2019.1600929.
18. Park J., Kim S. Digital Representation of Seokguram Temple UNESCO World Heritage Site // *Augmented Reality and Virtual Reality*. Progress in IS. Springer, Cham. 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-64027-3_27.

19. Spezzano P. Mapping the susceptibility of UNESCO World Cultural Heritage sites in Europe to ambient (outdoor) air pollution.
20. Pastonchi L., Barra A., Monserrat O., Luzi G. At al. "Satellite Data to Improve the Knowledge of Geohazards // World Heritage Sites. Remote Sensing. 2018. Vol. 10. N 7. P. 992. DOI: 10.3390/rs10070992.
21. Petrig A., Stemmler M. Article 16 UNESCO Convention and The Protection Of Underwater Cultural Heritage // International and Comparative Law Quarterly. 2020. N 69 (2). P. 397–429. DOI: 10.1017/S0020589320000081.
22. Canale R. R., de Simone E., di Maio A., Parenti B. UNESCO World Heritage sites and tourism attractiveness: The case of Italian provinces // Land Use Policy. 2019. Vol. 85. P. 114–120. ISSN 0264-8377. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.03.037.
23. Nakano R. A failure of global documentary heritage? UNESCO's 'memory of the world' and heritage dissonance in East Asia // Contemporary Politics. 2018. Vol. 24. N 4. P. 481–496. DOI: 10.1080/13569775.2018.1482435.
24. Wu S. To share or not to share: contested heritage in Inner Mongolia, China. A case of overtone singing (khoomel) // International Journal of Heritage Studies. 2020. Vol. 26. N 3. P. 267–280. DOI: 10.1080/13527258.2019.1620833.
25. Science of the Total Environment. 2021. Vol. 754. P. 142–345. ISSN 0048-9697. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.142345.
26. Lee S., Phau I., Quintal V. Exploring the effects of a 'new' listing of a UNESCO World Heritage Site: the case of Singapore Botanic Gardens // Journal of Heritage Tourism. 2018. Vol. 13. N 4. P. 339–355. DOI: 10.1080/1743873X.2017.1354005.
27. Snyder H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines // Journal of Business Research. 2019. Vol. 104. P. 333–339. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.039.
28. Jones T. International intangible cultural heritage policy in the neighbourhood: an assessment and case study of Indonesia // Journal of Cultural Geography. 2018. Vol. 35. N 3. P. 362–387. DOI: 10.1080/08873631.2018.1429351.
29. Van der Hoeven. A. Valuing Urban Heritage Through Participatory Heritage Websites: Citizen Perceptions of Historic Urban Landscapes // Space and Culture. 2020. N 23 (2). P. 129–148. DOI: 10.1177/1206331218797038.
30. Under UNESCO protection. A management plan will be written for the center of St. Petersburg [Под охраной ЮНЕСКО. Для центра Санкт-Петербурга напишут план управления] [Электронный ресурс]. URL: <http://unesco.ru/news/saint-petersburg-unesco/> (дата обращения: 18.02.2022) (in Rus).
31. Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Transformation of Identity: Macro and Micro Levels of Research // Administrative consulting. 2021. N 11. P. 122–132 [Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Трансформация идентичности: макро- и микроуровни исследования // Управленческое консультирование. 2021. № 11 (155). С. 122–132]. DOI 10.22394/1726-1139-2021-11-122-132 (in Rus).
32. Sementsov S. V. St. Petersburg Historical Agglomeration — Urban Planning Facility of World Scale [Семенов С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация — градостроительный объект мирового масштаба // Интернет-вестник ВолгГАСУ. 2012. № 1 (20). С. 49] [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18854360_43900735.pdf (дата обращения: 13.01.2022) (in Rus).

Об авторе:

Сосновская Анна Михайловна, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук, доцент; sosnovskaya-am@ranepa.ru

About the author:

Anna M. Sosnovskaya, Associate Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology, Associate Professor; sosnovskaya-am@ranepa.ru

The Exploration of Performance Evaluation on School Rear-service in China

Shen Lin*, Xu Hui

Shanghai Administration Institute (SAI), Shanghai, China; *linshen3@citiz.net

ABSTRACT

The logistic service in China's schools, especially in college schools, has become more and more socialized, which requires higher quality of the management to meet it. The performance evaluation about school logistic service in China includes six aspects: the effectiveness of the operation system, the quality of the school asset, the ability of the development, the service quality, the social contribution and the level of the management. This paper will introduce the current situation of logistic service management in China's schools, and then make an analysis of the school logistics performance management, followed by a design of performance evaluation index system of school logistics management, which includes 6 indexes and 42 sub-indexes, with the purpose of improving the quality of school logistics assets, ensuring sustainable development and perfecting the logistics management and economic efficiency. Finally, the paper will try to propose some suggestions on how to reform the school logistics service performance management in China and learn some useful experience from abroad.

Keywords: school, rear-service management, performance evaluation

For citing: Shen Lin, Xu Hui. The Exploration of Performance Evaluation on School Rear-service in China // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 124–136.

Исследование эффективности материально-технического обеспечения в высших учебных заведениях Китая

Шэнь Линь*, Сюй Хуэй

Шанхайский административный институт, Шанхай, Китай; *linshen3@citiz.net

РЕФЕРАТ

Материально-техническое обеспечение в высших учебных заведениях Китая, особенно в колледжах, становится все более и более социализированным, что требует более высоких стандартов его управления. Оценка эффективности материально-технического обеспечения в китайских вузах включает в себя шесть аспектов: эффективность операционной системы, качество активов, способность к развитию, качество обслуживания, социальный вклад и уровень управления. В статье проанализирована текущая ситуация с управлением материально-техническим обеспечением в вузах Китая и его эффективность. Затем, с целью повышения качества активов, обеспечения устойчивого развития, а также совершенствования управления логистикой и экономической эффективности, представлена система показателей эффективности управления материально-техническим обеспечением, которая включает в себя 6 индексов и 42 подиндекса. В заключение в статье предложен путь реформирования управления материально-техническим обеспечением в китайских вузах.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, материально-техническое обеспечение, оценка эффективности

Для цитирования: Шэнь Линь, Сюй Хуэй. Исследование эффективности материально-технического обеспечения в высших учебных заведениях Китая // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 124–136.

1. The Progress and Management of Rear-service Reform in China's Schools

1.1. The progress of rear-service reform in China's schools

China's higher education has gradually changed from "elite education" during the 1970s and 1980s to "mass education" nowadays. With the expansion of the annual enrollment plan and the improvement of the living standards of teachers and students, and the increasing teaching and scientific research activities in the school, the traditional school self-run rear-service is not only limited in funds, but also inadaptability in management.

In 1985, the social-oriented reform of school rear-service was first put forward, which marked the reform in China has entered the initial stage. During this period, the school logistics department mainly adopted "department contracting" system or "fund contracting" system to implement the so-called "small organs, multiple entities and large services". Although this reform has reduced costs and improved economic benefits to a certain extent, the utilization of social resources is still low-efficient.

From 1992 to 1999, the workshop on "socialized reform of school rear-service in China" was held in Shanghai. At this conference, a paper *Opinion on Accelerating the Socialized Reform of School Rear-service* was issued, which marked the reform has entered the development stage. After preliminary exploration, many schools have generally recognized that the original logistics system "integrating management and service" must be gradually transformed into "a management department with clear responsibilities and a service unit (economic entity) with independent economic accounting and responsible for its own profits and losses". The reform model has also changed from the previous "small organs and multiple entities" to "small organs and large entity".

After 1999, the socialized reform of schools rear-service in China has entered the deepening stage. School rear-service was gradually incorporated into the socialist market economic system, and began to form a market-oriented rear-service system "dominated by government, implemented by social entities and selected by schools independently". The school rear-service presents new trend of specialization, collectivization on an enterprise basis.

Since China's school rear-service has been separated from the school administration system and began to move towards the goal of independent operation, independent accounting, self responsibility for profits and losses and self-development, the problem of management of school rear-service comes with it. The traditional management system of administrative institutions is obviously not suitable for the operation of modern rear-service system. However, the problem of how complete socialized service can adapt to the increasingly huge school assets has become more and more sharp, which has restrained the further development of school rear-service.

1.2. Current situation of school rear-service management in China

It should be noted that after decades of investment and development, China's school logistics departments have formed a large amount of accumulation and rich assets, occupying a large number of material and market resources. If they cannot be effectively utilized and managed, these assets will not only be wasted or even lost in the long run, but also affect the long-term development of school rear-service. In turn, it will reduce the satisfaction of teachers and students with it, which will affect the normal life and teaching activities in the school.

To some extent, the current school rear-service is still in a semi-enterprise state. The main service objects and markets of rear-service are still the schools, and most of the personnel still belong to the official establishment of the schools. In the long run, the service objects and work nature of the logistics organization will remain the same.

Schools will also provide the policy preference for these separated logistics departments whenever the policy allows and conditions are met.

However, with the reform of the school logistics system, the former industry access barriers have been broken, and some socialized rear-service enterprises have begun to enter the school campus on a large scale, and can provide more cheap and high-quality services and commodities (such as logistics, catering, etc.). In the increasingly competitive school service market, those rear-service departments which were accustomed to traditional administration are becoming less and less competitive in the market economy environment. At the same time, they are also facing many new problems. How to improve the utilization efficiency of school assets and level of rear-service? Most school rear-service lacks a set of systematic and effective management methods, resulting in the dilemma of unfavorable external supervision and chaotic internal management, insufficient utilization of resources and low enthusiasm of employees.

1.3. Problems faced by school rear-service in China

The school's rear-service performance goals are divorced from its functions, and branches inside the rear-service department also lack a clear self positioning. Generally speaking, the enterprise should pursue profit maximization, but the school rear-service department should not be simply a competitive one, and must adhere to the purpose of "service first". Therefore, the school rear-service department should pursue not only economic benefits, but also social benefits.

The school rear-service department has not yet become a real modern enterprise economic organization, or has not operated according to the requirements of the modern enterprise system. Research on the modern enterprise system of the school rear-service model and the application of modern management methods are also limited. The business scope of school rear-service is large and there are many types of service, which often leads to multiple leaders and difficult to define their responsibilities. Since the responsibilities are not clear, the rear-service departments do not have scientific post analysis and procedure design. The work task lacks standardized and regular procedure norms in operations.

School logistics administrators lack the objective conditions and subjective motivation to effectively implement internal control and management. First of all, the school rear-service, traditionally as a component of the school administration and serving the school teaching and research departments, is difficult to be an independent enterprise subject and give full play to its professional management advantages. Secondly, the rear-service department is lack of market risk awareness and cost pressure, lack of full authorization and effective incentive for managers, and a few key positions have huge responsibilities but lack of effective incentive measures. Third, some managers of rear-service lack professional management training, and their ability needs to be improved urgently, which affects the management level of some posts and the implementation of school decisions. The composition of school rear-service staff is relatively complex and there are many problems left over by history. Both in-service and casual laborers coexist. And the cohesion, stability of casual laborer is not so strong.

The assessment system of the school rear-service department is not perfect and lacks scientific management. For a long time, the performance management of school rear-service department has evaluated its economic behavior according to the mode of administrative management, which is not organically combined with the objectives of enterprise operation and socialized service of logistics. It can neither reflect the real performance of logistics, nor can it reflect the quantitative and operable evaluation indicators. The formalism of existing performance appraisal is more than its substantive significance.

According to the particularity of service objects and service environment, how to perform service functions according to market rules, and scientifically determine the

content, indicators and methods of school rear-service performance to reflect its characteristics has become the key point of school rear-service management.

2. Analysis of School Rear-service Performance Management in China

2.1. Clarify the objectives of school rear-service services

School rear-service should not only realize the service function, but also meet the requirements of economic benefits. The objects of rear-service are mainly teachers and students, and the scale is so small that it is inclined to form a “small but complete” self-sufficient rear-service, which makes the reform of rear-service socialization incapable. These characteristics show that the rear-service reform must start from the school’s own reality and forward according to the situation. School rear-service must introduce modern management methods and implement scientific and institutionalized management according to the requirements of the law of market economy. Those who ignore costs, do not engage in accounting and rely on administrative command management will be unsustainable. We should gradually establish and improve the cost accounting system and financial management system, and strengthen cost and budget management, so as to improve the economic benefits of rear-service. Logistics work should first serve the special consumer groups in the school. It should provide multi-level and high-level services, but not engage in high-grade and high-cost services like star hotels; it should not only maintain the nature of being diligent and thrifty, but also introduce modern and scientific technological means to truly realize the modernization of school logistics support and services.

2.2. Establish the operation system of school rear-service assets

We should implement market-oriented operation of rear-service in the school. The rear-service department should manage the assets on behalf of the school, realizes the paid use of assets, and establishes a clear internal settlement relationship between the school and logistics entities. The school rear-service department uniformly exercises the functions of rear-service asset operation and management on behalf of the school, and charges resource fees or rental fees for the use of the school’s real estate and other non-operating assets, so as to ensure the preservation and appreciation of the operating assets invested by the school into the logistics organization. It should follow the laws of education and market economy and change the rear-service operation mechanism relying on administrative allocation, and establish a market-driven operation mechanism and supervision system. The school should also integrate logistics resources, centralize management authority, and gradually clarify the relationship between rear-service and enterprises, transforming the relationship from “multiple A to multiple B” to “one A to multiple B”, in order to expand the service market, improve the value of resources and realize scale economy. The school should uniformly formulate the regulation objectives and policies of the logistics market, and maintain and improve the operation efficiency and service quality of the school rear-service market.

Strengthening cost accounting is an important content of school rear-service asset management. The specific measures include: establishing monitoring networks at all levels for all-round monitoring. For example, establishing centralized procurement management committee to implement collective leadership for material and equipment procurement, large-scale expansion and maintenance projects, and strengthen internal control and external supervision. Establishing and improving various rules and regulations to make sure there are rules to follow. To do a good job in management and monitoring, we must be pragmatic. We should focus on the key points and find the entry point of monitoring. In addition, various methods are adopted, such as questionnaire, supervision mailbox, report telephone and Student Symposium, to carry on the evaluation of service quality. For the assessment of business performance, index

analysis, report analysis and other methods can be adopted to achieve the purpose of monitoring.

The school's rear-service operation fund indicators need to be allocated down to various departments, changing from secret posting to explicit subsidy, from physical distribution to monetary distribution, and adopt the financial method of two lines of revenue and expenditure by clearing revenue and expenditure. The market relationship between schools and enterprises should be established to strengthen the management of logistics service contract and clarify the responsibility, rights and interest relationship between school legal person and enterprise legal person by contract. The business scope and items of logistics services should also be clarified and the service charging methods should be uniformly formulated.

2.3. Improve the development capacity of school logistics services

According to the characteristics of school logistics service, the economic components are diversified. Leasing and joint-stock system can be adopted, as well as the joint operation of school funds and enterprise funds, Chinese capital and foreign capital. Diversified management can make full use of the existing business resources, production potential and market advantages, organize a variety of commodities, provide diversified services, disperse the business risks of enterprises and obtain the maximum economic benefits. By developing a diversified economy and opening up new economic growth points for the school, we can not only rely on the school to engage in service work directly related to the school, such as commerce and printing, but also develop projects, expand operation, set up entities, face the society and the market, develop diversified operation, digest and absorb surplus personnel from teaching, research and teaching auxiliary departments to enrich the diversified management team. By opening the "canal" first and then release the "water" to drive, promote and ensure the teaching and research work with the development of diversified economy. Through the diversification of economic composition and operation, we can enhance the economic strength and competitiveness of the school.

By realizing the specialization and market-oriented operation and management, we can develop and expand the logistics service system, encourage the school's logistics service to develop industries, set up entities, adopt the methods of internal and external services. We can combine schools and enterprises to develop community economy, promote enterprise management, and enhance the ability of independent operation, self-development and self-restraint.

The school logistics organization should cultivate and expand itself according to the modern enterprise system and make it a market subject with independent legal personality. It should optimize the allocation of school and market logistics resources and realize the fundamental transformation of school logistics management mode and operation mechanism. We should follow the law of education and market economy, ensure the maintenance and appreciation of the operating state-owned assets invested by the school into logistics organizations, and take into account the interests among the school, the staff and the enterprises. It can be said that straightening out the relationship, standardizing management and supporting development are conducive to the rapid development of school logistics and improving the level of logistics management and service quality. Only in this way can the efficient logistics service survive in the fierce market competition.

2.4. Formulate school logistics service standards and improve service level

To formulate logistics service standards and establish service benchmarks is to make each service unit have rules to follow, models to learn and standards to measure. Realizing the standardization and institutionalization of logistics service is an important reform

content of the current school logistics work to “meet the market requirements and improve the service level”. It is a measure quality of school logistics service and reflects the overall management level of school logistics.

Normative services have two meanings: “what services to provide” and “how to provide services”. After the standard service is determined, on the one hand, the employees of the enterprise understand their own job responsibilities, organizational interfaces, service processes and methods, service requirements and facility configuration, and have clear objectives; On the other hand, the recipients also have a clear understanding of the services they enjoy. What’s more, enterprises have a yardstick when inspecting service quality and evaluating employees. The establishment of school logistics service norms should be formulated in combination with the overall service objectives and specifications of logistics organizations, carefully study and analyze various norms, fully consider the identity and operability of norms, and make our service behavior always focus on customers and ensure quality.

The realization of management innovation needs to be completed by people. Without people who understand business and management, no amount of capital investment can be effective, and no amount of advanced service facilities can be used. Logistics service is a dynamic process. To evaluate the quality of service, we should not only look at the result of service, but also pay attention to the process of service. The key to the quality of service process lies in the comprehensive quality of service personnel. The school logistics department is often regarded as an auxiliary department. Although the existing personnel are huge, there is an urgent need to introduce high-quality talents in logistics service and management. At present, the logistics departments of most schools do not pay enough attention to the cultural level, quality and skills of service personnel, which greatly affects the service quality of logistics services. The school should strengthen the training of existing personnel, carry out professional certification, establish a standardized technical level of logistics service personnel, and select and improve excellent logistics management personnel.

3. Design of Performance Evaluation Index of School Logistics Management in China

With the continuous market-oriented development of logistics service reform, the management mode of modern enterprises undoubtedly provides reference and thinking for the logistics management of Chinese schools. As one of the effective management methods, performance appraisal has been widely accepted and used. Performance appraisal has extended from enterprises to public organizations and government organs and from economic benefit evaluation to comprehensive management. Through the analysis of school logistics management activities in China, we realize that it is the great need to establish performance evaluation index system to meet the need of standardization of school logistics management, which helps to improve the quality of school logistics service and provide guarantee for the continuous deepening of school logistics service reform.

According to the requirements of school logistics service performance management and the research results of the existing school performance evaluation index system, drawing lessons from the enterprise standard performance management index system and following the scientific performance management theory, we have designed a school logistics performance management index system including six indexes and 42 sub indexes, which considers the problems faced by the school’s logistics service and the characteristics of management. While maintaining and increasing the value of assets, the purpose is to improve the quality of the school’s logistics assets, ensure sustainable development, improve the service level of logistics service enterprises and improve the

level of logistics management, so as to improve economic benefits, enhance the service ability of logistics enterprises and realize sustainable development.

3.1. Asset quality indicators

Indicators	Evaluation content
Depreciation rate of fixed assets	Average net value of fixed assets / average original value of fixed assets $\times 100\%$
Return on net assets	Net profit / average net assets $\times 100\%$
Return on total assets	(total profit + interest expense) / average total assets $\times 100\%$
Turnover rate of current assets	Net operating income / average total current assets $\times 100\%$
Total asset turnover	Net operating income / total average assets $\times 100\%$
Total debt / EBITDA (Times)	EBITDA refers to earnings before interest, tax, depreciation and amortization

3.2. Sustainable development capacity indicators

Indicators	Evaluation content
Growth rate of total assets	Total asset growth of this year / total assets at the beginning of the year $\times 100\%$
Growth rate of operating revenue	Increase in operating revenue of this year / total operating revenue of last year $\times 100\%$
Capital accumulation rate	Increase in owner's equity this year / owner's equity at the beginning of the year (100%)
Degree of socialization	Ability to explore external markets: total external operating revenue / total operating revenue $\times 100\%$
	Independence: total school subsidies / costs $\times 100\%$
	Capital structure: total invested capital / paid in capital $\times 100\%$

3.3. Service standardization indicators

Indicators	Evaluation content
Operating activities	Proportion of main business in total business
	Product diversification (complete types, specifications, colors and styles to meet user needs)
	Rationalization degree of inventory quality (products, work in process, raw materials) structure
Service timeliness rate	Compare the average time from service request to service completion with the average level of the same industry
Customer complaint rate	Total customer complaints per unit time (e.g. one week) / total service provision per unit time $\times 100\%$
Customer service ability	Does the company have institutions or personnel such as customer advisory committee, market research and consumer satisfaction survey to understand customers' needs? Does product development come from market needs or customer needs?
	Does the company have formal procedures or systems to transform customer requirements into product and service design reform to ensure the lowest cost?
	Customer satisfaction with the company's products and services

3.4. Management level indicators

Indicators	Evaluation content
Management basis	Leader quality: credibility (whether there is any behavior of evading or rejecting debts), professional education, honor, development and innovation, and team stability
	Whether the production (business) management system is sound: quality management, material management, sales management and environmental management
	Whether the financial system is sound and whether the financial statements are credible
Management process	Does the company use Six Sigma or ISO9000 or QS or comprehensive budget management or annual business plan to manage and improve the company's work?
	Does the company use appropriate processes and systems to connect with other business units? Whether the violation of process system is supervised, managed and assessed?
	Has the company's management process reform improved the company's financial, human resources and sales situation?
Assessment and evaluation system	Does the company establish a system, process and standardized management for performance index evaluation
	Deviation analysis: does the company regularly analyze its business status and require the management personnel of each functional department to report on their work monthly? What is the quality of the analysis report?
Human resources evaluation	Basic qualities of employees: degree of specialization, training and stability
	Staff training intensity: $\text{staff training expenses of this year} / \text{total wages of this year} \times 100\%$ Employee training time: $\text{employee training time this year} / \text{total working time of employees this year} \times 100\%$
	Excellent talent reserve
	Employee satisfaction

4. Suggestions on the School Logistics Service Performance Management in China

The purpose of performance appraisal is to enhance the competitiveness of logistics enterprises, ensure the long-term development of logistics enterprises, and finally realize the best interests of teaching staff. In the process of implementation, we should start from the actual situation to select a breakthrough, from point to area, implement step by step and gradually put it in place. The school logistics department is a comprehensive department with many service branches, so the reform may not be promoted in a balanced way. Therefore, a breakthrough should be selected. Generally speaking, the breakthrough should be selected in the departments with mature conditions, prominent problems and easy to start. Through the full employment and competition posting of logistics workers, it can provide guarantee and good management atmosphere for the logistics reform of the school.

4.1. Optimize the school logistics management organization and straighten out the relationship

The existing management business of school logistics service is complex and entities are scattered. In the management reform, on the one hand, we should strengthen the asset management and operation function of school logistics service; On the other hand, under the framework of corporate operation, various forms such as foreign contracting, entrusted management and socialization are introduced. For example, external contracting, such as campus greening, flower house, barber shop, boiler room, can implement external entrusted management, that is, invite off campus professional companies or famous enterprises to manage the school entity. The socialization means to cancel or hand over those departments and entities that do not make profit and cannot manage themselves well to the social companies after accounting. In the operation of logistics reform, we should pay attention to the premise of serving the needs of teaching and research.

Actively improve the internal control environment of the organization. Based on the corporate governance structure, we should optimize the internal organizational structure, divide the management levels, clarify the responsibilities and rights of each responsibility center through appropriate authorization and entrustment, form a clear internal control chain, pay special attention to the improvement of personnel quality, strengthen the training of existing employees, and promote personnel knowledge renewal and structural adjustment. No matter how good the control system is, the incompetent employees will fail. We should make institutional arrangements for information communication channels within the organization to ensure the timeliness, integrity and authenticity of information, place organizational activities in real-time dynamic monitoring, and find problems, evaluate problems as well as control problems in time to minimize organizational risks. The information provided by the financial system is comprehensive, objective and measurable. Through financial control, it can be penetrated into all departments and businesses within the organization, and realize the whole process control over the controlled fields - including pre-warning and control, in-process behavior norms and feedback control, as well as post performance evaluation.

4.2. Improve the school logistics performance incentive system

In the reform of internal management system and operation mechanism, we can learn from the successful experience and practices of social enterprise reform. It includes promoting the reform of the joint-stock property right system in which the ownership and management rights of enterprises are separated, the reform of the personnel system based on the employment system, and the reform of the employee distribution system based on performance salary and post salary, etc. The key point of reform is to establish a personnel incentive mechanism and mobilize their enthusiasm. From the perspective of management, enterprises must establish a mechanism to stimulate enthusiasm and mobilize initiative in operation. The ways and means of incentive are generally divided into material incentive and spiritual incentive. At present, we should stress emphasis on establishing an incentive mechanism that combines material and spiritual incentives. The implementation of the incentive mechanism and the realization of the purpose of stimulating labor enthusiasm must be guaranteed through the evaluation means of "personnel" and "performance", and through the establishment and improvement of new standardized and reasonable rules and regulations. Therefore, the original systems must be revised and re-formulated. There are many difficulties in promoting the internal reform of logistics entities. The most important thing to solve the difficulties and problems is the ideological understanding of leaders and employees. Leaders at all levels should further clarify the objectives of reform, strengthen their confidence in reform, clarify their responsibilities, and realize that there is no other way to go. Only by actively exploring and promoting various reforms within logistics entities

can we promote the deepening, innovation and development of logistics socialization reform. The leaders must carry out publicity and education and positive ideological and political work for employees, and make full use of various resources and give full play to people's role through the reform of management system and operation mechanism. A new school logistics entity management and operation mechanism with unified responsibility, power and benefit, consistent contribution and reward, perfect management system, standardized operation and effective operation should be established.

4.3. Establish a service quality supervision and evaluation system

Revise and improve the original systems. Establishing an effective service quality supervision system is important to ensure the quality of logistics service. Service quality supervision mainly checks whether the services provided are achieved and whether the specified service standards are effectively met. On the one hand, it should inspect the performance of various service contracts and commitments; On the other hand, it need check the formulation, implementation and implementation of logistics organization systems and norms. At the same time, we should collect the feedback of customers' needs and expectations through the supervision system to timely improve the service system and norms. At present, the assessment system for employees is not perfect, and some systems and norms cannot be implemented and exist in vain. In view of these circumstances, supervision must be strengthened to ensure the quality of services.

First of all, the school should agree on the service with the logistics organization in the form of contract, including service specification, quality, remuneration, responsibilities and rights of service. Break the concept of "one family" and urge the logistics organization to establish and improve the quality assurance system. For the agreed services, we should strengthen supervision and assessment by means of random sampling, regular inspection, teachers and students evaluation and so on.

Secondly, logistics service enterprises should establish and improve the quality assurance system and strengthen independent quality control and evaluation to continuously improve their service quality and market competitiveness.

Third, establish an effective employee evaluation system. Whether the employees of the enterprise have achieved the services they promise and whether they have reached the service standards, their activity processes should be effectively controlled and properly evaluated. The evaluation shall be implemented through self inspection of service providers, patrol inspection of functional departments, special inspection and evaluation of quality supervision departments, teachers and students' evaluation, etc. Among them, the evaluation of teachers and students is a very important aspect, because it can reflect the results of employees' implementation of systems and norms and the effect of services. Comprehensive evaluation of employees' cultural cultivation, professional ethics, technical skills and service norms is a powerful measure to implement systems and norms and improve service quality.

4.4. Gradually improve the assessment content and constantly optimize the management work

The content of assessment should be focused, and each index is very important. The result is that there is no focus, so it is difficult to play the role of assessment and incentive. In practice, the performance evaluation indicators of school logistics management can be appropriately selected according to the characteristics of the school and the development stage of logistics services, and gradually improved in the process. If all indicators are evaluated at the beginning, it will be difficult to operate and realize.

According to the characteristics of the assessment object, the assessment indicators shall be selected in a targeted way, taking the service characteristics of different departments into account. In the design of assessment indicators, the assessment management

shall be carried out according to the requirements of the department and the characteristics of the post. In the assessment procedures and methods, the assessment cycle and result evaluation shall also be designed according to the characteristics of the department.

Logistics service evaluation should combine quantitative analysis and qualitative description, because there are many factors affecting teaching quality and logistics service. In the evaluation, we must unify the process evaluation and result evaluation, and pay attention to both horizontal comparison and vertical development. We should strive to make the evaluation results truly and objectively reflect work performance.

There are many methods of assessment and evaluation, but there is no general method suitable for all purposes. The basis for selecting assessment methods is to meet the characteristics of the school and achieve the development requirements and objectives of the school. We propose to adopt the assessment method of combining goal management with 360 degree performance feedback.

Determine management objectives. Rely on the upper and lower levels of the organization to identify their common goals, define each person's main scope of responsibility according to each manager's expectation of their own results, guide and promote the work with these value standards, and evaluate the contribution of each member. The goals must be clear, feasible, challenging, specific and verifiable, including daily and temporary responsibilities, goals to solve problems, creative goals and personal goals.

The evaluators of the logistics department include department leaders, colleagues, teaching staff (students) and themselves. Teaching staff are active participants. The completion of the final task and goal is evaluated by the superior supervisor, colleagues, subordinate employees, service objects (such as students) and self-evaluation, and the evaluation results are fed back to the evaluated. We must improve the authority and impartiality of the evaluation through the establishment of a cross management evaluation committee. Judging from the strong principle and policy nature in evaluation work, to ensure the scientific, standardized and efficient development of the evaluation work, a competent evaluation team must be established. Its members should correctly grasp the relevant policies, be familiar with the evaluation business, have a decent style, do things fairly, and have good sense of organization and principle.

4.5. Introduce and train excellent school logistics personnel

Break the identity boundary in the logistics department and implement the appointment system. According to the needs and the reality of logistics work, posts shall be set reasonably according to the situation and responsibilities shall be clarified. On this basis, limited term employment shall be implemented in accordance with the method of open conditions, equal competition and two-way selection. During the employment, the candidates should be selected according to its morality, ability, diligence, performance and future development potential. Those who meet the conditions shall be promoted to a higher level without being restricted by their original status. In this way, the best candidates can be selected according to the needs of the post, and the situation that once appointed and will remain unchanged for lifetime in the past can be avoided. This can not only strengthen the professional dedication of cadres and workers to forge ahead, study hard and strive for perfection, but also encourage young people to innovate with full enthusiasm and make the team full of vitality. Of course, to retain and introduce talents, we also need to strengthen the incentive function of distribution. Therefore, the salary income of employees must be directly linked to their post responsibilities and work performance. At the same time, we should gradually improve the wages of employees and implement special allowances for excellent talents, so as to attract and retain high-level talents.

Importing management talents from outside can help to introduce new thinking, new ideas and new measures, and improve the management level of logistics team. But at the same time, we should boldly promote those who have good ideological quality, strong professional ability and certain management level in the logistics team to management posts. These people are often the backbone of logistics services, and we must pay attention to protecting their enthusiasm. The introduction of talents focuses on adding new blood to logistics from management, technology and cultural knowledge, while the internal promotion of talents is to mobilize people's enthusiasm from the aspects of respecting labor, respecting knowledge, and realizing people's self-worth. Simply emphasizing the introduction of talents from the outside and the practice of exclusion and self isolation may not be conducive to the development of school logistics organization.

The quality of logistics staff includes professional ethics, moral cultivation, cultural and theoretical knowledge, professional skills, interpersonal skills, service attitude, service level, etc. On the one hand, we should encourage employees to spontaneously participate in various studies and training, continuously improve their individual ability, and give economic support when necessary; On the other hand, we should often send them out for advanced study or invite teachers to give lectures, and carry out systematic training in different majors for employees at different levels and types of work, such as inculcating enterprise ideas, learning management systems, standardizing various behaviors, etc. In learning and training, we should put an end to formality. The enterprise shall give preferential policies in terms of salary and treatment to the employees who have learned well and obtained the qualification certification of the industry sectors through study and training, so as to mobilize the employees' enthusiasm for learning.

The work of logistics workers is very hard, many of which are "dirty, bitter, tired and dangerous". In the knowledge-based environment of the school, the labor of logistics workers is not easy to be respected. Their status is at the lowest level, their labor remuneration is low, and their living treatment lags behind, which makes them be looked down upon, and they are more prone to a sense of inferiority. Therefore, in the socialization reform of school logistics, we should adhere to the concept of "people-centered" everywhere and all the time, respect the labor of employees, pay attention to the improvement of their working conditions and living environment, carefully study and deal with the reasonable requirements of employees, so that employees can make full use of their talents in their work, breathe with the enterprise with full confidence, share a common destiny and develop together.

References

1. Tan Kunhua, Fan Jinliang, Yan Xiufeng: Discussion on Several Development Stages of Socialized Rear-service in Chinese schools, *Journal of Wuhang Institute of Technology*, 2005 (9).
2. Wang Qiang, Ke Liming: Ccurrent Situation and Countermeasures of Socialized Rear-service Reform in Schools, *Journal of Nanjing Forestry University (Humanities and Social Sciences)*, 2004 (12).
3. Peng Huaizu: Current Situation and Trend of School Rear-service Reform, *Higher Education Research*, 2005 (5).
4. Huang Yunlong: *Modern Education Management*, Shanghai, Fudan University Press, July 1993.
5. Wu Zhihong: *Educational Administration*, Shanghai, People's Education Press, April 2003.
6. Zhu Xin: Mode Comparison and Efficiency Analysis of Socialized School Rear-service Reform, *Technology Progress and Countermeasures*, October 2003.
7. Li Xicai, Several Problems in the Socialization Reform of School Rear-service, *Journal of Anhui University of Technology (Social Sciences)*, Vol. 5, N 4, December 2003.
8. Li Hongmu, Liu Guo, Li Yuxia: Transformation of School Rear-service Management System and Operation Mechanism, *Journal of Chengdu University of Technology (Social Sciences)*, Vol. 11, N 4, December 2003.

9. Zhang Yan, Zhong Wensheng: Analysis of Organizational Form and Internal Control in the Process of School Rear-service Socialization, Journal of Yueyang Vocational and Technical College, December 2003.
10. Yao Jieren, Xu Hongfeng: School Rear-service Reform in China: Review and Prospect, Journal of Huaiyin Normal University (Philosophy and Social Sciences), 2003.6, Vol. 25.
11. Xu Wei: Optimized Design of Logistics Staff Performance Management in Private Schools, Modern Education and Practice, 2021, 3 (3).

About the authors:

Shen Lin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Human Resources Center of Shanghai Administration Institute (SAI), China; linshen3@citiz.net

Xu Hui, Master degree in Foreign Language and Applied Linguistics, Lecturer, Foreign Affairs Office of Shanghai Administration Institute (SAI); 376836075@qq.com

Об авторах:

Шэнь Линь, кандидат экономических наук, доцент Центра управления персоналом Шанхайского административного института (Шанхай, КНР); linshen3@citiz.net

Сюй Хуэй, магистр иностранных языков и прикладной лингвистики, лектор, Управление международных связей Шанхайского административного института (Шанхай, КНР); 376836075@qq.com

Формирование в Ленинграде системы комплексного непрерывного поточного управления жилищно-гражданским строительством: опыт 70–80-х годов XX века

Захарова Н. В.^{1, *}, Лабудин А. В.²

¹Российский государственный экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация; *nat_zakh@mail.ru

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается проблема комплексного непрерывного поточного управления строительством мегаполиса на примере Ленинграда конца семидесятых — начала восьмидесятых годов XX в. и предлагавшиеся пути ее решения. Использованы внутренние статистические данные Ленгорисполкома. Проанализированы основные проблемы в обеспечении слаженного и планомерного управления строительным комплексом в тот исторический период. Делаются выводы об актуальности данной проблемы и методов ее решения в условиях качественно нового этапа развития российского общества.

Ключевые слова: город, микрорайон, квартал, строительство, жилищное строительство, культурно-бытовое строительство, социальная сфера, комплексная застройка, планирование, поточное управление

Для цитирования: Захарова Н. В., Лабудин А. В. Формирование в Ленинграде системы комплексного непрерывного поточного управления жилищно-гражданским строительством: опыт 70–80-х годов XX века // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 137–148.

Formation in Leningrad of a System of Integrated Continuous Flow Management of Housing and Civil Construction: The Experience of the 70–80s of the Twentieth Century

Natalya V. Zakharova^{1, *}, Alexander V. Labudin²

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; *nat_zakh@mail.ru

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article deals with the problem of complex continuous flow management of the construction of a metropolis on the example of Leningrad of the late seventies and early eighties of the twentieth century and the proposed ways to solve it. Internal statistical data of the Leningrad City Executive Committee were used. The main problems in ensuring coordinated and systematic management of the construction complex in that historical period are analyzed. Conclusions are drawn about the relevance of this problem and methods of its solution in the conditions of a qualitatively new stage in the development of Russian society.

Keywords: city, microdistrict, quarter, construction, housing construction, cultural and household construction, social sphere, integrated development, planning, flow management.

For citing: Zakharova N. V., Labudin A. V. Formation in Leningrad of a System of Integrated Continuous Flow Management of Housing and Civil Construction: The Experience of the 70–80s of the Twentieth Century // Administrative consulting. 2022. N 8. P. 137–148.

Введение

В настоящее время оправданный и растущий интерес проявляется к методам и формам планового управления экономикой, накопленным в советский период отечественной истории. Чем дальше, тем яснее становится, что на рубеже 80–90-х годов 20-го столетия у нашей страны и ее руководства был выбор: реформировать в соответствии с новыми требованиями времени социалистическую экономическую систему, придать ей «второе дыхание», аккуратно включив рыночные механизмы, там и только там, где это требуется, или бездумно сломать ее, заменив архаичной «рыночной экономикой», более подходящей для слаборазвитых стран «третьего мира», нежели для устремленного в будущее постиндустриального общества. И выбор был сделан. Причем, как показывает опыт прошедших с начала 90-х годов десятилетий, явно ошибочный. Поэтому перед экономической наукой встает актуальная задача — изучить и проанализировать советский управленческий опыт, в том числе накопленный в Ленинграде, когда во главе города и области стоял выдающийся государственный деятель, первый секретарь Ленинградского областного комитета КПСС, член высшего органа политического руководства страны — Политбюро ЦК КПСС Григорий Васильевич Романов, рассматривавшийся в начале 80-х годов как вполне вероятная кандидатура на высший в тогдашней политической системе пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вот что недавно предельно объективно и взвешенно говорил о Г.В. Романове один из его ближайших соратников секретарь Ленинградского обкома КПСС в 1978–1983 гг. Василий Георгиевич Захаров, впоследствии работавший первым заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, вторым секретарем Московского горкома КПСС, министром культуры Союза ССР: «Я не сторонник однозначных ответов. Вот этот — под святцы готов, а этот — злодей. Каждый крупный руководитель — разноцветный, и поэтому Романов — сложная фигура. Он десять с лишним лет руководил Ленинградским обкомом, оставил хозяйство в хорошем состоянии. Ленинград шел в авангарде некоторых явлений. Планы социально-экономического развития городов и отдельных отраслей были сделаны в Ленинграде, а потом одобрены руководством страны. Крупные научно-производственные объединения возникли в Ленинграде. Я не говорю уже о судостроении и оборонке. И танк великолепный, и трактор Т-700 были созданы на Кировском заводе. Подводные лодки, все ледоколы строились только в Ленинграде. И сельское хозяйство высокоэффективное было. Удои даже больше, чем в большинстве прибалтийских республик, а там они были выдающиеся. В этом отношении Романов немало сделал. Город был во многом приведен в порядок. Сам он оборонщик, на Кировском заводе работал, в конструкторском бюро, лелеял эту отрасль»¹.

Высокий уровень организации экономического и, в частности, строительного комплекса Ленинграда в 70–80-е годы 20-го столетия не означал, что в их развитии не было проблем. Безусловно, были. И они осознавались как руководством города, включая первое лицо, так и хозяйственниками и учеными. Думали, искали и находили пути решения стоящих перед городом проблем. Многие из этих путей представляют интерес и сегодня, в изменившихся социально-экономических условиях.

Данная статья продолжает статью авторов, опубликованную в «Управленческом консультировании» № 7 за 2021 г. и также посвящена строительной отрасли, управлению ее развитием в Ленинграде в 70–80-х годах 20-го столетия [1]. В тот период шел активный поиск новых форм и методов организации производства, в том числе строительного комплекса. Данная проблема была рассмотрена одним из

¹Василий Захаров: редко встретишь деятелей культуры... [Электронный ресурс]. URL: <https://kremlinhill.com> › 2021/02/08 › экс-министру... (дата обращения: 15.02.2022).

авторов настоящей статьи в коллективной монографии «Хозяйственная система евразийского типа: проблемы экономической неопределенности» [4, с. 210–227].

Материалы и методы

Система управления, планирования и организации жилищно-гражданского строительства в Ленинграде в значительной степени была подготовлена к переходу к системе непрерывного планирования и комплексной поточной застройки города, рассматривавшейся в 70–80-е годы 20-го столетия как оптимальная. Предпосылками этого являлись:

- высокий уровень концентрации капитальных вложений в городское строительство в системе Исполкома Ленгорсовета (по жилищному строительству в 1980 г. 91%)¹;
- установление статуса главного застройщика города, возложенного на ГлавУКС (Главное управление капитального строительства Ленгорисполкома), с которым согласовывалось размещение, проектирование и строительство всех объектов жилищного и культурно-бытового назначения;
- определение ГлавУКСа в качестве единого заказчика от имени Ленгорисполкома по жилищно-гражданскому строительству (удельный вес капитальных вложений, осваиваемых ГлавУКСом в общем их объеме по всем предприятиям и организациям Ленгорисполкома составил: в 1976 г. — 70,1%, в 1977 — 61,2%, в 1978 — 61,8%, в 1979 — 57,5%);
- полная концентрация проектно-изыскательских работ для жилищно-гражданского строительства в проектных организациях системы ГлавАПУ (Главного архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома): ЛенНИИПроекте, Ленгипроинжпроекте, Тресте ГРИИ (Трест геодезических работ и инженерных изысканий);
- наличие мощных строительных организаций, осуществляющих городское жилищно-гражданское строительство в качестве единых подрядчиков — Главленинградстроя и Главленинградинстроя. В 1979 г. в общем объеме подрядных работ по Исполкому Ленгорсовета доля Главленинградстроя составила 60,3%, а Главленинградинстроя — 14,8%; в 1976 г. эти показатели составляли: для Главленинградстроя — 62,8%, для Главленинградинстроя — 13,8%. Остальной объем подрядных работ приходился на ремонтно-строительные организации.

Таким образом, в Ленинграде в основном были выполнены требования постановления Совета Министров СССР от 1 марта 1978 г. «О мерах по расширению в городах практики комплексного поточного строительства жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства»², а также Инструкции по организации и комплексному осуществлению в городах поточного строительства жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства СН 508–78, утвержденной постановлением Госстроя СССР от 30 августа 1978 г. № 173³. Последняя, в частности, предусматривала следующие мероприятия:

- создание в городе службы единого заказчика по строительству подрядным способом жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммуналь-

¹ Данные везде из служебных материалов Исполкома Ленгорсовета.

² Текст — Электронный фонд — Техэксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document> (дата обращения: 15.02.2022).

³ СН 508–78. Инструкция по организации и комплексному... [Электронный ресурс]. URL: <https://meganorm.ru/Data2> (дата обращения: 15.02.2022).

ного хозяйства, что способствовало бы существенному повышению авторитета местных органов власти, непосредственно отвечавших за решение жилищной проблемы и развитие социально-культурной сферы и коммунального хозяйства в городе и нуждавшихся в соответствующих полномочиях;

- сосредоточение капитальных вложений на строительство этих объектов в основном у единого заказчика (желательно — в исполкоме Местного Совета) путем передачи ему в порядке долевого участия капитальных вложений, направляемых на строительство жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства предприятиями (организациями), независимо от их ведомственной подчиненности, расположенными в данном городе — это мероприятие также создавало принципиально более серьезные организационные и финансовые возможности местных органов власти в решении жилищной проблемы и развитии социально-культурной сферы города;
- сосредоточение проектных работ для жилищно-гражданского строительства в городе, в основном, в одной проектной организации (генеральный проектировщик), выполняющей основные объемы проектных работ для жилищного, культурно-бытового и коммунального строительства в данном городе — данное мероприятие также было направлено на обеспечение местных органов власти дополнительными полномочиями на всех этапах и стадиях строительного процесса;
- выполнение объемов строительно-монтажных работ по возведению в городе жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства единой подрядной строительно-монтажной организацией (генеральный подрядчик), в качестве которой выбирается тот трест, который выполняет в данном городе основные объемы работ по строительству жилищно-гражданских объектов — это мероприятие в любом случае повышало авторитет и возможности местных органов власти, особенно тогда, когда генеральный подрядчик непосредственно входил бы в систему городского управления, но даже если бы этот трест был бы союзного или республиканского подчинения.

Однако сложившаяся к тому времени система организации жилищно-гражданского строительства в Ленинграде не предусматривала единого управления рабоче-го органа, координирующего совместную деятельность всех органов, занимающихся строительством. Между тем Инструкция рекомендовала образовывать такой орган: Координационный Совет под председательством заместителя Председателя горисполкома по капитальному строительству в составе представителей следующих городских управленческих структур: городской (областной) плановой комиссии, управления (отдела) по делам строительства и архитектуры, единого заказчика — управления (отдела) капитального строительства, генерального проектировщика, генеральных подрядчиков, городского отделения Стройбанка СССР, осуществлявшего финансирование строительства на всех его стадиях. Для осуществления оперативного контроля за подготовкой документации, а также за разработкой и внедрением методов комплексного непрерывного планирования и организации поточного строительства при Управлении (отделе) капитального строительства исполкома предполагалось создавать Рабочую группу Координационного совета. Такую рабочую группу лучше было создать при аппарате горисполкома, так как ГлавУКС (Главное управление капитального строительства) являлся одним из участников строительного конвейера и поэтому нецелесообразно возлагать на него координирующие функции в отношении работы других участников. О необходимости координационных советов из представителей ведущих организаций и предприятий, участвующих в застройке города, говорил опыт городов, перешедших на систему комплексного непрерывного поточного планирования и управления жилищно-гражданского строительства — Орла, Мурманска, Донецка

и других. «Было бы полезно, — писал видный строитель и журналист Ю. Г. Цыганков, — наделить Советы определенными правами, позволяющими подготавливать программы городского строительства и контролировать их реализацию» [5; см. также 6].

Комплексное непрерывное планирование проектно-изыскательских и строительно-монтажных работ рассматривалось как сердцевина управления строительным комплексом города. «Характерная особенность мероприятий (осуществленных в ходе формирования системы «орловской непрерывки» — Н. З., А. Л.) состоит в том, — говорилось в постановлении ЦК КПСС от 13 августа 1974 г. «Об опыте работы Орловского обкома КПСС по организации ритмичного ввода в эксплуатацию жилищно-гражданских объектов в г. Орле», — что на основе пятилетнего плана и генплана застройки города разрабатываются не годовые, как обычно, а двухлетние планы проектирования и строительства жилищно-гражданских объектов. Перед окончанием каждого года составляется программа на следующий двухлетний период, что в значительной степени обеспечивает непрерывность планирования строительного процесса» [2, с. 451]. Как положительные отмечались следующие моменты:

- удалось добиться концентрации капитальных вложений, которые сосредоточены теперь у единого заказчика — горисполкома (Орловского — Н. З., А. Л.);
- практически на этой основе покончено с распылением капитальных вложений;
- удалось уменьшить на одну треть количество одновременно строящихся жилых домов;
- за счет этого удалось направить высвободившиеся средства на создание переходящих заделов;
- удалось улучшить обеспечение строек проектной документацией.

Осуществленные мероприятия положительно сказались на технико-экономических показателях жилищно-гражданского строительства:

- сроки возведения домов сократились в среднем на 20%;
- производительность труда строителей возросла на 16%;
- большинство строительных объектов принимается с хорошей оценкой;
- экономический эффект за два года составил около одного миллиона рублей;
- обеспечен устойчивый, равномерный по кварталам ввод в эксплуатацию жилых домов;
- уменьшено незавершенное строительство;
- без дополнительных ассигнований и материальных ресурсов существенно сокращены сроки возведения жилых домов, а также объектов социального и культурно-бытового назначения;
- повышено качество строительно-монтажных работ;
- снижена себестоимость строительно-монтажных работ.

Центральный Комитет КПСС рекомендовал ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС, министерствам и ведомствам использовать опыт организации жилищно-гражданского строительства в г. Орле [2, с. 451–452]. В те годы рекомендация высшего органа правящей партии приобретала силу закона, подлежащего неукоснительному исполнению.

ЦК КПСС поручил Госплану СССР и Госстрою СССР совместно с Советами Министров союзных республик и соответствующими министерствами и ведомствами, исходя из имеющегося опыта комплексного непрерывного двухлетнего планирования и организации ритмичного строительства и ввода в эксплуатацию жилищно-гражданских объектов, внести необходимые корректировки в порядок планирования жилищно-гражданского строительства в городах начиная с 1975–1976 г. [2, с. 452]. Результатом такой корректировки явилась, в частности, упомянутая инструкция Госстроя СССР.

Результаты

Сложившаяся в конце 70-х годов 20-го столетия в Ленинграде система планирования строительства заключалась в следующем.

ГлавУКС и отраслевые управления-заказчики разрабатывали проекты планов, согласовывали их со строительными организациями и направляли в Плановую комиссию Ленгорисполкома, которая обобщала проекты планов и представляла проект сводного плана в Госплан СССР. Основные показатели плана утверждались центральными органами, распределялись Плановой комиссией Ленгорисполкома по подведомственным Ленгорисполкому организациям, которые на их основе составляли свои планы.

В конце 70-х — начале 80-х годов при составлении планов городского строительства не в полной мере обеспечивалась непрерывность планирования. Отсутствовало скользящее двухлетнее планирование, составлявшее стержневой момент системы «орловской непрерывки», одобренной, как уже отмечалось выше, высшим органом политического руководства того времени — Центральным Комитетом КПСС. Правда, некоторый опыт составления двухлетних планов имелся в ГлавУКСе и в Главленинградстрое, которыми в 1978–1979 гг. была составлена (с участием ГлавАПУ) двухлетняя адресная программа на 1978–1979 гг. Составление таких планов было затруднено из-за отсутствия требуемого задела по инженерному оборудованию новых районов застройки, а также заделов по проектно-сметной документации и строительно-монтажным работам.

Известно, что в динамичном строительном производстве достоверность расчетов падает тем резче, чем дальше отодвигается плановый горизонт. На рассматриваемом в настоящей статье этапе, как показала практика, наиболее реальное, хотя и не простое, дело — разработка задания именно на двухлетний период. При этом программа первого года — рабочая, а второго — подготовительная. По окончании первого года составлялся план на следующий двухлетний период, где прошлый подготовительный план после соответствующей корректировки становился рабочим. Образовывался непрерывный плановый поток, обеспечивалась более тесная увязка годовых планов, пятилетних с годовыми, а также соседствующих пятилеток между собой. При этом двухлетние планы вписывались в существовавшую систему планирования, где ведущим звеном являлся пятилетний план. Кроме того, титульные списки также было целесообразно составлять на два года и лишь уточнять в преддверии следующего года. Система, при которой на каждый год заново составлялись и утверждались титульные списки, заключались подрядные договоры, оформлялись фонды на материально-технические ресурсы, открывалось финансирование, приводила к штурмовщине в конце года, неритмичности строительного потока, возрастанию числа незавершенных объектов, соответственно к снижению качества строительной продукции. К сожалению, Инструкция Госстроя СССР по организации и комплексному осуществлению в городах поточного строительства жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства не упоминала вообще двухлетние строительные планы. Там говорилось лишь о том, что «основой для непрерывного планирования жилищного, культурно-бытового и коммунального строительства в городе должны служить предусмотренные в пятилетних планах экономического и социального развития годовые задания (на планируемый и следующий за ним год)»¹.

Следствием отсутствия непрерывности планирования являлось запоздание в сроках утверждения пятилетних и годовых планов. Несмотря на то что составление пятилетних планов начиналось со второго года предшествующего пятилетия, а го-

¹ СН 508—78. Инструкция по организации и комплексному ...

довых — с начала года, предшествующего планируемому, утверждались они несвоевременно: пятилетний план — в конце первого года соответствующей пятилетки, утвержденные и откорректированные задания годовых планов доводились до исполнителей (проектных и строительных организаций) в начале второго квартала планируемого года (sic! — Н. З., А. Л.). Это грубо противоречило срокам, утвержденным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» (доводить до подведомственных организаций не позднее, чем за полтора месяца до начала планового года), да и вообще здравому смыслу [3, с. 373]. Между тем данное постановление на рубеже 70–80-х годов XX в. рассматривалось как стратегическое. Оно разрабатывалось под непосредственным руководством Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и явилось его «лебединой песней».

В планы проектных и строительных организаций в течение года вносились многочисленные изменения. По данным Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ), при относительно стабильном плане капитальных вложений ГлавУКСа, коэффициент стабильности которого был близок к 1, стабильность плана в проектных организациях ГлавАПУ составляла 0,88; в Главленинградстрое — 0,92. Изменения, вносимые в планы, незначительно затрагивали общие объемы работ организаций, но при этом происходило перераспределение программы по заказчикам и объектам.

Основной причиной нестабильности планов являлась их недостаточная обоснованность и реальность.

В планы проектно-изыскательских работ в ряде случаев включались объекты, не обеспеченные исходными данными: в планы подрядных работ — объекты, по которым не освобождены пятна застройки, не подготовлена проектно-сметная документация, не решены вопросы с поставками оборудования и т. д. Плановая комиссия Ленгорисполкома не имела четкого представления о реальных производственных мощностях строительных организаций и системе материально-технического снабжения.

Степень обеспечения жилищно-гражданского строительства Ленинграда проектно-сметной документацией по состоянию на 1 сентября года, предшествующего указываемому, составила (табл. 1):

Существовало заметное расхождение в показателях обеспеченности технической документацией по ГлавУКСу и проектному институту «ЛенНИИпроект» ГлавАПУ Ленгорисполкома, с одной стороны, и Главленинградстрою — с другой. Это объяснялось различным подходом к учету выпуска и наличия проектно-сметной документации. Для проектных организаций готовой продукцией считались проекты, принятые заказчиком. Для строительной организации обеспеченными считались объекты, по которым имелась комплектная и доброкачественная документация. Поскольку после согласования многие проекты направлялись на доработку, уровень

Таблица 1

**Обеспеченность жилищно-гражданского строительства в Ленинграде
проектно-сметной документацией на 1 сентября года,
предшествующего указываемому, %**

Table 1. Provision of housing and civil construction in Leningrad with design and estimate documentation as of September 1 of the year preceding the specified, %

По данным	1976 г.	1977 г.
ГлавУКСа Ленгорисполкома	90	83
«ЛенНИИпроекта» ГлавАПУ Ленгорисполкома	—	85
Главленинградстроя	72	64
В том числе по объектам Ленгорисполкома	76	64

обеспеченности проектно-сметной документацией строительных организаций был значительно ниже, чем у заказчика и проектировщика.

По ряду объектов строительства проекты не представлялись даже на начало текущего года, о чем свидетельствовали показатели обеспеченности строительства проектно-сметной документацией на 1 января (табл. 2).

Поступление документации велось в течение года. При этом число необеспеченных проектно-сметной документацией объектов возрастало на начало второго квартала в связи с корректировкой адресной программы в феврале-марте текущего года.

Основными причинами несвоевременной подготовки и представления проектно-сметной документации являлись:

- 1) недостатки действующей системы планирования капитального строительства, вызывавшие многократные изменения адресных программ строительства в процессе их формирования и реализации;
- 2) отсутствие необходимого задела по проектно-изыскательским работам;
- 3) несвоевременное представление исходных данных на проектирование, что являлось следствием несовершенства планирования и организации проектно-изыскательских работ и неотрегулированности взаимоотношений ГлавУКСа и ГлавАПУ;
- 4) сложная и длительная процедура согласования проектно-сметной документации с Главленинградстроем и экспертно-техническим отделом ГлавАПУ и вследствие этого задержка утверждения технических проектов;
- 5) недостаточно высокое качество проектов и смет, что вело к необходимости их доработки и корректировки.

Для повышения качества и своевременности обеспечения проектно-сметной документацией целесообразно было ввести систему оплаты выполненных проектно-изыскательских работ после устранения недоработок и ошибок в проектах и сметах, выявленных строительными организациями. Эта мера являлась существенным экономическим стимулом, направленным на повышение заинтересованности проектировщиков в разработке качественной проектно-сметной документации. При составлении проектов планов проектно-изыскательских работ следовало учитывать необходимость заблаговременной разработки проектно-сметной документации в целях опережающего выполнения этой работы с тем, чтобы обеспечить документацией объемы градостроительных работ, предусмотренные на планируемый и следующий за ним год. Это как раз работало на обеспечение непрерывности строительного процесса. При этом опережающими темпами должна была разрабатываться документация на инженерное оборудование и инженерную подготовку территории жилых микрорайонов, развитие и реконструкцию улично-дорожной сети, строительство головных сооружений и прокладку магистральных сетей коммунального хозяйства, так как именно со строительства этих объектов начиналась и начинается и поныне

Таблица 2

Обеспеченность жилищно-гражданского строительства в Ленинграде проектно-сметной документацией на 1 января, %

Table 2. Provision of housing and civil construction in Leningrad with design and estimate documentation as of January 1, %

По данным	1976 г.	1977 г.	1981 г.
ЛенНИИпроекта	96	96	47,6*
Главленинградстроя	89	96	—
В том числе по объектам Ленгорисполкома	91	99	—

*От незавершенного жилищного строительства на 01.01.1981.

застройка жилой зоны, о чем уже писали авторы в предыдущей статье на страницах «Управленческого консультирования» [1]. Проблема отставания инженерного оборудования и инженерной подготовки территории, дорог, коммунальных сетей и сооружений до сих пор является существенным тормозом развития городского строительства.

Организация подготовки и осуществления строительно-монтажных работ оценивалась с точки зрения:

- обеспеченности жилищно-гражданского строительства организационно-технологической документацией;
- состояния нормативно-технологического задела;
- показателей ритмичности строительства.

Организационно-технологическая документация разрабатывалась в Главленинградстрое. Недостатки в обеспечении строек ею сводились к несоответствию проектов организации строительства (ПОС) реальными условиями его осуществления и несвоевременной разработке проектов производства работ (ППР) на застройку кварталов.

В Ленинграде наблюдалась недостаточность технологического задела. По жилищному строительству, осуществляемому ГлавУКСом, состояние задела характеризовалось следующими данными (табл. 3).

Степень обеспеченности задела капитальными вложениями определялась как отношение (в %) стоимости незавершенного строительства на 1 января планируемого года к программе капитальных вложений данного года.

Степень обеспеченности задела капитальными вложениями по жилищному строительству составила, по данным ЛИСИ, в 1975 г. — 79,6%, в 1976 г. — 74%, в 1977 г. — 46%.

Показатели ритмичности жилищного строительства, по данным ЛИСИ, составили: в 1975 г. — 0,52; в 1976 г. — 0,46; в 1977 г. — 0,43. По принятой методике степень ритмичности ввода объектов в эксплуатацию определялась как отношение сметной стоимости фактически введенных объектов к сметной стоимости объектов, подлежащих вводу в течение квартала (25% от годового ввода — норматив) или месяца (8,3% от годового ввода — норматив); при условии равномерного ввода $K_{\text{ритм}}$ равнялся единице.

Таблица 3

Состояние технологического задела в Ленинграде

Table 3. State of technological reserve in Leningrad

	1975 г.				1976 г.				1977 г.			
	Норматив	План	Факт	Факт к плану, %	Норматив	План	Факт	Факт к плану, %	Норматив	План	Факт	Факт к плану, %
Задел по общей площади жилых домов, тыс. м ²												
Задел по объему капитальных вложений, млн руб.	42,3	33,6	26,6	79	46,2	34,2	20,9	61,1	65	30,0	—	46,1

Обсуждение

В Ленинграде была разработана и осуществлена оригинальная модель обеспечения непрерывного комплексного жилищно-гражданского строительства, учитывающая как общегосударственные нормативы и правила, утвержденные союзным Госстроем, так и специфику мегаполиса. Для определения последовательности и сроков осуществления всех мероприятий в рамках системы комплексного поточного строительства жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства, включая разработку проектно-сметной документации, проведение подготовительных мероприятий, выполнение работ по инженерной подготовке застраиваемых территорий, строительство объектов, их приемку и сдачу в эксплуатацию, должен был быть разработан по городу Ленинграду в целом комплексный укрупненный сетевой график (КУСГ).

КУСГ разрабатывался бы генеральным проектировщиком (с учетом единого заказчика и генерального подрядчика) на основе пятилетнего плана размещения строительства в соответствии с установленными плановыми заданиями по вводу в эксплуатацию объектов, направляемыми на эти цели лимитами капитальных вложений в строительство, строительно-монтажных работ, а также нормативами продолжительности проектирования и строительства объектов.

КУСГ служил бы основой для управления комплексной поточной застройкой города и его отдельных районов, а также для координации деятельности участвующих в ней организаций. Общий контроль за его реализацией осуществляла бы Рабочая группа Координационного совета.

Инструкция по организации и комплексному осуществлению в городах поточно-го строительства жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства Госстроя СССР (приложение № 1 к ней) предлагала разрабатывать КУСГ на срок 7–8 лет¹. Однако, как отмечали проектировщики, этот горизонт являлся слишком большим и не позволял детально разрабатывать в документе все вопросы, указанные в Инструкции. Поэтому в Ленинграде взяли за основу традиционный в тогдешнем планировании пятилетний период с более детальной проработкой двухлетнего периода. В КУСГ должны были быть отражены объемы и сроки начала и завершения проектных и строительных работ по отдельным городским районам и жилым кварталам. В качестве сопровождающих КУСГ документов предусматривались следующие документы:

- протоколы передачи единому заказчику предприятиями (организациями) капитальных вложений на строительство объектов в порядке долевого участия, утвержденные в установленном порядке;
- проекты детальной застройки и планировки городских районов, подлежащих застройке в течение планового периода;
- планы проектно-изыскательских работ, а также состояние обеспеченности строительства проектно-сметной документацией.

Степень детализации КУСГ уменьшается с возрастанием размеров города. В малых городах с небольшими объемами строительства КУСГ может быть совмещено со сводным ПОС (проектом организации строительства).

На основе КУСГ разрабатываются сводные ПОС по городским районам и ППР (по градостроительному комплексу и в целом). ПОС разрабатываются генеральным проектировщиком, а ППР — генеральным подрядчиком. ПОС и ППР служат целям управления застройкой отдельных городских районов, строительством объектов, их материальным обеспечением и другими связанными строительными процессами. Методы их разработки определены Инструкцией по разработке про-

¹ СН 508—78. Инструкция по организации ...

ектов организации строительства и проектов производства работ Госстроя СССР (СН 47–74)¹, а также приложениями 2 и 3 к Инструкции СН 508–78². Методика комплексного непрерывного планирования жилищно-гражданского строительства применительно к Ленинграду разрабатывалась в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. в Ленинградском инженерно-строительном институте — в настоящее время Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет³. Характерно, что одной из важнейших особенностей ленинградской модели управления была очень тесная связь вузовской науки и производства, в том числе и строительного, а также практики управления экономикой. ЛИСИ был и остается ведущим строительным вузом Ленинграда — Санкт-Петербурга и одним из ведущих во всей стране.

Заключение

Опыт организации строительства в Ленинграде «романовского» периода заслуживает самого серьезного как научного, так и практического интереса. В современных общественных условиях также важно обеспечить слаженные действия всех экономических субъектов, действующих в строительном комплексе крупнейшего города, каким является Санкт-Петербург. Кроме того, чем дальше, тем больше становится очевидным важнейшее значение планового начала в организации жизнедеятельности мегаполиса. Частные застройщики и подрядные строительные организации расширяют источники финансирования строительства, возможности привлечения дополнительных ресурсов и мощностей. Но они не должны действовать хаотично, каждый — на свой страх и риск. Тем более необходимо закрыть все лазейки для строительных организаций, их руководителей и собственников с целью лоббирования в органах государственной власти своих интересов, зачастую противоречащих интересам поступательного и комплексного развития города да и общегосударственным интересам. В застройке нашего великого города должна быть четкая плановая система, последовательность, долговременная взаимоувязка различных элементов. Сейчас это становится крайне актуальным в связи с обсуждением и предстоящим принятием нового Генерального плана развития Санкт-Петербурга. Это исключит хаос и неразбериху и обеспечит Санкт-Петербургу осуществление классического воодушевляющего призыва А. С. Пушкина:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия!

¹ СН 47–74. Инструкция по разработке проектов ... [Электронный ресурс]. URL: <https://meganorm.ru/Data2> (дата обращения: 15.02.2022).

² СН 508–78. Инструкция по организации.

³ Отчет по теме «Совершенствование системы планирования, организации и управления комплексной застройки города Ленинграда в условиях непрерывного планирования жилищно-гражданского строительства»: «Анализ существующей системы управления, планирования и организации жилищно-гражданского строительства в Ленинграде (краткое содержание)». Л., ЛИСИ, 1977; Отчет по теме «Совершенствование системы планирования, организации и управления комплексной застройки города Ленинграда в условиях непрерывного планирования жилищно-гражданского строительства»: «Предложения по планированию и организации застройки кварталов пусковыми жилыми комплексами» (промежуточный отчет). Л., ЛИСИ, 1980.

Литература

1. *Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Пути достижения комплексной застройки города: опыт Ленинграда 70–80-х годов XX века и его актуальность // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 54–67.
2. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 12. 1971–1975. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1986. 574 с.
3. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 13. 1976–1980. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1986. 510 с.
4. *Лабудин А. В.* Современный этап обобществления производства и необходимость формирования регионального строительного комплекса // Хозяйственная система евразийского типа: проблемы экономической неопределенности / под ред. д-ра экон. наук, проф. Д. Ю. Миropольского, д-ра экон. наук, проф. А. В. Харламова. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. 228 с. С. 210–227.
5. *Цыганков Ю.* Непрерывный план стройки // Правда. 1978 г. 21 августа. С. 2.
6. *Цыганков Ю. Г.* Что дает орловская «непрерывка». М. : Знание, 1981.

Об авторах:

Захарова Наталья Васильевна, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; Nat_zakh@mail.ru

Лабудин Александр Васильевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; Labudin59@mail.ru

References

1. Zakharova N. V., Labudin A. V. Ways to achieve the integrated development of the city: the experience of Leningrad in the 70–80s of the twentieth century and its relevance // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 7. P. 54–67 (in Rus).
2. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 12. 1971–1975. M. : Politizdat, 1986. 574 p. (in Rus).
3. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 13. 1976–1980. M. : Politizdat, 1986. 510 p. (in Rus).
4. Labudin A. V. The modern stage of socializing production and the need to form a regional construction complex // Economic system of the Eurasian type: problems of economic uncertainty / ed. D. Yu. Miropolsky, A. V. Kharlamov. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State Economic University, 2019. 228 p. P. 210–227 (in Rus).
5. Tsygankov Yu. Continuous construction plan // Pravda. 1978. August 21. P. 2 (in Rus).
6. Tsygankov Yu. G. What the Oryol “continuity” gives. M. : Knowledge, 1981 (in Rus).

About the authors:

Alexander V. Labudin, Professor of the Chair of Management of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; Labudin59@mail.ru

Natalya V. Zakharova, Professor of the Chair of World Economy of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); Nat_zakh@mail.ru

Согласованность стратегических интересов в развитии занятости населения Амурской области

Шевченко К. В.

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; boikokv6@gmail.com

РЕФЕРАТ

При развитии занятости населения важно учитывать, что от нее зависят качество и уровень жизни людей. Для повышения качества жизни необходима согласованность при решении задач только совместными усилиями всех уровней власти, а именно федерального, регионального, муниципального. Конечной целью реализации любой стратегии (глобальной, национальной, региональной, отраслевой, корпоративной и личной) по теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта является повышение качества и уровня жизни человека. Выявление интересов в развитии занятости населения региона является важнейшим этапом стратегирования, так как определение реальной ситуации позволит сформировать такие приоритеты, которые будут не только соответствовать трендам, но и отвечать потребностям занятости населения региона. При выявлении согласованности стратегических глобальных, национальных и региональных интересов в развитии занятости населения Амурской области проанализированы интересы глобального уровня, представленные в целях устойчивого развития ООН, докладе «Работать ради лучшего будущего» Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда МОТ, интересы национального уровня, отраженные в задачах Национального проекта «Демография», а также в пяти подведомственных ему федеральных проектах. На региональном уровне интересы продемонстрированы в стратегии региона и задачах трех программ Амурской области.

Ключевые слова: занятость населения, регион, стратегические интересы и согласованность интересов

Для цитирования: Шевченко К. В. Согласованность стратегических интересов в развитии занятости населения Амурской области // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 149–160.

Alignment of Strategic Interests in the Development of Employment in the Amur Region

Kristina V. Shevchenko

Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *boikokv6@gmail.com

ABSTRACT

When developing employment, it is important to take into account that the quality and standard of living of people depend on it. In order to improve the quality of life, consistency is needed in solving problems only through the joint efforts of all levels of government, namely federal, regional, municipal. The ultimate goal of implementing any strategy (global, national, regional, industry, corporate and personal) according to the theory of strategy and methodology of strategizing V.L. Kvint is to improve the quality and standard of human life. The identification of interests in the development of employment of the population of the region is the most important stage of strategizing, since the definition of the real situation will allow us to form such priorities that will not only correspond to trends, but also meet the employment needs of the population of the region. In identifying the coherence of strategic global, national and regional interests in the development of employment in the Amur region, the interests of the global level presented in the UN Sustainable Development Goals, the report "Working for a better future" of the ILO Global Commission on the

Future of the World of Work are analyzed. The interests of the national level reflected in the objectives of the National Project "Demography", as well as in five federal projects subordinate to it. At the regional level, interests are demonstrated in the tasks of three programs of the Amur region.

Keywords: employment, region, strategic interests and alignment of interests

For citing: Shevchenko K. V. Alignment of strategic interests in the development of employment in the Amur region // Administrative consulting. 2022. N. 8. P. 149–160.

Введение

Развитие занятости населения в регионе оказывает непосредственное влияние на уровень и качество жизни его населения [10, с. 3]. По мнению нобелевского лауреата по экономике 2006 г. Эдмунда Фелпса, для хорошей жизни необходимо «процветание, под которым он подразумевает чувство, которое переживает человек, когда испытывает удовлетворение от путешествия в неизвестное... достижение процветания и расцвета относит к эмпирическому, а не материальному вознаграждению» [8, с. 14]. Иностраннный член РАН, академик, д.э.н., профессор В. Л. Квинт и академик РАН, д.э.н., профессор В. В. Окрепилов утверждают, что «хорошая жизнь, может быть описана как высокое качество жизни и раскрытие креативных возможностей человека, которые должны обеспечиваться на корпоративном, региональном и национальном уровне благодаря внедрению системы управления качеством» [11, с. 45]. Таким образом, достойная жизнь — это главнейший приоритет развития человечества. Каждая страна, регион, город, территория должна стремиться формировать условия для создания достойной жизни своего населения [5, с. 310].

Отражение основных потребностей и выбора народа являются ориентиром основной стратегической концепции, которая обеспечит жизнеспособность региона [12, с. 425]. Конечной целью реализации любой стратегии (глобальной, национальной, региональной, отраслевой, корпоративной и личностной), в соответствии с теорией стратегии и методологии стратегирования В. Л. Квинта, является повышение качества и уровня жизни человека [4, с. 57]. Данная задача может быть решена только совместными усилиями всех уровней власти: федерального, регионального и муниципального. Приоритетной является деятельность органов власти, заключающаяся в последовательном повышении качества жизни населения, сокращении бедности, обеспечении достойных условий для жизни людей и развития социального государства [1, с. 3–4].

Методология

Для выявления согласованности стратегических интересов в развитии занятости населения Амурской области была «применена теория стратегии и методология стратегирования д.э.н., профессора, академика, Иностранного члена РАН, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации В. Л. Квинта, которому в декабре 2018 г. присуждена высшая награда МГУ — Премия имени М. В. Ломоносова за научные работы I степени за цикл работ «Теория стратегии и методология стратегирования»¹. В 2019 г. двухтомная монография В. Л. Квинта «Концепция стратегирования» получила Всероссийскую общественную премию «Экономическая книга года — 2019». В соответствии с данной методологией [2], при разработке стратегии важным этапом является согласованность интересов на глобальном, национальном и региональных

¹ Квинт Владимир Львович // МГУ МШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://mse.msu.ru/teachers/kvint-vladimir-lvovich/> (дата обращения: 20.12.2021).

уровнях [3, с. 898]. Определение реальных ценностей и интересов позволяет сформировать такие приоритеты, которые будут не только соответствовать трендам, но и отвечать потребностям региона. Если интересы субъектов стратегирования согласованы, то это будет способствовать успешной реализации стратегии.

Результаты

Глобальные интересы отражаются в докладах международных организаций. К глобальному уровню относятся «17 целей в области устойчивого развития, принятые Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года»¹ (рис. 1 и 2) и приоритеты, изложенные в «докладе «Работать ради лучшего будущего» Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда Международной организации труда (МОТ), Женева, 2019 г.»² (рис. 3).

Цели в области устойчивого развития ООН направлены на решение глобальных экономических, социальных и экологических проблем, с которыми сталкивается

Рис. 1. Цели в области устойчивого развития ООН
Fig. 1. UN Sustainable Development Goals

Источник: Составлено автором на основе Take Action for the Sustainable Development Goals // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 20.12.2021).

¹ Take Action for the Sustainable Development Goals // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 20.12.2021).

² Work for a Brighter Future // Global Commission on the Future of Work, International Labour Organization. Geneva: ILO, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ilo.org/infostories/en-GB/Campaigns/future-work/global-commissionintro> (дата обращения: 20.12.2021).

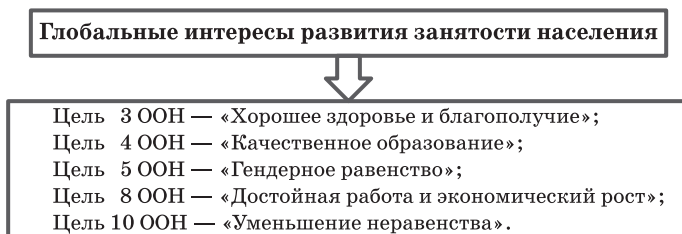

Рис. 2. Глобальные интересы развития занятости населения

Fig. 2. Global Employment Development Interests

Источник: Составлено автором на основе: Take Action for the Sustainable Development Goals.

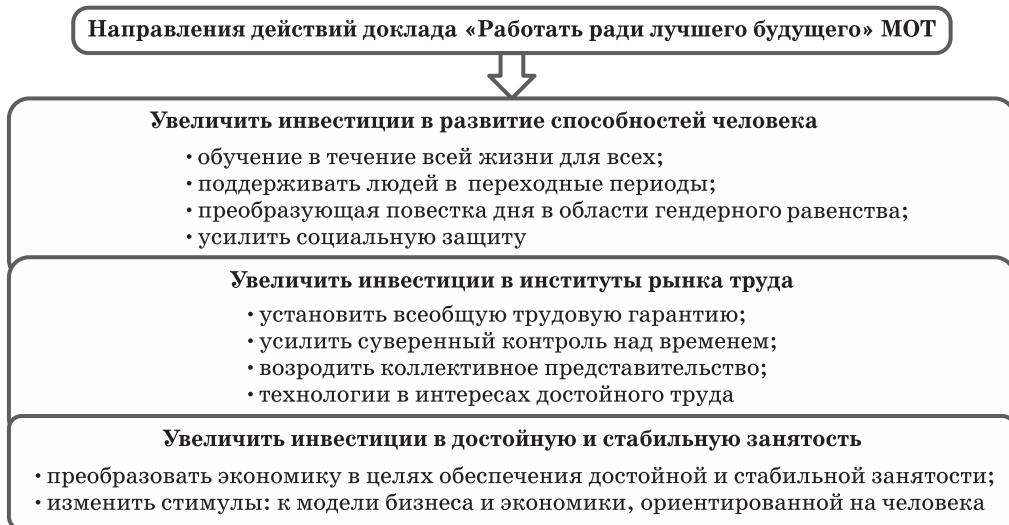

Рис. 3. Направления действий в докладе «Работать ради лучшего будущего» МОТ

Fig. 3. Directions of action in the ILO report "Working for a better future"

Источник: Составлено автором на основе: Work for a Brighter Future // Global Commission on the Future of Work, International Labour Organization. Geneva : ILO, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ilo.org/infostories/en-GB/Campaigns/future-work/global-commission-intro> (дата обращения: 20.12.2021).

современное общество [3, с. 899]. При развитии занятости населения Амурской области особенно необходимо учитывать согласованность глобальных интересов, отражающихся в целях устойчивого развития ООН, представленных на рис. 2.

Развитие занятости населения в Амурской области в соответствии с целями устойчивого развития ООН должно содействовать хорошему здоровью, росту благополучия, реализации качественного образования и гендерного равенства, обеспечению достойной работы и экономического роста.

Доклад «Работать ради лучшего будущего» МОТ ориентирован на то, что экономическая и социальная политика, а также деловая практика, должны быть направлены на человека и его труд, где они займут центральное место в экономике [6, с. 36–37] (рис. 3).

В соответствии с глобальными интересами, отраженными в докладе МОТ, при стратегировании развития занятости в «Амурской области необходимо стимулиро-

вать инвестиции в развитие способностей человека, институты рынка труда, а также в достойную и стабильную занятость», что в свою очередь соответствует целям устойчивого развития ООН [7, с. 23].

Национальные интересы отражаются в национальных проектах, программах и стратегиях Российской Федерации (рис. 4).

Основными направлениями, представленного на рис. 4 Национального проекта «Демография», отражающими национальные интересы развития занятости населения, являются:

1. «поддержка семей при рождении детей, включая создание условий для осуществления трудовой деятельности женщин, имеющих детей, а также дополнительных мест для детей в возрасте до 3 лет по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу»¹;
2. «поддержка и повышение качества жизни граждан старшего поколения и инвалидов, включая систему долговременного ухода и мероприятия по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию»²;
3. «мотивация граждан к здоровому образу жизни, с помощью информационно-коммуникационных кампаний, а также создание условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом»³.

Эти направления, в первую очередь, ориентированы на улучшение качества и уровень жизни граждан, включая содействие развитию занятости социально уязвимых групп населения, поддержку трудовой реализации женщин, а также помощь старшему поколению в обучении и получении дополнительного профессионального образования⁴.

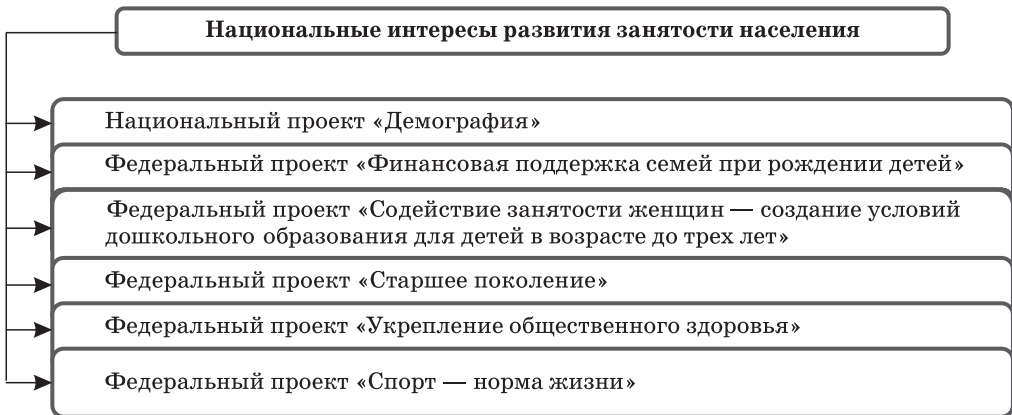

Рис. 4. Национальные интересы развития занятости населения
Fig. 4. National interests of employment development

Источник: Составлено автором на основе: Национальный проект «Демография» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 20.12.2021).

¹ Национальный проект «Демография» // Национальные проекты [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya> (дата обращения: 20.12.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Национальный проект «Демография» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 20.12.2021).

Перечисленные национальные цели соответствуют глобальным интересам и должны быть отражены в документах регионального развития.

В Амурской области реализуются следующие программы, которые направлены на развитие занятости населения (рис. 5).

Представленная на рис. 5 «Программа системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения в Амурской области на 2020–2024 годы направлена на социальную поддержку граждан пожилого возраста»¹, а именно на здоровый образ жизни, медицинскую помощь, культурную жизнь, доступ к информационным и образовательным ресурсам, а также решение проблем при получении пособий и выплат.

Профессор В. Д. Шапиро подчеркнул, что пенсионеры по возрасту являются большим отрядом потенциальных носителей общественной активности [9, с. 17], при выходе на пенсию у данной категории граждан появляется много свободного времени, а это трудовой ресурс, который не расходуется. Ряд мер по поддержке развития занятости лиц старшего поколения необходим, так как они обладают большим опытом, который может быть востребован в экономике. Также это позволит повысить уровень их доходов, а следовательно, качество и уровень жизни.

До 2020 г. в регионе реализовалась «Программа по сопровождению инвалидов молодого возраста при трудоустройстве, в том числе при получении ими профессионального образования, в Амурской области на 2017–2020 годы»², направленная

Рис. 5. Региональные интересы развития занятости населения Амурской области

Fig. 5. Regional interests of employment development in the Amur Region

Источник: Составлено автором на основе: Программы / Управление занятости населения Амурской области [Электронный ресурс]. URL: <https://uzn.amurobl.ru/pages/programmy/> (дата обращения: 20.12.2021).

¹ Программа системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения на 2020–2024 годы // Правительство Амурской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.amurobl.ru/upload/iblock/6ce/PP-Ob-utv-Programmy-sistemnoy-podderzhki-i-povysheniya-kachestva-zhizni-grazhdan-starshego-pokoleniya-na-2020_2024g.pdf (дата обращения: 20.12.2021).

² Программа по сопровождению инвалидов молодого возраста при трудоустройстве, в том числе при получении ими профессионального образования, в Амурской области на 2017–2020 годы // Управление занятости населения Амурской области [Электронный ресурс]. URL: <https://uzn.amurobl.ru/pages/programmy/programma-po-soprovozhdeniyu-invalidov-molodogo-vozrasta-pri-trudoustroystve-v-tom-chisle-pri-poluch-i-prof-obrazovaniya> (дата обращения: 20.12.2021).

на поддержку молодых инвалидов при поиске работы, их адаптации на рынке труда, получении профессионального образования и последующего их трудоустройства.

«Программа повышения мобильности трудовых ресурсов Амурской области на 2015–2024 год направлена на создание новых рабочих мест и содействие работодателям, осуществляющим деятельность на территории Амурской области, в привлечении трудовых ресурсов»¹.

В Амурской области реализуется «Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года»², которая включает в себя задачи, ориентированные на повышение качества жизни, увеличение продолжительности жизни, создание новых рабочих мест и др.

Несмотря на действие в регионе программных документов, которые в той или иной степени оказывают влияние на рынок труда, в Амурской области нет отдельных программ и стратегий развития занятости населения.

Отсутствие согласованности интересов приводит к снижению эффективности реализации стратегических инициатив. На рис. 6–10 сделана попытка представить согласованность стратегических глобальных, национальных и региональных интересов.

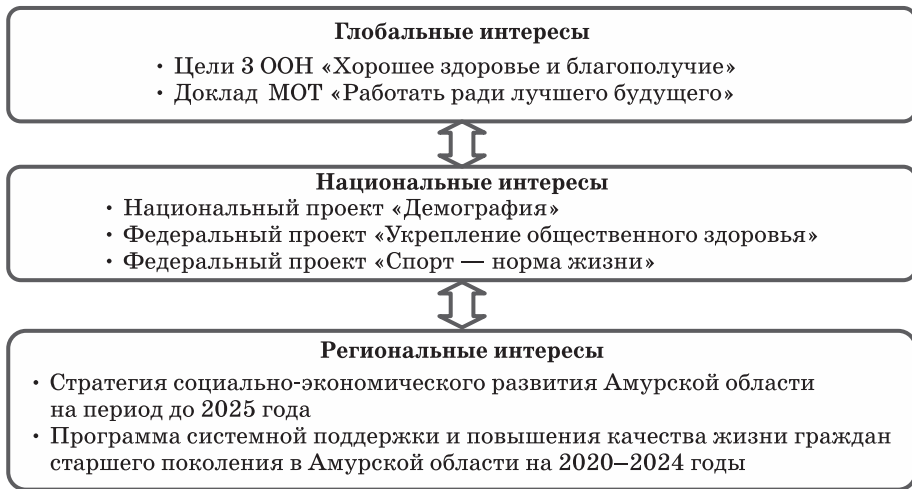

Рис. 6. Согласованность глобальных, национальных и региональных интересов, направленных на обеспечение хорошего здоровья и благополучия

Fig. 6. Alignment of global, national and regional interests to ensure good health and well-being

Источники: Составлено автором на основе: Национальный проект «Демография»; Программа системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения на 2020–2024 годы; Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года; Take Action for the Sustainable Development Goals; Work for a Brighter Future.

¹ Программа повышения мобильности трудовых ресурсов Амурской области // Управление занятости населения Амурской области [Электронный ресурс]. URL: <https://uzn.amurobl.ru/pages/programmy/programma-povysheniya-mobilnosti-trudovykh-resurov-amurskoy-oblasti/> (дата обращения: 20.12.2021).

² Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года // Правительство Амурской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.amurobl.ru/upload/iblock/410/Strategiya-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-Amurskoy-oblasti-oblasti-na-period-do-2025-goda_-utverzhdannaya-postanovleniem-Pravitelstva-Amurskoy-oblasti-ot-13.07.2012-_380.pdf (дата обращения: 20.12.2021).

Рис. 7. Согласованность глобальных, национальных и региональных интересов, направленных на развитие качественного образования
 Fig. 7. Coherence of global, national and regional interests aimed at the development of quality education

Источники: Составлено автором на основе: Национальный проект «Демография»; Программа по сопровождению инвалидов молодого возраста при трудоустройстве, в том числе при получении ими профессионального образования, в Амурской области на 2017–2020 годы; Программа системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения на 2020–2024 годы; Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года; Take Action for the Sustainable Development Goals; Work for a Brighter Future.

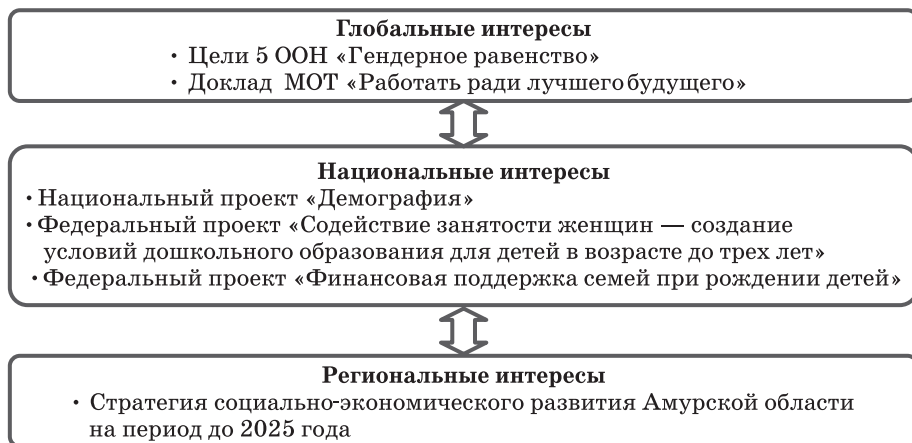

Рис. 8. Согласованность глобальных, национальных и региональных интересов, направленных на обеспечение гендерного равенства
 Fig. 8. Coherence of global, national and regional interests for gender equality

Источники: Составлено автором на основе: Национальный проект «Демография»; Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года; Take Action for the Sustainable Development Goals; Work for a Brighter Future.

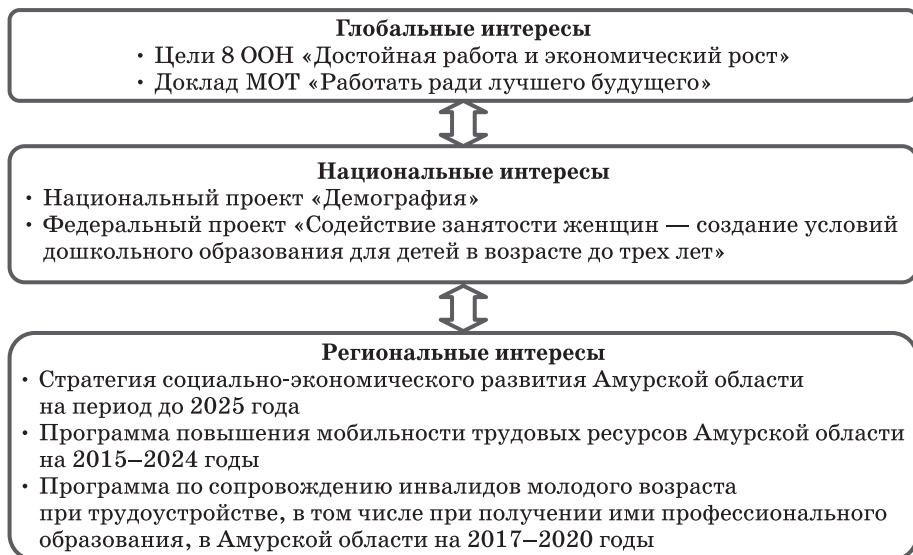

Рис. 9. Согласованность глобальных, национальных и региональных интересов, направленных на обеспечение достойной занятости и содействие экономическому росту
 Fig. 9. Coherence of global, national and regional interests to ensure decent employment and promote economic growth

Источники: Составлено автором на основе: Национальный проект «Демография»; Программа по сопровождению инвалидов молодого возраста при трудоустройстве, в том числе при получении ими профессионального образования, в Амурской области на 2017–2020 годы; Программа повышения мобильности трудовых ресурсов Амурской области; Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года; Take Action for the Sustainable Development Goals; Work for a Brighter Future.

Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию в любом возрасте имеет важнейшее значение для устойчивого развития занятости населения в Амурской области. Проанализированные интересы (рис. 6) представляют собой принципы, руководствуясь которыми регион сможет разрабатывать систему взаимосвязанных стратегических приоритетов и целей, направленных на их реализацию. Учитывая интересы всех уровней, появится возможность решить социальные проблемы, связанные с последствиями COVID-19, обеспечить здоровый образ жизни и содействовать благополучию для всех людей в любом возрасте.

Образование содействует восходящей социально-экономической мобильности и является ключом к преодолению бедности. Реализация представленных на рис. 7 интересов обеспечит возможность решать социально-экономические проблемы, связанные с дефицитом профессиональных кадров на региональном рынке труда и постоянным изменением требований к навыкам занятого населения.

Одним из основных прав человека, а также необходимым условием для мира, процветания и устойчивого развития, является гендерное равенство. Реализация представленных на рис. 8 интересов будет способствовать повышению материального благополучия женщин, их семей, поддержке материнства и детства.

Устойчивый и всеобъемлющий экономический рост может способствовать прогрессу, созданию достойных рабочих мест для всех и повышению уровня жизни. На региональном рынке труда должны создаваться рабочие места, соответствующие условиям достойной занятости, включающей в себя определенный уровень оплаты

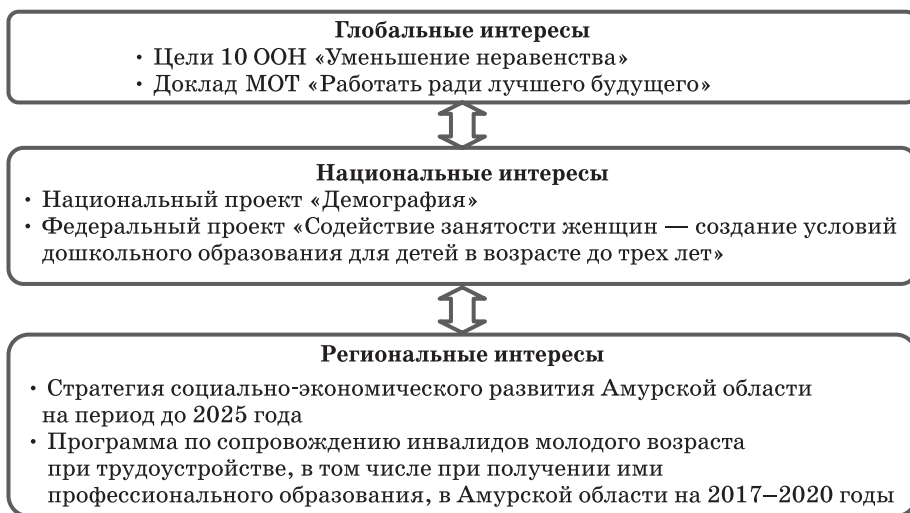

Рис. 10. Согласованность глобальных, национальных и региональных интересов, направленных на уменьшение неравенства

Fig. 10. Alignment of global, national and regional interests to reduce inequality

Источники: Составлено автором на основе: Национальный проект «Демография»; Программа по сопровождению инвалидов молодого возраста при трудоустройстве, в том числе при получении ими профессионального образования, в Амурской области на 2017–2020 годы; Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года; Take Action for the Sustainable Development Goals; Work for a Brighter Future.

труда, условия реализации трудовой деятельности, возможности самореализации, обучения и т. д. (рис. 9).

Сокращение неравенства является неотъемлемой частью достижения устойчивого развития Амурской области, способствующего, в частности, сокращению трудовой миграции из региона. Учитывая интересы всех уровней, появится возможность решить социальные проблемы, связанные с сокращением бедности, повысить удовлетворенность населения региона условиями, качеством и уровнем жизни в Амурской области (рис. 10).

Выводы

Степень интеграции глобальных и национальных интересов в систему региональных стратегических приоритетов определяет потенциал их эффективной реализации. Представленные стратегические глобальные, национальные и региональные интересы наглядно демонстрируют наличие определенной степени согласованности, направленной на решение социальных и экономических проблем, связанных с хорошим здоровьем и благополучием, качественным образованием, гендерным равенством, достойной работой и экономическим ростом, а также уменьшением неравенства в Амурской области. Определение согласованности позволит сформировать такие стратегические приоритеты, направленные на развитие занятости населения, которые обеспечат возможность решить социальные и экономические проблемы, что, в свою очередь, позволит улучшить качество и уровень жизни в регионе.

Литература

1. Кайль Я. Я., Епина В. С. Повышение качества жизни населения субъектов РФ как приоритет совершенствования государственного менеджмента [Электронный ресурс] // Управление экономическими системами: электронный научный журнал 2013. № 9 (57). С. 41–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kachestva-zhizni-naseleniya-subektov-rf-kak-prioritet-sovershenstvovaniya-gosudarstvennogo-menedzhmenta> (дата обращения: 20.12.2021).
2. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. 170 с.
3. Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 897–906.
4. Новикова И. В. Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // Стратегирование: теория и практика. 2021. № 1. С. 57–65.
5. Новикова И. В., Бойко К. В., Дудовцева Ю. В., Овчинников В. А. Стратегические приоритеты формирования достойной жизни в Кузбассе // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13. № 3. С. 308–317.
6. Новикова И. В. Формирование личностной стратегии цифрового человека // Экономическое возрождение России. 2020. № 4 (66). С. 34–42.
7. Новикова И. В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами: учебник. Москва: КНОРУС, 2022. 178 с. (Магистратура).
8. Фелпс Э. Массовое процветание: Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода А. Смирнов. М. : Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 472 с.
9. Шапиро В. Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М. : Наука, 1983. 128 с.
10. Яппаров Д. А. Управление занятостью населения на региональном уровне: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ижевск, 2007.
11. Kvint V., Okrepilov V. Comparing the role of quality of life and values in the development strategy of both emerging market countries and in the west // Innovatsii. 2014. N 9. P. 41–51.
12. Kvint V., Okrepilov V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. N 84 (3). P. 188–200.

Об авторе:

Шевченко Кристина Владиславовна, аспирант кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); boikokv6@gmail.com

References

1. Kail Ya.Ya., Epina V.S. Improving the quality of life of the population of the constituent entities of the Russian Federation as a priority for improving state management // Management of economic systems: an electronic scientific journal [Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal]. 2013. N 9 (57). P. 41–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kachestva-zhizni-naseleniya-subektov-rf-kak-prioritet-sovershenstvovaniya-gosudarstvennogo-menedzhmenta> (in Rus).
2. Kvint V.L. Strategy concept. Kemerovo : Kemerovo State University, 2020. 170 p. (in Rus).
3. Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K. Consistency of global and national interests with regional strategic priorities // Economics and Management [Jekonomika i upravlenie]. 2021. V. 27. N 11. P. 897–906 (in Rus).
4. Novikova I.V. Strategizing the development of labor resources: basic elements and stages // Strategy: theory and practice [Strategirovanie: teorija i praktika]. 2021. N 1. P. 57–65 (in Rus).
5. Novikova I.V., Boiko K.V., Dudovtseva Yu.V., Ovchinnikov V.A. Strategic priorities for the formation of a decent life in Kuzbass // Economics in Industry [Jekonomika v promyshlennosti]. 2020. V. 13. N 3. P. 308–317 (in Rus).
6. Novikova I.V. The personal strategy of a digital person // Economic revival of Russia [Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2020. N 4 (66). P. 34–42 (in Rus).
7. Novikova I.V. Strategic workforce management: a textbook. M. : KNORUS, 2022. 178 p. (Master's degree). (in Rus).

8. Phelps E. Mass Prosperity: How Grassroots Innovation Became a Source of Jobs, New Opportunities, and Change /transl. from English. D. Kralechkina; scientific ed. Translation by A. Smirnov. M. : Publishing House of the Gaidar Institute; Foundation "Liberal Mission", 2015. 472 p. (in Rus).
9. Shapiro V.D. Social activity of older people in the USSR. M. : Nauka, 1983. 128 p. (in Rus).
10. Yapparov D.A. Employment management at the regional level : Dissertation abstract. Izhevsk, 2007. (in Rus).
11. Kvint V., Okrepilov V. Comparing the role of quality of life and values in the development strategy of both emerging market countries and in the west // Innovatsii. 2014. N 9. P. 41–51.
12. Kvint V., Okrepilov V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. N 84 (3). P. 188–200.

About the author:

Kristina V. Shevchenko, Postgraduate Student, Department of Economic and Financial Strategy, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); boikokv6@gmail.com

Рецензия на монографию «Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского)»

Кириленко В. П.^{1, *}, Мишальченко Ю. В.², Довбуш Т. Н.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kirilenko-vp@ranepa.ru

²Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Изданная Фондом «Университет» коллективная монография «Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского)» стала значимым событием в мире науки.

В этой работе большое внимание уделено противостоянию разновекторных сил «Добра — Зла» применительно к Российской Федерации через призму творчества Ф. М. Достоевского. Сейчас на западных границах Российской Федерации активизировались действия ряда западных недружественных государств, входящих в военный блок НАТО, которые, говоря словами Ф. М. Достоевского, отказались от Бога и несут всему миру зло, порок и гибель. В то же время Российская Федерация столкнулась с идеологическим вакуумом после падения СССР и отказа от социалистических идеалов.

Россия может предложить миру новую цивилизационную идеологию Добра, в рамках которой произойдет духовное преображение и освобождение человечества от различных соблазнов, укрепление веры в Бога, установление христианской любви и добродетели. Развитие идеологии Добра становится исторической миссией России в XXI в.

Ключевые слова: Достоевский, добро, добродетель, цивилизационная миссия, геополитические интересы, национальная безопасность

Review of the monograph “The Idea of Good in F. M. Dostoevsky’s Work and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (To the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky)”

Victor P. Kirilenko¹, Yuri V. Mishalchenko², Timofey N. Dovbush²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *kirilenko-vp@ranepa.ru

²Saint-Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The collective monograph “The Idea of Good in F. M. Dostoevsky’s Work and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (To the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky)” has become a significant event in the world of world science that studies issues of international law.

Within the framework of this book, great attention is paid to the opposition of the multi-vector forces of “Good — Evil” in relation to the Russian Federation through the work of F. M. Dostoevsky. Now, on the western borders of the Russian Federation, the actions of a number of western unfriendly states that are members of the NATO military bloc have intensified, which, from the point of view of F. M. Dostoevsky abandoned God and bring evil, vices and death to the whole world. At the same time, the Russian Federation faced an ideological vacuum after the fall of the USSR and the rejection of socialist ideals.

The authors show that Russia can offer the world a new civilizational ideology of Good within which there will be a spiritual transformation and liberation of mankind from temptations, strengthening of faith in God, the establishment of Christian love and virtue. The development of the ideology of Good is becoming the historical mission of Russia in the 21st century.

Keywords: Dostoevsky, goodness, virtue, civilizational mission, geopolitical interests, national security

Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / Следственный комитет Российской Федерации. — СПб. : Фонд «Университет», 2021. — 380 с. (Серия «Наука и общество»).

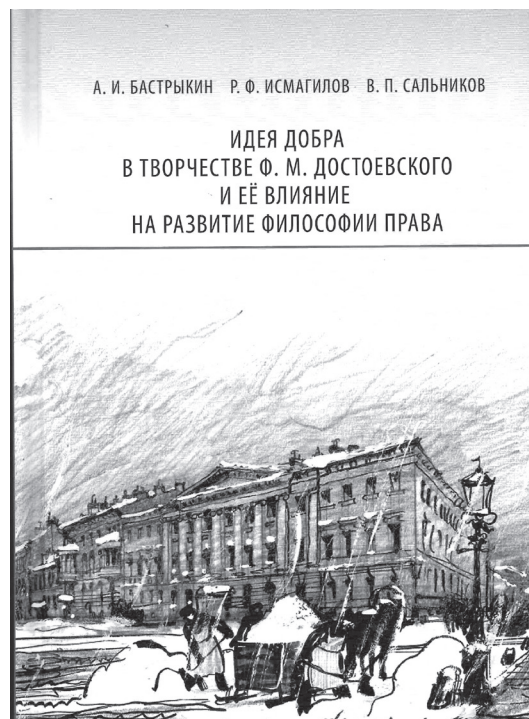
Рецензируемая монография известных российских ученых, докторов юридических наук, профессоров А. И. Бастрыкина, Р. Ф. Исмагилова и В. П. Сальникова посвящена философии права Ф. М. Достоевского, ее метафизическим и этическим основаниям. Основное внимание в книге уделяется трактовке Ф. М. Достоевским основополагающих метафизических, философско-правовых, философско-религиозных, историософских идей: бытия, свободы, человека, души, русского народа и его ценностей, семьи, права, справедливости и др.

Монография разделена по тематике на четыре части, также содержит предисловие и вступительное слово доктора юридических наук, профессора А. И. Александрова «Актуальность творческого наследия Ф. М. Достоевского в XXI столетии». По справедливому утверждению А. И. Александрова, русская цивилизация связана глубочайшими

идеями добра, духовности и сострадания. Указанные идеи гуманизма нашли свое отражение в трудах Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и других величайших мыслителей России.

Идеями гуманизма буквально пронизана вся российская классическая литература, которая говорит о необходимости отношения к каждому человеку как к высшей ценности. В этой связи особый интерес представляет творчество великого русского мыслителя Ф. М. Достоевского, которое задает глубинные мировоззренческие ориентиры, связанные в том числе со смыслом бытия человека.

Для юристов-правоведов особенно актуальным становятся поднимаемые в произведениях Ф. М. Достоевского вопросы соотношения частного и публичного интересов, ответственности человека за совершенное преступление, в том числе неотвратимости наказания за содеянное в виде осознания греха перед Богом. В вопросах происхождения добра и зла Ф. М. Достоев-

ский исходит из того, что источником зла является неограниченная свобода человека. Изначально человек обладает свободной волей и исключительно сам делает выбор между добром и злом. Именно поэтому «бесчинство свободного ума» является основной причиной, которая приводит человека к противоправным деяниям и гибели человека.

В то же время мыслитель полагает, что полностью отвергнуть свободу человека невозможно, поскольку это породит еще большее зло, так как свобода позволяет совершать и подлинно добрые дела. В то время как зло заложено в природе человека и, имея такой внутренний источник, оно может поработить человека через его желания и пороки, которые будут господствовать над разумом.

Важнейшим философско-правовым вопросом, поднимаемым во всех произведениях великого мыслителя, является вопрос о мировой гармонии, воплощенной в идеи абсолютного добра. Так, в романе «Преступление и наказание» Достоевский говорит о неотвратимости наказания за совершенные преступления. Как бы человек ни пытался скрыть свои преступления, возмездие, исходящее от высших созидательных сил, его все равно настигнет. Каждый из героев данного романа Ф. М. Достоевского получает свою кару.

Ф. М. Достоевский осознанно подводит читателя к тому, что любое преступление — это преступление не только против конкретных людей или общества, но и против мировой гармонии. Именно поэтому Родиона Раскольникова призывают покаяться перед народом и землей, ибо только так человек сможет прийти к мировой гармонии.

В первой части монографии — «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского» — убедительно обосновывается, что развитие Российского государства невозможно без актуализации творческого наследия Ф. М. Достоевского, поскольку сейчас западный мир создал свою культуру и цивилизацию, которая не допускает сохранения базовых традиционных ценностей во имя ложной идеи западного превосходства. При этом Россия всегда учитывала достижения науки и культуры других народов в интересах развития собственной государственности и не навязывала иным странам свою исключительность. Ф. М. Достоевский говорил о себе, что происходит из семейства русского и благочестивого, с детства знал Евангелие и главные эпизоды русской истории. Говоря о современной ему молодежи, он сокрушался, что, находясь под влиянием западных ценностей, им будет сложно убедиться во лжи и неправде того, что они считали светом и истиной.

Во второй части монографии — «Особенности понимания философии Ф. М. Достоевского в России и в Западной Европе XIX–XX вв.», а также в третьей — «Этическая, социальная и политико-правовая проблематика в творчестве Ф. М. Достоевского: к вопросу об исторических и метафизических основаниях» огромное внимание уделено проблеме интерпретации творчества Ф. М. Достоевского в России и странах Европы.

В России творчество Ф. М. Достоевского дало значительный импульс развитию русской философии права. Крупнейшие русские философы, в том числе В. Соловьев, Л. Шестов и многие другие в своем творчестве ссылались на труды Ф. М. Достоевского. В русской философии понятие свободы неразрывно связано с идеями Достоевского. При этом не происходит противопоставления человека и государства, так как предполагается, что данные субъекты действуют ради общего абсолютно-го блага. В трудах многих русских философов, благодаря влиянию Ф. М. Достоевского, государство предстает не в виде бездушного аппарата принуждения, а как система нравственного мира.

Ф. М. Достоевский, будучи истинным патриотом России, верил в особую миссию России, в то, что именно русский народ свято хранит христианскую соборность, что делает его «народом-богоносцем», который должен привести все иные страны

ко всеобщему благоденствию и раю на Земле. При этом Ф. М. Достоевский верил в мирную сущность Европы и надеялся, что европейские страны отдадут предпочтение христианским добродетелям, что позволит создать религиозный союз и сохранить всеобщее соборное единство во Христе.

Несомненно, что больше всего читателей заинтересует четвертая часть данного фундаментального научного труда: «Ф. М. Достоевский и “глобальный мир” XXI века». Авторами четко и последовательно доказывается актуальность идей великого мыслителя в XXI в., когда глубокий кризис мироустройства привел к тому, что цивилизационные идеи коллективного Запада стали терять свое влияние в современном мире. Уже очевидно, что американская концепция однополярного мира исчерпала себя, страны Европейского союза также теряют лидирующие позиции.

Западная цивилизация в течение столетий динамично развивалась, появлялись общие идеи для всех народов, причисляющих себя к западной цивилизации. Эти идеи способствовали развитию мировой торговли, появлению капиталистических отношений, но жажда власти, стремление к обогащению, угнетению и уничтожению иных народов привели к тому, что страны Запада разрушили свои культурные ценности, идеи демократии и правового государства, воспетые философами эпохи Просвещения, в том числе Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и многими другими, были заменены торжеством денег. По сути, деньги в западном мире определяют политику и экономические возможности. Идеи гуманизма в западном мире отвергнуты и преданы забвению. Во главе угла только извлечение прибыли, догмат силы и уничтожение инакомыслящих.

В этой ситуации спасение будущего этого мира возможно только со стороны России, которая сохранила свою самобытность и культурно-исторические традиции народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Гибель Российской империи и крах советского проекта, как и последующие либеральные реформы, противные исторической преемственности России, не смогли сломить дух российского общества. Россия смогла выстоять и сохранить высокие идеалы гуманизма и справедливости, уважение к другим народам. Российская государственность с честью выдержала все испытания XX в. и в рамках конституционной реформы, проведенной в 2020 г., объявила миру о преодолении ложных западных идей и европейской ограниченности и о самобытном национальном развитии.

Несомненно, что в отчаянной попытке сохранить мировое лидерство Западный мир постарается в рамках гибридной войны сокрушить Россию посредством навязывания российскому обществу псевдогуманистических идей, созданием коллаборационистских оппозиционных групп, стремящихся ослабить институты государственной власти и ухудшить социально-экономическое положение населения России.

Именно в этот период идея Абсолютного Добра, выдвинутая Ф. М. Достоевским, должна стать основой российской суверенной государственной идеологии. Данная идеология на протяжении столетий составляет нравственный стержень российского общества, объединяет разные народы, проживающие на территории России, и сохраняет российскую суверенность.

Идеология Абсолютного Добра позволит России укрепить свой национальный суверенитет, противостоять чуждой западной бездуховной либеральной культуре и, в конечном счете, выполнить историческую миссию России, возглавив мировые интеграционные процессы, и сохранить в мире идеи гуманизма и традиционные ценности.

В заключение следует отметить, что данная актуальная научная монография, несомненно, будет способствовать реализации российской государственной стратегии, направленной на укрепление суверенитета страны и становление Российского государства как Мировой Державы Добра.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kirilenko-vp@ranepa.ru

Мишальченко Юрий Владимирович, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Российская Федерация); myv2008@mail.ru

Довбуш Тимофей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Российская Федерация); superadvocat812@gmail.com

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); kirilenko-vp@ranepa.ru

Yuri V. Mishalchenko, Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Constitutional and International Law of Saint Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation); myv2008@mail.ru

Timofey N. Dovbush, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation); superadvocat812@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем рукописей, принимаемых к рассмотрению, может составлять от 16 000 до 40 000 знаков;
- заполненное и подписанное «**Обязательство автора(-ов)**», образец которого размещен на сайте журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; ORCID ID автора; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (Results)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (Discussion)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования.

Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Список литературы приводится в конце статьи **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Названия книг, статей и т. д. на **арабском, китайском, японском, корейском**, др. языках (т. е. не имеющих латиницы) приводятся **в переводе на английский язык** (автор, название, место издания, издательство), далее — в скобках — указывается (In Chin.), (In Arab.) и т. д.

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

С полными правилами, а также с образцом оформления статей можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Правила для авторов»:

<https://www.acjournal.ru/jour/about/submissions/authorGuidelines>

2022. № 8(164)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 10.08.2022.

Подписано к печати 28.08.2022.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,50. Тираж 50 экз.

Заказ № 8/22.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97